

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Селиверстов Владимир Валерьевич

Проблема статуса несуществующих вещей в майнонгианской философской традиции

09.00.01 – Онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель -

доктор философских наук, профессор

Порус Владимир Натанович.

Москва – 2013 год

Содержание

Введение.....	4
I. Проблема беспредметных представлений в брентановской философской традиции.....	21
1. Место «предмета» в понимании интенциональности Брентано.....	21
2. Переинтерпретация проблемы интенциональности Твардовским.....	29
3. Проблема различения содержания и предмета представления.....	33
4. Спор о беспредметных представлениях.....	40
4.1.Тезис Б. Больцано о наличии беспредметных представлений. Начало дискуссии.....	42
4.2 Аргументы К. Твардовского в пользу наличия предмета у любого представления.....	47
4.3. Влияние дискуссии о беспредметных представлениях на становление философских взглядов Э. Гуссерля.....	56
4.4. О возможности дискуссии между логицистами и психологистами.....	63
II. Значение теории предметов А. Майнонга. Дискуссия Майнонга и Б. Рассела о несуществующих предметах.....	65
1. Теория предметов А. Майнонга.....	65
2. Рецепция идей Б. Больцано.....	80
3. Влияние К. Твардовского.....	81
4. Развитие теории Майнонга Эрнстом Малли.....	83
5. А. Райнах: критика со стороны феноменологии.....	87
6. Майнонг vsРассел: развитие дискуссии.....	93
7. Аргументы дискуссии.....	105

**III. Проблематика несуществующих предметов в
майнонгианской традиции аналитической философии....110**

1. Краткий очерк рецепции идей Brentano и Meinong в рамках мейнстрима аналитической философии.....	115
2. Теория несуществующих предметов Т. Парсонса.....	119
3. Теория айтемов Р.Роутли.....	135
4. Теория абстрактных предметов Э.Залты.....	147
5. Субституциональная теория искусства Б. Смита.....	156
Заключение.....	170
Библиография.....	176

Введение

Актуальность темы исследования

Проблема статуса несуществующих вещей проходит красной нитью через историю европейской философии. В разное время у разных авторов присутствовало рассуждение о статусе неких аномальных сущностей, с трудом поддающихся описанию в терминах существования и несуществования. «Пегас», «Шерлок Холмс», «Вулкан», «Зевс», «вечный двигатель», «круглый квадрат», «фонтан вечной юности», «золотая гора» – все эти понятия в разное время наделялись разным экзистенциальным статусом. При этом каждый автор обосновывал свою точку зрения по-своему, исходя из собственной логики. Разговор о том, как вообще можно обращаться к несуществующим вещам, в широком смысле был начат ещё Платоном и Аристотелем.

Предметная же дискуссия началась с Д. Юма, для которого думать о предмете означало думать о существующем предмете; думать о несуществующем означало для него впасть в противоречие. Кант считал, что существование не является «реальным предикатом».

Вывести дискуссию о несуществующих вещах на качественно новый уровень смогли представители австрийской философии XIX века, в частности Алексиус Майнонг, который выстроил целую теорию, позволяющую наиболее полно описывать все категории предметов, включая несуществующие. Майнонг, его предшественники и ученики заложили фундамент нового теоретического подхода к рассмотрению несуществующих вещей, предметов (оба понятия в данном контексте мы используем в более широком смысле), на основе которого уже в XX веке философы-

аналитики занялись построением концепций, объясняющих употребление соответствующих понятий в естественном языке.

Трактовка существования в майнонгианской традиции исходит из эмпирического критерия. Именно на основании этого критерия предметы разделяются на существующие и несуществующие. Несуществующие предметы сами по себе включают несколько видов предметов: вымышленные предметы (куда включаются персонажи художественных произведений, предметы научных теорий и т.п.), противоречивые и т.д. Однако проблема в данном случае состоит в том, как мы можем думать, говорить о несуществующих предметах, и можем ли мы вообще. Специфика проблемы несуществующих вещей в этой традиции состоит в том, что эта проблема является как онтологической, так и эпистемологической. Эта проблема непосредственно связана с проблемой существования, поскольку для выстраивания онтологии принципиально важно прояснить различие между существованием и несуществованием, статус существующих и несуществующих предметов.

Проблема статуса несуществующих вещей на сегодняшний день является особенно актуальной в связи с дискуссиями об онтологическом статусе научных предметов, вымышленных предметов и, тем самым, актуальной для современной философии науки и философии культуры.

Степень научной разработанности проблемы.

Конечно, проблема статуса существования вещей обсуждалась ещё в античности и в средние века, в учении Платона и Аристотеля, в средневековой схоластике. Аристотель не проводил определённого различия между существованием и сущностью, различие между тем, чем вещь *является*, и её существованием. Для него сущность – это

виды сущего. Понятие субстанции у Аристотеля понимается двойственно. Она отождествляется как с формой, так и с единичным существом.

В средневековой схоластике проблема разделения видов существования получила своё продолжение. Двусмысленность понятия субстанции у Аристотеля привела к формированию в схоластике нескольких подходов к интерпретации этого понятия. Так согласно номинализму субстанция является единичным индивидуумом, в то время как крайние реалисты считали возможным действительное существование общего. Боэций предпринял определённую попытку внести ясность в учение Аристотеля. Этому поспособствовал его анализ понятий «субстанция» и «субсистенция»: «Субсистенция – это то, что само не нуждается в акциденциях, чтобы существовать. А субстанция – это то, что служит подлежащим для других акциденций, без чего они не могут существовать... Т.о., роды и виды – только субсистенции, ибо роды и виды не имеют акциденций. А индивидуумы – не только субсистенции, но и субстанции, ведь они для своего бытия не нуждаются в акциденциях, но служат подлежащими для акциденций»[7, с. 173].

Более чёткое различие между сущностью и существованием (бытием) проводил уже Фома Аквинский. С его точки зрения, можно иметь представление о том, чем является человек или, к примеру, феникс, вне зависимости от того, существуют ли они или нет. Таким образом, существование – это что-то дополняющее сущность. Существование – отдельное свойство, поскольку оно не является частью природы большинства предметов, и таким образом эти предметы могут мыслиться отдельно от их существования.

Один из наиболее известных тезисов, прозвучавших в Новое время, касательно существования был тезис Канта о том, что существование – не свойство, не реальный предикат. «Если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя ее), то от добавления, что эта вещь существует, к ней ничего не прибавляется. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия. Если даже я мыслю в какой-нибудь вещи все реальности, кроме одной, то от того, что я скажу эта вещь, в которой чего-то не хватает, существует, недостающая реальность не прибавляется: вещь существует именно с тем недостатком, с каким я ее мыслил, в противном случае существование принадлежало бы к чему-то иному, а не к тому, что я мыслил» [23, с. 453]. Вслед за этим последовал тезис Фреге и Рассела о том, что существование является второпорядковым свойством, свойством не предметов, а понятий с точки зрения Фреге или пропозициональных функций по Расселу. В дальнейшем, точка зрения, согласно которой существование не является реальным предикатом, была широко распространена в XX веке. С утверждением о том, что существование необходимо отличать от обычных свойств предмета, был согласен и Майнонг, чья теория является предметом анализа в данной работе. Для него это означало возможность развить мысль, рождённую в рамках школы Brentano, о том, что есть вещи, которые не существуют. Майнонговское понимание несуществующих предметов, его тезис о внебытии по-прежнему остаются предметами для дискуссии, поскольку они не были должным образом прояснены. Для того, чтобы лучше понять майнонговские интенции, следует проанализировать дискуссии о статусе несуществующих предметов,

которые проходили в австрийской философии и, в частности, в школе Brentano до Meinong. Как пишет по этому поводу финский философ Яакко Хинтикка, «я убеждён, что его [Meinong] взгляды на существование и бытие не могут быть должным образом оценены без учёта их исторического бэкграунда... Этот бэкграунд, эта более ранняя история понятий существования и бытия, вообще ещё должным образом не прояснены» [84, p. 29].

В рамках австрийской философской традиции XIX века полноценная дискуссия о несуществующих вещах началась с исследований Б. Больцано, Ф. Brentano, К. Твардовского. Вообще, проблематика предмета и предметности в австрийской философии этого периода представляет собой специфичную область исследований, включающую в себя множество идей и взглядов, связанных друг с другом сложными отношениями. Проблематично даже дать этой традиции некоторое общее название, которое бы учитывало теории всех её представителей. В связи с этим я решил ограничиться при её рассмотрении национальными и временными рамками. Однако быть австрийским философом отнюдь не означает быть австрийцем по национальности. Больцано, например, был чехом и всю жизнь прожил в Праге и её окрестностях. Твардовский был поляком и позднее основал Львовско-Варшавскую школу, а Гуссерль справедливо считается классиком немецкой философской мысли. Единственное, что объединяет всех авторов (Больцано, Brentano, Твардовского, Циммермана, Керри, Гёфлера, Meinong, Гуссерля), чьи идеи я рассматриваю в своей работе, это – общий стиль философского рассуждения и единая проблематика исследований. Австрийская философия этого периода, начиная с Больцано, развивалась в противоборстве с немецкой идеалистической мыслью. Немецкий идеализм с его вязким языком,

его систематичностью, универсальными конструкциями подвергся серьёзной критике со стороны австрийских философов. В своей философии истории философии¹, Brentano называет немецкий идеализм фазой упадка, а Гегеля – «поражением» научной философии».

Ясный стиль, проблемное мышление и отсутствие стремления к системности стали отличительными чертами австрийской философии. Общими темами стали исследование человеческого сознания и его отношения к предметности. Именно этой темой был озадачен Больцано как учёный, именно для этой цели Brentano ввёл понятие интенциональности. Поэтому даже Гуссерля, вплоть до середины 1890-х годов находившегося под влиянием идей Brentano и бывшего среди его учеников, можно было за его философский стиль назвать австрийским философом.

Понятие интенциональности, введённое Brentano для обозначения специфического соотношения сознания и предмета, в дальнейшем использовалось в феноменологии Гуссерля, более известной философской концепции, в связи с чем исходное понимание интенциональности было оттеснено на второй план.

Brentановская школа была в XIX столетии одной из наиболее крупных и влиятельных по числу её представителей. Среди них наиболее известны Майнонг, Гуссерль и Твардовский. Первый разработал теорию предметов, оказавшую влияние на становление аналитической философии. Вторым явился основателем феноменологии, третий – Львовско-Варшавской школы. Ученики и последователи Brentano образовали широкую сеть по обмену идеями (все они состояли друг с другом в переписке, занимались

¹ См. её пересказ в работе К. Твардовского «Brentano и история философии» [57].

исследованием сходной проблематики). Тем более важно проанализировать развитие проблематики предметности в указанной традиции.

В рамках австрийской философской традиции дискуссия о несуществующих предметах началась с работы Бернарда Больцано «Наукоучение» (1837). Его идеи получили развитие в рамках австрийской философии второй половины XIX века.

В частности, его влияние сказалось на становлении взглядов ученика Brentano Казимежа Твардовского – в предпринятом последним различении содержания и предмета представления. Меня интересует, каким образом Твардовский пришёл к различению содержания и предмета представления и можно ли назвать Твардовского его полноправным автором?

Отдельной историей, объединяющей во времени концепции Больцано, Твардовского и Гуссерля, является проблема беспредметных представлений, которая, хотя, на первый взгляд, стоит особняком в работах каждого из авторов, в действительности является основополагающей проблемой для каждого из них, и для определения статуса предметности в том числе. Ведь именно в своей главе, посвящённой беспредметным представлениям, Твардовский и высказывает впервые свой тезис о том, что предмет может, хотя и не существовать, тем не менее, быть представленным. И именно этот аргумент ляжет в основу теории предметов другого ученика Brentano и позднейшего представителя австрийской философии – Алексиуса Майнонга. Майнонг аккумулировал все вышеперечисленные проблемы и темы его предшественников и, переработав их, воплотил в стройную теорию, основной целью которой был анализ статуса предметов. Проблематика предметности

из-за своей неоднозначности постоянно напоминала о себе и, наконец, стала центральной темой его исследования.

После этого дискуссии о несуществующих вещах не закончились, а разгорелись с новой силой. Работа Майнонга была замечена, оценена и воспринята не только немецкоязычными читателями, но и философами-аналитиками. Первым на теорию Майнонга обратил внимание Бертран Рассел, который в тот момент на рубеже веков занимался построением собственной теории, теории терминов. Теория предметов Майнонга послужила источником вдохновения для Рассела, однако Майнонг вошёл в историю отнюдь не как предшественник Рассела, а как его оппонент. Довольно скоро Рассел разочаровался в теории предметов, а позже стал её ярким критиком. На тот момент Рассел уже сформулировал свою знаменитую теорию дескрипций. С его точки зрения, философия, равно как и наука, должна работать исключительно только с существующими предметами. Идеи Рассела были восприняты многими аналитическими философами как руководство к занятию философией. В связи с этим в дальнейшем многие представители аналитической философии приняли на веру доводы Рассела в споре с Майнонгом, а также его принципы работы с несуществующими предметами. Это обусловило тот факт, что аналитическая философия до сих пор не предложила адекватного обоснования статуса несуществующих предметов.

Вслед за Расселом и Куайном, которые отказывали несуществующим предметам в праве на рассмотрение, другие представители мейнстрима аналитической философии утверждали, что эти предметы лишь «пустые» имена, у которых нет референтов, хотя в то же время пытались объяснить то, каким образом мы, тем не менее, можем выносить о них суждения.

Параллельно с антиреалистским подходом к рассмотрению несуществующих предметов, в середине XX века стал развиваться и другой подход, реалистский, основывающийся, как ни удивительно, на идеях Майнонга и австрийской традиции. Сначала эта инициатива предполагала лишь возрождение и интерпретацию майнонговской концепции (Дж. Финдли), а уже позднее формирование собственных концепций на основе его теории (Т. Парсонс, Р. Роутли) и теории его ученика Эрнста Малли (Э. Залта). Первый шаг, сделанный последователями Майнонга, состоял в переводе теории предметов на язык (прежде всего, логический) современной философии. После того как у них появилась новообразованная теория, пришла очередь построения аргументации в пользу этой теории и против её оппонентов.

Что касается традиции в целом, то существует ряд обзорных работ, среди которых можно выделить книгу Р.М. Сэинсбери[131], посвящённую различным подходам к рассмотрению вымышленных предметов. В ней приводится хорошая классификация теорий, как антиреалистских, так и реалистских. Тем не менее, это не просто обзор, а полноценное исследование. Автор ставит своей задачей выявить недостатки реалистских подходов и предложить возможную антиреалистскую стратегию для описания статуса вымышленных предметов. Поэтому естественно, что такой обзор получился несбалансированным, и особенно пострадало описание реалистских подходов.

В отечественной литературе майнонгианская философская традиция исследовалась мало. К сожалению, в русскоязычной философской литературе можно найти лишь отголоски и косвенные признаки споров и дискуссий, которые ведутся в аналитической философии с середины XX века. Одной из главных и вполне

естественных причин такого положения вещей является практически полное отсутствие ключевых источников в русском переводе, в частности главных работ Майнонга о теории предметов. Моё исследование и призвано восполнить пробел в исследовании данной проблематики.

Стоит отметить, что в России существует ряд исследований, посвящённых смежным темам – значению пустых терминов, пустых имён, анализу понятия существования, – которые разрабатывались, в частности, в рамках исследований по логической семантике. В данном случае следует выделить работы В.Г.Кузнецова [28], В.В.Целищева [63; 64], И.А.Герасимовой [12], Е.К.Войшвилло [10], А.В.Бессонова [3], Е.Е.Ледникова [32; 33], Л.Б.Макеевой [36], Ю.Г.Гладких [13], Е.Г.Драгалиной-Чёрной [19], В.А.Смирнова [53;54], Е.Д.Смирновой [55], А.М.Анисова [1], В.Л.Васюкова [9], Р.И.Павилениса [43], В.Н.Карповича [25], В.А.Ладова [30], А.В.Миглы [38; 39] и других. Наконец, вопросам, связанным со статусом существования научных объектов, абстракций, посвящены работы отечественных философов науки – В.А.Штоффа [67], Г.И.Рузавина [52], Ю.Б.Молчанова [41], А.А.Печенкина [46], А.И.Уёмова [58], В.С.Швырева [65], Е.А.Мамчур [37], Л.Б.Баженова [2], М.А.Розова [51], В.С.Степина [56] и др.

Объектом диссертационного исследования являются эпистемологические и онтологические концепции, разработанные в рамках майнонгианской философской традиции и посвящённые проблеме онтологического статуса несуществующих вещей.

Предметом диссертационной работы является онтологический статус несуществующих вещей в рамках майнонгианской философской традиции.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать различные подходы к описанию статуса несуществующих предметов в рамках майнонгианской традиции, и выяснить, насколько они способны обосновать правомочность ссылок на несуществующие предметы в языке.

Исследовательские задачи

1) Проанализировать различные реалистские интерпретации (и их эволюцию) проблемы онтологического статуса несуществующих предметов в рамках майнонгианской традиции. Оценить данные подходы и выявить основные трудности, с которыми они сталкиваются, а также показать значение анализируемых концепций для современных исследований в эпистемологии, онтологии и философии науки.

2) Показать влияние майнонгианской философской традиции на аналитическую философию XX века. Вопреки распространённому мнению, что эта традиция не сыграла никакой роли в дискуссиях в рамках аналитической философии, например, в англо-американской философии, её влияние в действительности было достаточно заметным, и многие авторы (наиболее ярким из которых является Бертран Рассел) развивали свои учения, отталкиваясь от идей своих австрийских коллег и их предшественников.

Методология исследования

Решение поставленных в диссертационном исследовании задач осуществляется на основе методов историко-философской, теоретической реконструкции и сравнительного анализа различных концепций представителей австрийской философии, майнонгианской

философской традиции, в которых рассматривается проблема онтологического статуса несуществующих предметов.

Научная новизна работы

1) Впервые были проанализированы реалистские интерпретации несуществующих предметов, а также проблемы, с которыми они сталкиваются, в контексте единой дискуссии в рамках майнонгианской философской традиции. В частности, было показано преимущество и недостатки двух различий, введённых учеником Майнонга, Эрнстом Малли – между нуклеарными и экстрануклеарными свойствами, а также между кодированными и экземплифицированными свойствами. Из чего был сделан вывод, что второе различие, разрабатываемое в дальнейшем Э. Залтой, позволяет избегать многих противоречий, с которыми сталкивается теория Майнонга. В частности, теория Залты объясняет, почему согласно майнонгианской теории несуществующие предметы могут обладать обычными (нуклеарными) свойствами, и это не имеет никаких экзистенциальных следствий. Таким образом, была намечена перспектива для дальнейших исследований этой проблемы.

2) Проведён первый в российской науке систематической обзор и анализ майнонгианской философской традиции. В частности, тема беспредметных представлений до настоящего момента не подвергалась подробному разбору. Не было и ее единой интерпретации. Моя работа призвана восполнить этот пробел.

3) В данной работе впервые была предпринята попытка произвести теоретическую реконструкцию учений об онтологическом статусе несуществующих предметов – от теорий Больцано и Brentano до концепций современной аналитической философии.

Положения, выносимые на защиту

1. Концепция различения содержания и предмета исследования К. Твардовского является оригинальной и не имеет аналогов в предшествующей философской логике и семантике. Только отчасти теория смысла и значения Г. Фреге может служить таким аналогом. Важное отличие состоит в том, что если различение Фреге является платонистским, то различение Твардовского – психологическим (в методологическом плане, а не том значении, которое Гуссерль вкладывал в понятие «психологизм»), поскольку в данном случае речь идёт о содержании сознания.

2. Точки зрения участников дискуссии о беспредметных представлениях следуют различным стратегиям: логицизма и психологизма. Дискуссия между Расселом и Майнонгом обнаруживает принципиальное расхождение по вопросу о том, что понимается под «реальностью». По Расселу, постулирование несуществующих предметов означает недостаток «чувства реальности». Это постулирование должно быть обосновано и подкреплено логикой. Майнонг же считает, что «предрассудок в пользу действительного» в метафизике ограничивает наш угол зрения только на действительные предметы, в то время как существует, наличествуют или внебытийствует много других типов предметов, которые также должны приниматься во внимание. Казавшееся Майнонгу очевидным различие двух видов предикатов – экзистенциально ненагруженного «быть существующим» (*existierendsein*) и «существовать» (*existieren*), подразумевающего действительное существование – не было понято и принято Расселом, поскольку он просто не видел разницы между этими предикатами.

3. Современные теории, как реалистские, так и антиреалистские не способны предоставить удовлетворительного, логически непротиворечивого описания онтологического статуса несуществующих вещей. Антиреалистские концепции отрицают даже возможность дискуссии о несуществующих вещах. Они пытаются перевести её в план обсуждения проблемы употребления в языке пустых имен. Однако антиреалистская позиция изначально обесценивает собственно философское значение дискуссии о несуществующих вещах.

4. Т. Парсонсу, занимающему в целом реалистскую позицию, удалось в значительной степени дать хорошую интерпретацию теории Майнонга, продумать возможные ее варианты, чтобы избежать противоречий, которыми чревата традиция Майнонга. Однако и ему не удалось построить законченную теорию. Выведенное им различие «нуклеарных» и «экстрануклеарных» свойств предметов всё же содержит ряд неясностей и проблем. Т. Парсонс, считая, что так называемыми «нуклеарными» свойствами могут обладать как существующие, так и несуществующие предметы, приходит к логической «инертности» этих свойств, что нельзя не считать логическим недостатком.

5. Теории Р. Роутли в большей степени удалось выполнить задачу как по интерпретации теории Майнонга, так и по построению на её основе собственной, самостоятельной теории айтемов. Однако и эта наиболее аутентичная из современных майнонгианских теорий, как и оригинальная теория, является уязвимой. Роутли ввёл в майнонгианскую теорию первое оригинальное различие свойств – на характеризующие и нехарактеризующие. Однако, и эта концепция, выдвинутая в полемике с оппонентами майнонгианской теории, в конечном счете, не свободна от противоречий. Как

введённое Роутли различие помогает применять описания несуществующих предметов в рациональных рассуждениях, остается неясным. В частности, наибольшие проблемы возникают в связи с его постулатом о характеристике, который гласит, что вещь, обозначенная при помощи определённой дескрипции, выполняет эту дескрипцию (если является предметом, характеризующимся при помощи β , то « $\beta(a)$ » является истинным). При этом, однако, получается, к примеру, что существующая золотая гора, может быть предметом, который не является существующей золотой горой или является золотой горой, но не существующей. Это постулат позволяет Роутли достойно ответить на ряд критических замечаний Рассела в отношении теории Майнонга, но в целом сам использование этого различия для описания различных предметов сопряжено с определёнными проблемами.

6. Теория объектов Залты изначально стоит особняком среди современных майнонгианских теорий, поскольку она выстроена на основе идей ученика Майнонга Эрнста Малли, чья теория в некоторых аспектах расходилась с концепцией его учителя. Э. Залте удалось выстроить концепцию, которую можно применить в описании статуса вымышленных предметов. Тем не менее, эта теория предлагает недостаточно проработанную концепцию свойств предметов и не может дать удовлетворительное объяснение использованию вымышленных предметов в рациональных рассуждениях. Э. Залта и Э. Малли улучшают концепцию Парсонса, различая кодированные и экземплифицированные свойства, что позволяет избежать этого недостатка, так как абстрактные предметы просто кодируют любые свойства, и это не имеет никаких экзистенциальных последствий, а значит, устраняет возможность логически неконсистентных описаний пустых имен. Однако

подобные улучшения не обеспечивают последовательного и целостного представления о вымышленных предметах.

7. Теория Майнонга, хотя сама и не является достаточно строгой и является недостаточно прояснённой (отсюда возможность противоречий), тем не менее, является хорошим фундаментом для построения новых теорий о несуществующих вещах, которые способны на адекватное описание и обоснование их статуса. Особенное значение имеют те из них, которые применимы для анализа вымышленных предметов в литературе и искусстве, а также для анализа предполагаемых предметов в научных теориях.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования обусловлена тем, что оно позволяет сформировать целостное представление о развитии майнонгианской реалистской теории на протяжении двух веков.

Проделанная работа, в свою очередь, создаёт теоретические и методологические предпосылки для продолжения исследования в рамках майнонгианской традиции. Материал и выводы данного исследования могут быть использованы при подготовке общего курса по эпистемологии и теории познания и специальных курсов по австрийской философии (школа Brentano) и современной метафизике. В широком плане результаты данного исследования могут быть использованы также в языках программирования, инженерных онтологиях и теориях художественного дискурса.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации были представлены и обсуждались в ходе следующих конференций:

1. Конференция «Философия. Язык. Культура», Философский факультет НИУ ВШЭ, 10 марта 2010 года, доклад «Теория предметов К. Твардовского в контексте дискуссий в австрийской философии XIX века».

2. Конференция «Философия. Язык. Культура», Философский факультет НИУ ВШЭ, 9-11 марта 2011 года, доклад «Становление, значение и критика теории предметов А. Майнонга».

3. Конференция «Философия. Язык. Культура», Философский факультет НИУ ВШЭ, 24 – 25 апреля 2012 года, доклад «Спор Майнонга и Рассела о несуществующих предметах»

4. Международная конференция «Австрийская мысль на рубеже XX века», факультет философии и гуманитарных наук, Техасский университет в Арлингтоне, 1-3 ноября 2012 года, доклад «Проблема беспредметных представлений (Больцано, Твардовский, Гуссерль)».

5. Заседание НУГ «Современная метафизика», Философский факультет НИУ ВШЭ, 28 марта 2013 года, доклад «Теория предметов Майнонга и проблема трансцендентного».

6. Конференция «Трансцендентное в современной философии: направления и методы», Философский факультет НИУ ВШЭ, 6 июня 2013 года, доклад «Дискуссия А. Майнонга и Б. Рассела: проблематика и развитие».

7. Конференция «Автобиографические свидетельства в европейской традиции: междисциплинарные перспективы исследований», Философский факультет НИУ ВШЭ, 26-27 сентября 2013 года, доклад «Философская автобиография XIX века: смысл и значение самоизложений представителей школы Франца Brentano».

8. Международная конференция «Онтология негативности», Философский факультет НИУ ВШЭ, 22-23 октября 2013 года, доклад

«Майнонгианская теория несуществующих предметов: проблемы и выводы».

Публикации по теме диссертации:

1. Селивёрстов В.В. Спор Майнонга и Рассела о несуществующих предметах // Философия. Язык. Культура. Вып.3. СПб.: Алетейя, 2012. С.54-66.

2. Селивёрстов В.В. Становление, значение и критика теории предметов Алексиуса Майнонга // Философия. Язык. Культура. Вып.2. СПб.: Алетейя, 2011. С.61-70.

3. Селивёрстов В.В. Теория предметов К. Твардовского в контексте дискуссий в австрийской философии XIX века // Философия. Язык. Культура. Сборник материалов научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. М.: Праксис, 2010. С.65-76.

4. Селивёрстов В.В. Спор о беспредметных представлениях (Б. Больцано, К. Твардовский, Э. Гуссерль) // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2011. №344. С.68-72.

5. Селивёрстов В.В. Становление и значение теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки, 2011, №1. С.198-202.

6. Селивёрстов В., Попик О. Рассел vs Майнонг: смысл диалога // Эпистемология и философия науки, 2013, №2. С.210-218.

I. Проблема беспредметных представлений

1. Место «предмета» в понимании интенциональности

Брентано

Существенно новым этапом в развитии проблематики предметности стало введение понятия об интенциональности. Эта характеристика предмета сразу включает его в схему, структуру сознания и перестаёт мыслиться изобретателем «интенциональности» Францем Брентано в качестве самостоятельного явления.

Чтобы понять, какое место предмет занимал в схеме интенциональности Брентано, необходимо остановиться на исследовании самого феномена интенциональности и связанных с ним вопросах. Для этого целесообразно краткое историко-философское введение в проблематику философской школы Брентано.

В биографии Брентано надо отметить три важных момента: знакомство с Аристотелем, со схоластикой и с позитивизмом Дж. Ст. Милля. Вот три центральных источника, на которые Брентано опирался в своей дальнейшей работе. Понятие интенциональности было выработано им в ходе чтения и исследования работ Аристотеля и схоластов. Их рассуждения о душе, об уме привели Брентано к размышлению о выделении особого свойства сознания: его направленности на предмет. По Брентано, именно оно определяет функции человеческого сознания.

Брентано различает физические и психические феномены; первые существуют реально, вторые – только интенционально. Под психическими феноменами он подразумевает акты сознания, направленные на некоторый предмет. Поэтому схема интенциональности Брентано состоит из акта и предмета. У Брентано

(и у К. Твардовского) предмет является имманентным, присущим человеческому сознанию.

Брентановскую концепцию интенциональности довольно точно выражает следующий пассаж из «Психологии» Brentano:

«Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета, и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью» [8, с. 33].

Характеристикой предмета является его интенциональное внутреннее существование или его интенциональная (ментальная) присущность²: это различные варианты перевода термина, введённого ещё схоластами и звучащего как intentionale Inexistenz. Таким образом, представляемый предмет является предметом нашего внутреннего восприятия. Brentano пишет: «Мы имеем право считать безусловно правильным такое определение психических феноменов, согласно которому они либо являются представлениями, либо, в указанном смысле, основаны на представлениях» [8, с. 30]. С этим связано у Brentano весьма важное разделение предметов или объектов на первичные и вторичные. Первичный предмет – это тот предмет, на который направлен акт (представления, суждения, эмоциональные переживания), психический феномен. Вторичным же является само восприятие предмета, возможно, сам психический феномен³. К

² «Интенциональное внутреннее существование» - перевод Анашвили в сборнике работ Brentano, а «интенциональная присущность» - перевод, предложенный Молчановым. См. [40].

³ На этом разделении Brentano, опять же, сказались взгляды средневековых схоластов, а именно, разделение интенций.

примеру, первичным предметом является слышимый крик (о помощи), а вторичным – соответствующее этому крику представление, суждение или эмоции⁴.

«Одно из наиболее известных и никем не оспариваемых положений психологии гласит, что любой психический феномен относится к имманентным предметам. Наличие такого рода отнесённости – характерная черта психических феноменов» [57, с. 38].

С такого утверждения начинается работа польского философа Казимежа Твардовского (1866–1938) «К учению о содержании и предмете представлений». И далее:

«Психическим феноменам представивания, суждения, желания и отвращения всегда соответствует нечто представленное, нечто подверженное суждению, нечто желаемое или отброшенное, и без этих актов последние были бы ничем. Исключительная важность этого обстоятельства, о котором упоминали ещё схоласты, и даже ещё раньше – Аристотель, в наше время была отмечена Brentano, который, между прочим, положил в основание классификации психических феноменов виды отнесённостей, которые наличествуют между представиванием и тем, что представлено» [57, с. 38].

В данном пассаже основатель Львовско-варшавской философской школы полностью опирается на положения Brentano и даже цитирует его (ибо подобная ссылка на схоластов и

⁴ «Представление звука и представление о представлении звука образуют не более, чем один-единственный психический феномен, который мы понятийно разложили на два представления лишь в отношении к двум различным объектам, один из которых физический, а другой – психический феномен... Мы можем назвать звук первичным, а само слышание – вторичным объектом представления». [8, с. 66].

Аристотеля⁵ имеет место и у австрийского философа в связи сегоintentionaleInexistenz).

Польский исследователь Ян Воленьский формулирует несколько основных положений брентановской «интенциональности»:

1) Каждое представление направлено на некий предмет. Характеристика же этого предмета как интенционального – быть данным в качестве объекта представления.

2) Этот предмет не является вещью.

3) Этот предмет не является содержанием

4) Этот предмет является частью данного представления.

5) Исходя из пунктов 3) и 4) мы можем заключить, что содержания, на которые направлены акты представлений, являются чем-то, что можно назвать «имманентными объектами» [148].

Брентано был реалистом. То, что он признавал имманентную предметность, ещё не означает, что он сводил вещи к интенциональным объектам. Одна из его заслуг состоит в различении психического акта и его предмета. Однако имманентные или интенциональные предметы могут быть интерпретированы по-разному: то как предметы, то как содержания. Это вызвало некоторую путаницу в понимании брентановского учения. Поэтому уже два его ученика, Гёфлер и Твардовский занялись этой проблемой всерьёз.

Ещё несколько замечаний о происхождении брентановского понятия интенциональности. Воспользуемся докладом Романа Громова по проблеме перевода брентановского тезиса об интенциональности [14]. Имеется в виду перевод понятия intentionaleInexistenz и тот самый известный пассаж из книги

⁵ Д. Мюнх пишет, что там, где Брентано ссылается на схоластов, он имеет в виду скорее Аристотеля, так как на него оказал значительное влияние именно Аристотель, произведения которого комментировались средневековыми схоластами. См. [42].

Брентано, где вводится это понятие. По мнению Громова, здесь лежит исток всего феноменологического дискурса. Эта работа привлекает точностью определений и пояснением специфики брентановской системы, его понимания «сознания» и «интенциональности». Громов пишет:

«УБрентано сознание впервые выделено в качестве специфического феномена. Заостряя этот тезис, можно было бы сказать, что до появления брентановской «Психологии с эмпирической точки зрения» в новоевропейской философии сознания вообще не существовало, т.е. оно не выделялось как особый объект познания, как специфически организованное содержание опыта» [14].

Также надо сказать об особенностях брентановского восприятия древних текстов. Он ощущал себя преемником прерванных философских традиций Аристотеля, Фомы Аквинского и Декарта. Громов приводит цитату из работы немецкого исследователя творчества Брентано Клауса Хедвига:

«Философские тексты Брентано, которые местами являются в высшей степени современными, обладают глубинной исторической структурой, которая на сегодняшний день стала чуждой для нас; кажется архаичной, но которая для самого Брентано была хорошо знакомой, поскольку он – конечно, не без некоторой доли условности – понимал себя как собеседника и даже определенным образом как современника Аристотеля, Фомы Аквинского и Лейбница» (цит по: [14]).

В том и состоит терминологическая специфика работы Брентано, что он «совершая заимствования, ясно не различал оригинальное значение понятий и те новые смысловые нюансы, которые они получали у него самого, т.е. им не учитывалось разнообразие

исторических контекстов, в которых они использовались, и связанные с этим смысловые модификации» [14].

В работах, написанных до «Психологии», Brentano в значении *intentionale Inexistenz* использовал понятие *esse objective*, но, опасаясь неверных трактовок этого понятия в новоевропейской философии, стал использовать вышеприведённый известный термин.

Действительно, мы находим у Аристотеля и Фомы Аквинского идею об активном уме, идею внутреннего или ментального существования воспринимаемого содержания в воспринимающей душе, – как раз на эту идею и ссылается Brentano, – но мы не находим у них терминологически выраженного противопоставления содержания сознания (объекта) и реально существующего (вещи), противопоставления *esse intentionale* и *essere reale*, проводимого Brentano. Это говорит о том, что, несмотря на стремление Brentano опираться при разработке собственной теории восприятия на аристотелевско-томистскую традицию, фактически он работает в ином эпистемологическом пространстве, и термин «интенциональный» у него принадлежит уже иной парадигме [16].

Как мы видим, Brentano, формально следуя схоластической традиции, придал заимствованным оттуда понятиям новые значения и смыслы, которые вылились в разработку иной концепции сознания, чем та, что сложилась до него.

Кроме того, Громов подчёркивает, что сознание у Brentano – это часть, область, регион бытия. Таким образом, вышеизложенное различие имеет несколько другой смысл: скорее, различие онтологического статуса акта сознания и содержания этого акта. В результате Громов приходит к выводу, что интенциональность у Brentano вообще не означает того, что принято под ней подразумевать, т.е. она не является характеристикой психических

феноменов в качестве отношений, направленных на объект: «Иначе говоря, «интенциональный» и «направленный на объект» – это не синонимы у Brentano. Этот термин вообще не обозначал подобного свойства психических явлений» [16]. Интенциональное, скорее, ближе к понятию объективного, т.е. «быть интенциональным означало быть данным в качестве объекта представления, и этот термин использовался как в отношении психических, так и в отношении физических феноменов» [16].

Понимание интенциональности как направленности на объект присуще уже Гуссерлю. Важно подчеркнуть, что проблематика Brentano отличается от гуссерлевской. В частности тем, что проблема интенциональности у Brentano имеет ещё и онтологический уровень.

Моя позиция такова: использование понятия интенциональности в значении направленности на объект возможно, но необходимо понимать, что в данном подходе под интенциональностью подразумевается не только это и что данный тезис может быть принят только с учётом сделанных выше оговорок.

Рассмотренные нами идеи Brentano относятся к раннему и среднему периоду его творчества. Между тем, в то время как ученики Brentano занялись развитием идей своего учителя, зафиксированных им в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1974), в рамках собственных исследований по дескриптивной психологии, сам Brentano в своих поздних работах («Об объектах» и др.) изменил свою позицию в отношении актов и предметов представлений. Об этом часто забывают, вспоминая из поздних произведений Brentano лишь его этический трактат «О происхождении нравственного познания».

В поздних работах Brentano со своих, в некотором роде, реистских позиций «опустошил» понятие содержания как

имманентного объекта⁶. Для позднего Brentano акты представлений (так же, как и суждений), воспринимаемые как некие отношения между индивидом и конкретным объектом, на который направлено сознание (вне зависимости от его существования), являются достаточной характеристикой психических феноменов.

Именно на этом этапе Brentano решает прояснить свою позицию в вопросе интенциональности предметов и посвящает этому свою работу «Об объектах» (1908). В ней Brentano жёстко критикует точку зрения, развиваемую, в частности, К. Твардовским, согласно которой предмет нам дан опосредованно, т.е. через некий психический образ. Он согласен, что вместе с восприятием предмета мы заодно, в тот же момент времени схватываем во внутреннем восприятии и само это восприятие, но утверждает, что психический акт при этом направлен непосредственно на предмет.

«Ясно, что если каждый опосредованный, а возможно, опосредованный даже дважды или трижды способ представления и всякое соединение одного способа представления с другим имеет свое собственное имя, то это приводит к совершенно ненужному умножению. А этого всеми силами стараются избегать, подобно тому, как для счета предпочли изобрести искусственную систему, в которой повторяются комбинации нескольких цифр, вместо того, чтобы применять для счета бесчисленное их множество. Средством для этого служит фикция подобных фантомов в качестве посредничающих объектов» [8, с. 140].

Такой поворот мысли Brentano, на мой взгляд, подтверждает наличие двусмысленных положений в его оригинальной теории, о

⁶ Подобное же отношение к содержанию мы можем заметить у ученика Твардовского, онтолога, реиста Гадеуша Котарбиньского, для которого такое понятие как «имманентное содержание представления» казалось чрезмерным гипостазированием. Ср. его: [26, с. 68-71].

которых мы уже упоминали. Brentano, по-видимому, понимал, что та двусмысленность, которую он оставил в определении intentionaleInexistenz, не была принята его учениками и критиками, что привело к выделению ими в самостоятельное понятие такого элемента интенциональности, как «содержание представления». Совершенно очевидно, что в своих взглядах Brentano всегда оставался антипсихологистом и выступал против релятивизма, являющегося следствием психологизма. А в тот период, после публикации работ Гуссерля «Пролегомены к чистой логике» (1900) и «Философия как строгая наука» (1911), содержащих в себе жёсткую критику психологизма, Brentano понял, что его позиция нуждается в прояснении, что спорные места в его учении должны быть устранены. В его работах позднего периода из всей «Психологии...» не подвергается пересмотру лишь глава «О классификации психических феноменов», в которой меньше всего спорных положений.

2. Интерпретация проблемы интенциональности Твардовским

Возрождая античную и схоластическую традицию на новоевропейской почве, Brentano произвёл настоящий переворот в умах своих современников. Европейская философия, переживающая кризис гегелевской философии, нуждалась в новых идеях.

Вокруг Brentano начал формироваться круг учеников. Бóльшую часть своего времени он посвятил преподаванию, а опубликовал всего лишь несколько работ, по которым мы только и можем судить о его воззрениях. Зачастую он излагал идеи своим ученикам в личном общении или в переписке. Поэтому для исчерпывающей реконструкции системы воззрений Brentano приходится обращаться к

трудам его последователей, каждый из которых по-своему пытался оформить идеи Brentano в завершённую систему.

Твардовский был озадачен двусмысленностью некоторых терминов у Brentano. Во-первых, это уже упомянутая необходимость различения имманентного объекта и интенционального, а во-вторых – анализ понятия представленного.

В вышеприведённом пассаже Brentano сам разъясняет двойной смысл интенционального отношения. Интенциональность как отношение предполагает направленность на объект и отнесённость к содержанию. Понятие «содержание» у Brentano не разъясняется, и надо сказать, оно не было эксплицировано и Твардовским. В схеме интенциональности Brentano главной является линия, связующая психические акты и их предметы. Твардовский полагает, что у Brentano остаётся непрояснённой роль отнесённости к содержанию и считает необходимым выделить содержание из акта представления и предмета в качестве особой инстанции, которая решает вопрос о неопределённости интенционального отношения.

Предмет же Твардовский определяет как «всё, что представлено посредством представления, признано либо отброшено суждением, желаемо либо отвергаемо эмоциональной деятельностью... Предметы бывают реальными и нереальными, возможными и невозможными. Общим для всех них является то, что они могут быть или же являются объектом психического акта» [57, с. 78].

Анализ выражения «быть представленным» играет важную роль в учении Твардовского. Точнее сказать, это его самое значимое исследование в рамках Brentановской традиции, правда, не получившее достойной оценки современников. Наиболее ярко этот анализ был воспроизведён в работе Воленского, посвящённой

Твардовскому (см. [148]). Приведём его здесь, чтобы составить более полное представление о системе интенциональности Твардовского.

Для разъяснения выражения «быть представленным» Твардовский прибегает к аналогии с выражением «быть нарисованным», замечая некоторую двойственность, свойственную процессу рисования.

Ведь высказывания «художник рисует картину» и «художник рисует пейзаж», на первый взгляд, не различаются и в принципе могут выступать синонимами. Действительно, деятельность одна, но направлена она на два разных объекта. В первом случае объект – нарисованный пейзаж, во втором – нарисованная картина. Соответственно, предмет – это пейзаж, а содержание – картина, изображение.

Как замечает Воленьский, прилагательное «нарисованный», выполняет три функции относительно «нарисованного пейзажа»:

1) Оно сообщает о том, какое действие мы произвели с самой картиной (мы могли её нарисовать или выгравировать). Оно выступает в качестве определителя (determiner), если мы по отношению к «нарисованному пейзажу» и к «нарисованной картине» используем его в одинаковом значении. При помощи прилагательного «нарисованный» данное произведение искусства включается в класс живописи. Однако тогда слово «пейзаж» относится не к пейзажу в природе, а к картине.

2) Как характеристика пейзажа оно может относить его к некоторому фрагменту природы, которая нарисована. Тогда «нарисованный» является также детерминантом, так как некоторые пейзажи уже были нарисованы, а другие ещё нет. Слово «пейзаж» в данном случае будет относиться к пейзажу. Оно является

модификатором, когда слово «пейзаж» относится не к пейзажу, а к картине, ведь оно изменяет обычное значение слова «пейзаж».

Польский философ специально приводит несколько аргументов в пользу того, что различие между содержанием и предметом представления является не только логическим, но и реальным:

1) Если мы в нашем истинном суждении отвергаем существование предмета, то, так как мы должны иметь представление о том, что мы отрицаем, представление о таком предмете нам даёт содержание.

2) Свойства, которыми может быть наделён предмет, могут отсутствовать у содержания⁷.

3) Множество содержаний могут представлять одни предмет. Различные представления могут относиться к одному предмету. А отличаться они будут при помощи разных содержаний⁸.

В разговоре о Твардовском стоит заметить, что позднее на рубеже XIX и XX веков Твардовский изменил свой взгляд на психологию, о чём он, в частности, написал в своём «Самоизложении» (1926):

«Со временем мои убеждения претерпели определённые изменения, которые, как мне представляется, были движением в сторону более глубокого познания. Прежде всего, здесь следовало бы упомянуть мою точку зрения на психологию, её метод и отношение к другим, в частности, философским наукам. Первоначально моя

⁷ «Золотая гора, например, обладает помимо прочего свойством пространственной протяжённости, состоять из золота, быть больше или меньше, чем другие горы. Эти свойства и отношение величины к другим горам, разумеется, не принадлежат содержанию представления золотой горы. Ведь оно не является ни пространственно протяжённым, не состоит из золота, к нему неприменимы высказывания об отношениях величины» [57, с. 68].

⁸ Твардовский приводит следующий пример. «Содержаниями» представления предмета «Вена» могут быть такие: «город, расположенный на месте римского Ювавум», «место рождения Моцарта» [57, с. 68].

позиция совпадала с позицией Brentano и Marti и состояла в признании за психологией статуса основополагающей науки... Однако появившиеся несколько лет спустя «Логические исследования» Э. Гуссерля убедили меня в невозможности рассматривать добытые психологическим, т.е. эмпирическим путём знания в качестве основания для логически, т.е. априорных суждений»[57, с. 34].

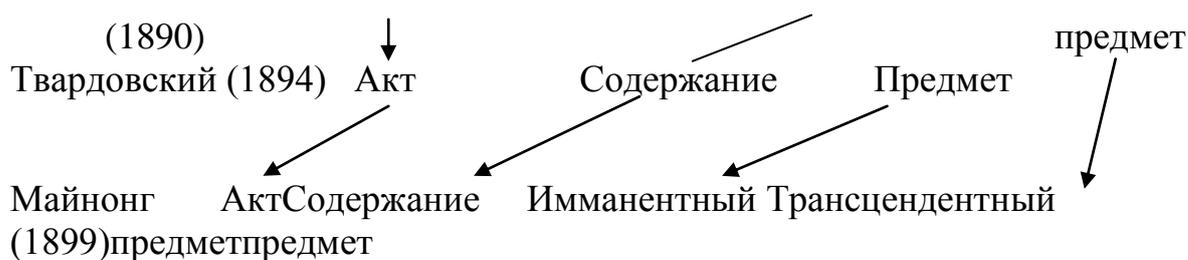
3. Проблема различения содержания и предмета представления.

После выхода в свет Brentanovskoy «Психологии» и вплоть до теории предметов у Meinong предмет стал рассматриваться исключительно в рамках его отношений с содержанием представления. Эти понятия или, если угодно, два структурных элемента интенциональности взаимопределяли друг друга. В связи с этим мы вкратце рассмотрим позиции авторов этого периода, которые писали о необходимости разделения содержания и предмета представления.

Для наглядности воспользуемся таблицей Leopolda Blaustayna⁹, графически изображающей эволюцию концепций акта, содержания и предмета представления в австрийской философии XIX века.

⁹ [4, с. 39]. Здесь представлена не вся таблица Блауштайна, но достаточная её часть для нашего исследования.

С моей точки зрения, подобное изображение систем интенциональности может быть превратно истолковано. Акт, содержание и предмет не могут развиваться самостоятельно, независимо друг от друга, а значит, и рассматриваться должны во взаимосвязи друг с другом. Со временем видоизменялись лишь схемы, взятые сами по себе.

Так, авторы, признававшие различие между содержанием и предметом представления, проводили его либо так, как это делал Brentano, различавший акт и содержание (имманентный объект), либо так, как Больцано, Циммерман, Гёфлер и Керри, которые дополнили различие акта и содержания различием содержания и предмета.

Для того чтобы понять, как и в результате каких дискуссий Твардовский пришёл к своему различению между содержанием и предметом представления, обратимся к идеям авторов, излагавших сходные позиции, в частности к Больцано.

Больцано был первым, кто разделил акт и предмет представления, используя понятие субъективного представления. Brentановская схема (акт и предмет) была близка к идее Больцано¹⁰, хотя, конечно, сам акт и предмет представления Brentано понимал иначе¹¹.

¹⁰ Сходство этих концепций по сути неудивительно, ведь они брали идеи из одного источника: схоластики.

¹¹ По Блауштайну, субъективное представление не соответствует акту у Brentано, также как и Больцано не называет отношение между актом и предметом интенциональным. См. [4, с. 27]. Также о влиянии Больцано на Твардовского см. гл. I, п. 3.

Можем ли мы, следуя схеме, утверждать сходство «акта» представления в схемах интенциональности Brentano и Твардовского? Brentano понимает под актом психический феномен. В принципе, само его разделение феноменов на психические и физические Твардовским принимается. И, таким образом, можно сказать, что понятие акта у Твардовского сходно с Brentanовским. Громов пишет, что у Твардовского «акт понимается как определённый способ отношения к предмету и в этом смысле он аналогичен психическому феномену Brentano» [16]. В своей работе Твардовский не уделяет внимания разработке определения и разъяснению понятия акта. И как видно из приведённых цитат во второй подглаве, в основных положениях (в том числе касающихся акта) Твардовский склонен соглашаться с Brentano.

Роберт Циммерман проводит собственное, причём, фундаментальное разделение понятий и представлений. С его точки зрения, многие свойства одних совершенно не применимы к другим. Так, он проводит подробное различие содержания и предмета применительно к понятиям.

Ещё более подробный анализ понятий даёт Бенно Керри, приводя собственные аргументы в пользу различия содержания и предмета на примере чисел. Керри утверждает, что числа обладают такими свойствами, которых нет у *понятий* этих чисел. Кроме того, существуют так называемые пустые понятия, которые не относятся ни к одному предмету. С другой стороны, есть общие понятия, которые имеют только одно содержание, но относятся ко многим предметам.

Исследования Алоиса Гёфлера (1853–1922) наиболее близки по своим задачам исследованиям Твардовского. Существенное отличие – в степени верности традиции Brentano. Твардовский проводил собственное исследование и строил собственную теорию на основе

идей Brentano, тогда как Гёфлер стремится устранить неясности в теории своего учителя.

Недаром в работе Гёфлера фрагмент, посвящённый различению содержания и предмета, опускался в дальнейших изданиях этой работы. Вероятно, автор сам начал осознавать, что отступает от концепции Brentano.

Гёфлер, как и Больцано, считал содержания присущими субъектам. Гёфлер относит термин «предмет» к сущностям, независимым от акта, и к образам реальных сущностей, существующих в нас. Предметы, существующие в нас, Гёфлер предпочёл называть имманентными или интенциональными объектами.

Гёфлер и Майнонг в своём совместном труде «Логика» [86] стремились, прежде всего, устранить неясности, заключённые в понятии предмета. Они пишут, что понятия «предмет» и «объект» являются многозначными. Они, с одной стороны, означают то, что существует в действительности, само по себе, и на что направлено наше представление, а, с другой стороны, то, что существует в нас: более или менее адекватное психическое изображение реального предмета. Поэтому помимо предмета, независимого от сознания, они вводят понятие «содержание представления», называя его имманентным интенциональным предметом психических явлений. При этом интенциональность, в свою очередь, мыслится направленной на трансцендентный предмет.

Сложно сказать, как изменилось отношение Майнонга к различению содержания и предмета, когда он начал разработку собственной теории предметов. Тем не менее, как замечает Блауштайн [4, с. 37], в отличие от «Логики», в работе «О предметах высшего порядка» [107] (1899) Майнонг различает: акт – содержание –

имманентный предмет – трансцендентный предмет. «Имманентный предмет» у Майнонга не отличается от «имманентного предмета» у Твардовского, а «трансцендентный предмет» – от «трансцендентного предмета» у Гёфлера. Однако дальше в исследование трансцендентного предмета Майнонг не углубляется, концентрируя своё внимание на акте. Акт может быть направлен также к будущим и прошлым предметам, тогда как содержание должно всегда присутствовать, поскольку присутствует представление. Кроме того, содержание необходимо является чем-то психическим, а предмет – физическим. К примеру, я могу представлять различные цветные, большие, тяжёлые предметы, содержание же не может быть цветным, большим и т.д.

Теперь мы имеем представление о том, как обстояло дело с различением содержания и предмета до работы Твардовского. Некоторые авторы полагали, что новация Твардовского в определённой степени эфемерна, что она всего лишь некая оригинальная манипуляция с терминами, которая не вносит никакой ясности в проблемы изучения сознания. Действительно, скепсис по отношению к учению Твардовского – довольно распространённое явление. Истоки различения содержания и предмета представления можно найти практически в любом периоде истории европейской философии у самых разных авторов. Антон Марти и Эдмунд Гуссерль замечали, что данное различение было довольно хорошо известно ещё в античности, о нём продолжали писать в средние века. Критики готовы приписать реальное авторство такого различения и многим современникам Твардовского, начиная, разумеется, с Brentano.

Как было отмечено ранее, понятие интенциональности в том его значении, в котором оно широко использовалось с конца XIX века, было открыто Brentano. Это специфическое отношение к предмету,

представление о котором ещё не было оформлено в античности и в средние века.

Именно благодаря интенциональности различие содержания и предмета представления Твардовского отличается от аналогичных идей в предшествующей философской традиции.

Мы воспроизвели концепцию интенциональности Brentano и показали, что в его системе остались неразрешёнными вопросы с понятиями интенционального объекта и имманентного объекта. Поэтому, с моей точки зрения, сложно говорить о существовании в его системе различения.

Тем не менее, близость взглядов Brentano и Твардовского очевидна. Твардовский многому научился у Brentano и позаимствовал у него многие идеи.

Уместно вспомнить Brentanовское различие первичного и вторичного объекта, усвоенное им при изучении схоластики.

Разделение предмета на первичный и вторичный является для нас важным по следующей причине. Р. Громов пишет, что «содержание акта сознания у Твардовского аналогично первичному объекту у Brentano, имеется в виду непосредственно апперципируемое, имманентное акту сознания содержание» [16]. На мой взгляд, это слишком сильное утверждение. Получается, что Твардовский просто выделил *содержание* и *предмет* из предмета Brentano. С учётом описанных отношений содержания и предмета представления у Твардовского, мы рискнём поспорить с подобным утверждением.

«Содержание» Твардовского (если вспомнить пример с рисованием) действительно отчасти схоже с «первичным объектом» Brentano. А «вторичный объект» Brentano являет собой акт представления первичного объекта.

«Содержание» у Твардовского позволяет обращаться к определённом предмету, но не выполняет функций самого предмета. В таком отношении «первичный объект» Brentano не аналогичен «содержанию». Подобно «объективному представлению» Больцано, он мог служить истоком возникновения «содержания».

Для сравнения данных терминов можно обратиться к тексту Твардовского, где он явно их разделяет. «Выражения «первичный объект» и «вторичный объект» встречаются и у Brentano, но в несколько ином смысле. Если первичным объектом Brentano называет предмет представления, так же, как это делаем здесь и мы, то под вторичным предметом представления он понимает акт и содержание вместе взятые, поскольку они во время представивания предмета «схватываются «внутренним сознанием», и именно благодаря этому представление будет осознанным» [57, с. 54, прим. I]. Данный фрагмент меняет наше понимание проблемы. По Твардовскому первичный объект вообще является просто предметом его [Твардовского] представления; и вторичный объект у Brentano понимается как акт и содержание, схватываемые в представлении.

Завершая рассказ о Brentano, следует сказать несколько слов о рецепции брентановского учения в среде его учеников и последователей. Это поможет охарактеризовать все специфические трудности, с которыми, так или иначе, сталкиваются все исследователи философской концепции Brentano.

Саноцкий в предисловии к русскому изданию Твардовского пишет о том, что «антипсихологизм Brentano, по-видимому, ещё до конца не понят и не реализован» [57, с. 12]. В сравнении с ним, Больцано, переоткрытый Твардовским, стал весьма популярен в конце столетия. Его учение было принято учениками Brentano, в том числе, как мы уже сказали, и Гуссерлем. Brentano на фоне этого был в

большом почёте как тот, кто открыл интенциональность, но при этом само его учение не было вполне понято. Последователи же Brentano, на самом деле, уже занимались развитием собственных идей.

С другой стороны, можно подвергнуть критике само учение Brentano. Как пишет об этом Роберто Поли в работе [118], посвящённой проблеме значимости учения Brentano, Brentановская концепция не производит впечатление некоей целостности, достаточной чтобы включить её автора в число классиков истории философии. Поли пишет о проблеме «незаметности» ('invisibility') Brentano. Он приводит множество причин, среди которых: исторический контекст, специфика жизни Brentano, упомянутый недостаток его учения.

На основе проведённого в данном разделе анализа концепций Brentano и Твардовского следует признать, что попытки свести систему Твардовского к комментариям теории Brentano являются ошибочными. Нельзя отрицать, что мысль о разделении содержания и предмета представления витала в атмосфере эпохи, в которой жил Твардовский (на тот момент выдвигалось много схожих воззрений, взять хотя бы семантическое различие смысла и значения у Фреге), но никто в той области, в какой работал Твардовский (в области дескриптивной психологии), не провёл столь чёткого отличия содержания представления от его предмета.

4. Спор о беспредметных представлениях

Проблема беспредметных представлений как таковая хорошо известна: это вопрос о возможности существования таких предметов, которые даже невозможно помыслить. Эту проблему хорошо иллюстрируют примеры противоречивых предметов, таких как

«круглый квадрат» и т. п. Таким образом, само словосочетание «беспредметные представления» в пояснении не нуждается.

В этой главе нас будет интересовать конкретный спор о беспредметных представлениях, развернувшийся между Б. Больцано («Наукоучение», 1837), К. Твардовским («К учению о содержании и предмете представлений», 1894) и Э. Гуссерлем («Интенциональные предметы», 1894)¹².

У всех троих беспредметные представления понимаются по-разному и должны рассматриваться в контексте их концепций. Кроме того, двое из участников этой дискуссии – Твардовский и Гуссерль – стали основателями двух влиятельных философских направлений: феноменологии и Львовско-варшавской школы. Больцано же, не пользовавшийся при жизни особой известностью, впоследствии также оказал огромное влияние на развитие европейской философской мысли; сегодня его часто называют предшественником аналитической философии. Для каждого из них понимание беспредметных представлений является ключевым моментом в построении собственной концепции на момент написания соответствующих работ. Твардовский на этом этапе в своей главной работе «К учению о содержании и предмете представлений» заложил основы того философского метода и логического мышления, которое позднее стало отличительной особенностью польских философов и логиков Львовско-варшавской школы. Для Гуссерля этот этап был ознаменован отступлением от идей Brentano, учение которого он уже позже считал психологистским, и переходом к строгому логическому

¹² Разумеется, приходится оставить за скобками целый ряд авторов, в чьих работах также поднималась данная проблематика. И возможно первым в списке этих авторов значится Алексиус Майнонг. Тем не менее, мне кажется, в трёх указанных работах наиболее рельефно представлены основные точки зрения и понимания парадокса беспредметных представлений.

и научному мышлению, ставшим в дальнейшем одним из основных принципов его феноменологии.

Мы можем также отметить, что, несмотря на то, что Твардовский и Гуссерль имели общие философские корни, так как оба были учениками Brentano, они вступают в серьёзную и принципиальную дискуссию по поводу беспредметных представлений. В рамках этой дискуссии не только Гуссерль существенно меняет свою философскую позицию, отходя от психологизма, но и Твардовский, развивая идеи Brentano, также разрабатывает собственную уникальную теорию предметов. В результате к концу дискуссии по вопросу беспредметных представлений они занимают принципиально отличные друг от друга позиции.

Тем любопытнее представляется воспроизведение и анализ данного спора, в котором сплелись несколько важных философских проблем и историй, оказавших влияние также на философские дискуссии XX века по проблеме статуса вещей. Но прежде чем обращаться к непосредственному рассмотрению самого спора, уместно привести краткую характеристику учения каждого из его участников на момент начала дискуссии. Однако в силу того что тема беспредметных представлений в учении как Твардовского, так и Гуссерля до сих пор не получила должного разъяснения и сравнительной интерпретации, я хотел бы, не ограничиваясь простым изложением или пересказом идей двух выдающихся мыслителей, восполнить этот пробел в исследовании их творчества.

4.1 Тезис Б. Больцано о наличии беспредметных представлений. Начало дискуссии

В первую очередь обратимся к *opus magnum* Бернарда Больцано (1781 –1848) «Наукоучение», в которой изложено учение о так называемых представлениях-в-себе.

Философская система Больцано антипсихологична по своей сути. Больцано, разумеется, не пользовался подобного рода терминологией, однако, в своих работах стремился разделить психологические и логические проблемы, для того, чтобы можно было сосредоточиться на чисто логических исследованиях. С этой целью он создаёт для логики целый мир, отличный от мира как материальных объектов, так и психических феноменов, т.е. своеобразный третий мир по Попперу¹³. Основным мотивом для выделения такого мира для Больцано, было его убеждение в том, что логические свойства, вроде логической истинности, и логические отношения требуют для себя чисто логических объектов для того, чтобы сохранить свою чистоту от психологизма. Объектом таких свойств истинности у Больцано могут выступать «предложения-в-себе» или «объективные предложения». Эти предложения состояются из «объективных представлений». Слегка трансформируя терминологию Больцано на современный манер, «предложения-в-себе» можно назвать «пропозициями» (высказываниями).

Пропозиции и объективные представления схватываются сознанием человека, в рамках которого они приобретают индивидуально-психологический статус, т.е. становятся, соответственно, субъективными предложениями и субъективными представлениями.

¹³ Параллель с Поппером представляет для нас интерес, так как, на самом деле, она далеко не однозначна. В отношении Больцано сложно с уверенностью утверждать или отрицать близость его концепции к теории трёх миров у Поппера.

Объективные предложения (предложения-в-себе) могут быть истинными или ложными. Нечто, по Больцано, может быть истинным вне зависимости от какого-либо знания об этой истинности. Вследствие этого, Больцано изобретает особое понятие для такой области истин, которое бы не включало всякие только нам известные истины. Поэтому, Больцано вводит термин «истина-в-себе». «Истина-в-себе» - это истинное объективное предложение, или истинная пропозиция, т.е. пропозиция, имеющая свойство быть истинной.

Для того, чтобы подтвердить наличие таких истин, Больцано считает, что необходимо доказать наличие хоть одной «истины-в-себе». Так, он пишет, что выдвигая два противоречивых суждения (например, «существуют крылатые змеи» и «не существуют крылатые змеи»[72,S. 108]) мы не знаем, какое из них истинно, но мы совершенно точно можем быть уверены, что одно из них точно окажется истинным. Истины, открываемые учёными, существуют вне зависимости от этого открытия. Они являются «истинами-в-себе». Один из аргументов Больцано также можно представить следующим образом, как делает это Эдгар Моршер¹⁴:

1. Нет истинных пропозиций.
2. (1) выражает пропозицию.
3. Пропозиция (1) не истинна (из (1) и (2)).
4. Не истинно, что нет истинной пропозиции (из (3) — в противоречии с (1)).
5. Существует, по крайней мере, одна истинная пропозиция (вывод из (1)–(4)).

Предложения и представления-в-себе не действительны, не реальны. Больцано неоднократно подчёркивает это обстоятельство. Быть действительным означает находиться в пространстве и времени,

¹⁴ Пример из статьи Э. Моршера в Стэнфордской энциклопедии по философии.

т.е. в мире материальных объектов физического мира и в мире психических феноменов¹⁵. Объективные предложения и представления отличает то, что они не имеют наличного бытия¹⁶. В отношении идеальных, объективных сущностей Больцано считает неправильным употреблять слово «существуют» (existieren), а правильным – «имеются» (es gibt).

Что касается представления-в-себе, то его Больцано называет «материей» (Stoff) субъективных представлений. Субъективное же представление существует в действительности, когда субъект, например, видит, воображает, думает. Субъективные представления множественны и индивидуальны, а объективное представление всегда едино.

«Субъективное представление есть нечто *действительное* и мыслимое; оно имеет определённое время в душе мыслящего его существа и имеет наличное бытие в разуме представляющего его субъекта. *Представление-в-себе*, или *объективное* представление – это *материя* субъективного... Объективное представление не нуждается ни в каком *субъекте*, которым бы оно представлялось... Субъективное представление множественно и различно... через представляющих его существ. Объективное представление-в-себе всегда едино...»[6, с. 82].

И, наконец, есть предмет представления, с которым соотносятся оба вида представлений. «Под предметом представления я понимаю то (существующее или несуществующее) нечто, о котором обычно

¹⁵ В этой же статье Моршер использует уже упомянутую нами аналогию с теорией трёх миров у Поппера. Материальный мир соответствует, таким образом, первому миру по Попперу, а мир психических феноменов – второму миру.

¹⁶ К примеру, число виноградных ягод, собранных прошлым летом на итальянских землях, является представлением-в-себе, поскольку оно имеется вне зависимости от того, помыслил его кто-то или нет. См. [72, S. 218]

говорят, что оно представляется или имеется представление о нём»[72, S. 219].

Больцано как учёного больше интересуют представления-в-себе, а не субъективные представления. Он подробно разбирает их структуру, их разновидности, свойства. В параграфе, посвящённом определению «объёма представления»¹⁷, Больцано вводит понятие предметных представлений (*Gegenstandsvorstellungen*). Для него это такие представления, которые *имеют* один или несколько предметов: только таким представлениям присущ объём. Напротив, у представлений, не имеющих предмета (*gegenstandlos*), нет и объёма. От понятия объёма представления Больцано переходит к рассмотрению вопроса о природе беспредметных представлений и доказательству их существования. В качестве примера и одновременно аргумента он берёт представление ничто. Надо отметить, анализ понятия «ничто» в дальнейшем станет основополагающим пунктом для всей логической традиции интерпретации проблемы беспредметных представлений. Анализ этого понятия мы находим также у Твардовского.

Больцано пишет, что нелепа сама возможность существования предмета у представления ничто, так как сам предмет уже есть *нечто*. И далее следует очень важное для нас размышление. Под таким представлением понимается само мыслимое представление, сама мысль, а материя (*Stoff*), которую она имеет (т.е. представление в себе), принимается за его предмет. Так можно сказать, что мысль о ничто имеет материю, а именно – само объективное представление

¹⁷ Объём (*Umfang*) представления у Больцано – это та область предметов, к которым относится определённое представление. Это такое «свойство представления, в силу которого оно представляет именно этот или эти, но никакой другой или другие предметы». См. там же. С. 94.

ничто. Но трудно оправдать утверждение, что в основании этого представления лежит некоторый известный предмет [6, с. 96].

По мнению Больцано, фактическое наличие объективного представления ничто подменяется существованием соответствующего предмета. Подобная же схема воспроизводится и с другими видами беспредметных представлений, вроде «круглого четырёхугольника», «зелёной добродетели» или «золотой горы» (примеры Больцано). Резюмируя, скажем, что относительно такого рода представлений (ничто, противоречивых, несуществующих), по его мнению, возможны только субъективное и объективное представления. В последнем и содержатся все противоречивые свойства этих представлений.

Первым и наиболее значительным оппонентом Больцано был Франц Экснер. Экснер находился под влиянием идей Иоганна Фридриха Гербарта, одного из первых психологов. Экснер в своих письмах 1833-1834 гг. отчаянно пытался найти у Больцано признаки гербартовского влияния. Так, субъективные представления рассматривались им исключительно как психологические интуиции. Он старался показать Больцано, что его учение не столь сильно расходится с учением Гербарта и что все свои выводы в духе платонизма Больцано сделал из-за неверного прочтения его работ. Больцано же считал такое прочтение Экснера психологизмом, причём также основанным на неверном понимании его «Наукоучения».

Больцано был практически неизвестен при жизни. Значение его трудов было оценено ближе к концу XIX века. В частности, его имя получило известность после выхода работы Твардовского «К учению о содержании и предмете представлений» (1894). Внимание Твардовского к Больцано привлёк приват-доцент Страсбургского университета Бенно Керри (1858-1889) – работой «О наглядном

представлении и его переработке в психике», в которую вошли статьи 1885–1889 годов.

4.2 Аргументы К. Твардовского в пользу наличия предмета у любого представления

Казимеж Твардовский ставит целью своей работы показать различие между содержанием и предметом представления. В основе этого различения лежит учение Франца Brentano, который впервые ввёл в оборот всю эту терминологию, заново открыв для современной философии понятие интенциональности. Интенциональность для Brentano означала отношение акта представления к предмету. Твардовский же занялся дальнейшей разработкой теории предмета и пришёл к выводу, что помимо акта и предмета в схеме интенциональности необходимо выделить ещё и содержание представления.

Не вдаваясь подробно в проблему происхождения понятия «содержание представления» у Твардовского, отметим, что оно схоже с понятием «объективное представление» у Больцано. Вообще, для Твардовского концепция Больцано является одной из первых, в которой проводится разделение содержания и предмета представления. Твардовский пишет, что до него «неоднократно подчёркивалась разница между содержанием представления и его предметом. Это сделал однажды Больцано и в дальнейшем последовательно придерживался этого различения»[57, с. 53]. «Вместо выражения «содержание представления» Больцано использует обозначение «объективное» представление, «представление в себе» и отличает от него, с одной стороны, – предмет представления, а с другой – «обладаемое» («gehabte») или

«субъективное» представление, под которым он понимает психический акт представления»[57,с. 53, прим. II].

Тем не менее, далеко не все идеи Больцано положительно оценивались Твардовским. Прежде всего, их позиции расходились как раз по вопросу о существовании беспредметных представлений. В отличие от Больцано, Твардовский подошёл к этой проблеме более обстоятельно и выступил с основательной критикой этой части учения Больцано.

По мнению Твардовского сам предмет представления является необходимым элементом в процессе представления. Поэтому предмет у него это «всё, что представлено посредством представления, признано либо отброшено суждением, желаемо либо отвергаемо эмоциональной деятельностью... Предметы бывают реальными и нереальными, возможными и невозможными. Общим для всех них является то, что они могут быть или же являются объектом психического акта» [57, с. 78].

Отстаивая предметность сферы сознания, Твардовский стремится доказать невозможность существования беспредметных представлений. Этому доказательству он отводит целую главу – *«О так называемых «беспредметных» представлениях»*. В ней он, естественно, обращается к критике позиции Больцано. Однако помимо Больцано в его исследовании представлены также позиции многих других авторов, и в частности современников – Керри и Гёфлера.

Как мы уже говорили, Керри испытал серьёзное влияние Больцано. Кроме того, он, в сущности, открыл его учение для Твардовского. Керри пользовался логическими приёмами Больцано, в частности, в своём анализе понятия числа. Он понимал, что число и понятие о нём, по сути, не являются тождественными. Поэтому он

видел свою задачу в том, чтобы провести чёткое различие между ними. В связи с этим различием он пишет следующее: «Нетождественность понятия числа самому числу проясняется уже из того факта, что число имеет некоторые свойства и вплетено в сеть таких отношений, которые чужды понятию этого числа. Далее, можно схватить (сopсіpіren) такое понятие числа, под которое не подпадает ни один предмет [...]»[93, S. 428]¹⁸. Это рассуждение и это различие Керри оказалось чрезвычайно важным для формулировки Твардовским его собственного различения содержания и предмета представления.

Твардовский также приводит мнение Гёфлера, который пишет, что «имеются такие представления, «объём которых равен нулю, т.е. которым не соответствует никакой предмет»[57, с. 57]¹⁹.

Приступая к собственному исследованию проблемы беспредметных представлений, Твардовский начинает с того, что описывает несколько видов беспредметных представлений, выделяемых его оппонентами:

- 1) Представления, в которых происходит непосредственное отрицание предмета, т.е. например, представление о «ничто».
- 2) Представления, в содержании которых объединены противоречивые определения (круглый четырёхугольник и т.д.)
- 3) Представления, предмет которых отсутствует на данный момент в опыте.

¹⁸Твардовский приводит в своей работе пример Керри о беспредметном представлении. У Керри таким является «представление числа большего, чем ноль, и которое, будучи сложением с самим собой, даёт само себя в результате». [57, с. 57]

¹⁹ У Гёфлера примером беспредметных представлений являются представления управляемого воздушного шара и бриллианта в один кубический метр.

Анализ слова «ничто» занимает отдельное место во всей теории Твардовского, хотя он и появляется в связи с проблемой беспредметных представлений.

Твардовский заявляет, что «ничто» – это не негативное категорематическое выражение, т.е. выражение, образованное инфинитацией (*infininitio*) либо присоединением частицы «не» к имени (например, «нечеловек»). Польский исследователь наследия Львовско-варшавской философской школы Ян Воленьский пишет, что согласно Твардовскому «инфинитация имеет смысл тогда, когда – говоря сегодняшним языком – выражения, полученные с помощью инфинитации, сохраняют статус имени. Однако это происходит только тогда, когда пара, составленная из имени и результата инфинитации, имеет более общий род» [11, с. 58-59]. Слово «ничто» не имеет над собой ничего вышестоящего, так как если бы оно было, оно всё равно было бы чем-то. В итоге, по Твардовскому, «ничто» не является именем или названием, т.е. оно не категорематическое, а синкатегорематическое выражение. Наиболее известное его толкование этого состоит в том, что выражение «ничто не вечно» в действительности означает «нет ничего такого, что было бы вечным».

В работах Я. Воленьского содержатся существенные замечания по поводу логических аргументов Твардовского. В частности, он показывает, как можно расценивать его аргументы с точки зрения современной логики: по Твардовскому, «”ничто” выражает отрицание квантора существования, а когда ”ничто“ считают именем, то это результат смешения синтаксических категорий» [11, с. 59].

Твардовский утверждает, что сам Больцано приходил к тем же выводам, хотя признавал синкатегорематическую природу слова «ни один» (*kein*). «Ни один человек», по мнению Больцано, есть представление «человек», соединённое с отрицающей частицей «не»

таким образом, что эта частица относится не к самому представлению, а к предикату.

Воленский замечает, что Твардовский, по сути, предвосхитил на сорок лет аналогичное рассуждение Р. Карнапа. Карнап критиковал выдвинутое Хайдеггером высказывание «DasNichtslichkeit». Он видел синтаксическую ошибку в такой трактовке слова «ничто» (Nichts) [147, с. 219-241].

Твардовский одним из первых начал рассматривать философскую проблематику с точки зрения семантики. Возможно, это и определило становление и особенность Львовско-варшавской школы.

Второй и третий виды беспредметных представлений Твардовский рассматривает вместе. Согласно Твардовскому, в рассуждениях авторов, полагающих, что существуют представления, чьи противоречивые свойства помещаются в содержание и чей предмет отсутствует, имеет место понятийная путаница. Для выявления этой путаницы он предлагает вернуться к разговору о названиях, согласно которому при произнесении какого-либо названия возможно одновременное совершение трёх действий, которые и составляют функции названия. Вот эти функции:

- 1) «сообщение об акте представления, который происходит в говорящем»;
- 2) «порождение у собеседника психического содержания, значения предмета», т.е. воспроизведение в сознании собеседника того же содержания представления, которое присутствует у говорящего;
- 3) «именование предмета, представленного в представлении, которое является значением названия»[57, с. 48]²⁰.

²⁰ Эти же три функции названия позднее были воспроизведены и у Гуссерля.

Таким образом, когда мы говорим «остроугольный квадрат», то, во-первых, совершаем представительство, во-вторых, сообщаем содержание представления, которое, в свою очередь, образует значение названия; и наконец, мы нечто называем, «нечто такое, что соединяет в себе взаимопротиворечащие свойства, и существование чего сразу же отрицается, если об этом названном совершить суждение»[57, с. 60]. Однако, замечает Твардовский, всё-таки в этом своеобразном акте называния мы нечто называем, причём нечто несуществующее. Это нечто не может быть содержанием, т.к. содержание существует, кроме того, мы приписываем этому нечто противоречивые свойства, которых не может быть в содержании: если бы содержание ими обладало, то оно бы не существовало.

Итак, в акте именованя мы именуем предмет, даже в том случае, когда он не существует. Существование понимается в двух смыслах. В первом – это собственно существование предмета, его присутствие в данный момент в опыте. Второй же смысл, по мнению Твардовского, часто не замечается. Это – *бытие предмета представленным* (Vorgestelltwerden): «Предмет представления, в содержании которого представлены противоречивые признаки, не существует; и, тем не менее, утверждают, что он представлен; следовательно, он всё же существует, то есть существует как представленный предмет». Когда мы добавляем к понятию «существование» слова «как предмет представления», мы тем самым модифицируем²¹ значение этого понятия. Получается, что в результате

²¹ Здесь Твардовский использует приём, заимствованный им из традиционной логики. Существует два вида определений: атрибутивное (детерминирующее) и модифицирующее. Первое «дополняет, расширяет в отрицательном или положительном направлении значение того выражения, к которому оно принадлежит»; второе «полностью изменяет первоначальное значение того названия, возле которого оно находится» [57, с. 48]. Пример Твардовского: определение «хороший» в высказывании «хороший человек» является

такой модификации нечто не существует, а лишь представлено. Надо отметить, что согласно Ф. Brentano предметы обладают лишь интенциональным существованием и не обладают действительным. У Твардовского же все предметы существуют реально, кроме тех, которые обладают противоречивыми свойствами. Поэтому такие предметы вместе с теми, которых нет в нашем опыте, идентичны в своей интенциональности и феноменальности брентановским.

В разговоре о «ничто» можно также воспроизвести кантовскую трактовку этого термина. Напомним, что Кант выделяет три типа «ничто», о которых он пишет в «Критике чистого разума»:

«Ничтокак

1. Пустое понятие без предмета, *ens rationis*
2. Пустой предмет понятия, *nihil privativum*
3. Пустое созерцание без предмета, *ens imaginariuin*
4. Пустой предмет без понятия, *nihil negativum*.

Отсюда видно, что пустое порождение мысли (№ 1) отличается от бессмысленной вещи (№ 4) тем, что первую нельзя причислить к области возможного, потому что она есть только вымысел (хотя и не противоречивый), а вторая противоположна возможному, так как понятие упраздняет даже само себя. Но и то и другое пустые понятия. Что касается *nihil privativum* (№ 2) и *ens imaginarium* (№ 3), то они суть пустые данные для понятий. Нельзя представить себе тьму, если чувствам не дан свет, точно так же нельзя представить себе пространство, если не восприняты протяженные вещи. И отрицание, и одна лишь форма созерцания не могут без чего-то реального

атрибутивным; определение «мёртвый» в высказывании «мёртвый человек» является модифицирующим, поскольку мёртвый человек не является человеком. Так же обстоит дело и с «существованием»: определение «как предмет представления» является модифицирующим.

быть объектами»[23, с. 269]. Таким образом, если говорить о №1, то с точки зрения Канта, понятия, которому не соответствует ни одно созерцание, не имеет объекта, что с определёнными оговорками соответствует больцановской позиции о наличии беспредметных представлений.

Несомненно, представляет интерес и чисто психологическое обоснование отказа предмету в существовании. Как пишет Твардовский, человеку не составляет труда представить себе возможный или действительный предмет и вынести в связи с этим некоторое суждение. В отношении же невозможных предметов, «отвергающее суждение возникает спонтанно», т.к. возникают трудности в представлении. Человек, которому не-совершение представления и суждения стоило бы немалых психических усилий, склонен попросту объявить предмет в принципе несуществующим.

Различение «существования» предмета и его «существования как предмета представления», естественно, вызывает ряд вопросов. Основной проблемой является то, что таким образом размывается граница между существованием и несуществованием. Если мы говорим, что некий предмет не существует, но в то же самое время говорим, что он существует как предмет представления, мы тем самым утверждаем существование и несуществование одновременно. Твардовский пытался обойти эту трудность, объясняя это так, что значение понятия «существование» в контексте «как предмет представления» является модифицированным. Выходило, что предмет может не существовать в принципе (например, круглый квадрат), но он существует в представлении круглого квадрата.

Я. Воленский в статье, посвящённой теме беспредметных представлений у Твардовского[147], приводит характерные критические замечания К. Першика [117]. Последний писал, что

аргументы Твардовского против второго вида беспредметных представлений строятся на самоочевидном для Твардовского принципе, согласно которому каждое имя что-то обозначает. Першик подвергает этот принцип критике. Он пишет, что если мы различаем интенциональные и экстенциональные свойства, то если что-то не существует, оно не имеет свойства в экстенциональном контексте. В защиту же Твардовского Воленьский пишет, что «каждое имя что-то обозначает, но только если мы вводим различные категории предметов» [147, s. 12].

4.3 Влияние дискуссии по поводу беспредметных представлений на становление философских взглядов Э. Гуссерля

Теперь обратимся к статье Э. Гуссерля «Интенциональные предметы». Ещё раз напомним, что Гуссерль, как и Твардовский, был учеником Brentano, в частности, посещал его лекции в 1884–1886 гг. В этот период произошло его обращение от математики к философии. Получив изначально математическое образование, Гуссерль проникся дескриптивной психологией Brentano. Под его влиянием он пишет «Философию арифметики» (1891), где производит дескриптивно-психологический анализ математических проблем. На этом собственно психологический, или дофеноменологический, период творчества Гуссерля заканчивается.

В 1892 году Г. Фреге публикует свою знаменитую статью «О смысле и значении», в которой, по сути, предлагает семантический аналог различения содержания и предмета представления у Твардовского. Его знаменитый треугольник «знак (имя) – смысл – значение (денотат)» стал классическим для логической семантики. Подобно содержанию представления смысл является «способом задания» обозначаемого (т.е. предмета).

Целью Фреге было создание совершенного языка, Гуссерль же стремился выстроить философию по научному методу. В этом смысле концепция Фреге ему импонировала. В ходе их переписки, а также после собственных рассуждений он оставляет позицию психологизма.

Как известно, первым собственно феноменологическим произведением Гуссерля стали «Логические исследования» (1900), положившие начало всей феноменологической традиции. Таким образом, разработка собственного учения заняла у Гуссерля около девяти лет. На этот период и приходится издание работы «Интенциональные предметы» (1894), знаменующей переломный период в творчестве Гуссерля.

Подробный анализ этой работы можно найти в предисловии Р. Громова к русскому изданию избранных произведений Гуссерля [15]. Я остановлюсь здесь только на наиболее важных, с точки зрения цели моего исследования, моментах.

«Интенциональные предметы» являются частью труда под названием «Предмет и представление». Эта работа состоит из двух частей: первая посвящена субъективным представлениям, а вторая – объективным. Первая на сегодняшний момент полностью утрачена. Вторая же сохранилась. Она, в свою очередь, также делится на две части, первая из которых называется «Интенциональные предметы», и в ней как раз и рассматривается проблема беспредметных представлений. Во второй части речь шла о соотношении значения и предметов.

Р. Громов замечает: «В этой работе в эскизной форме намечены ключевые идеи, которые впоследствии легли в основу гуссерлевской теории значения в том виде, как она была представлена в «Логических исследованиях». В ней проведены «сущностные различия» между

значением и предметом, значением и содержанием психического акта. Здесь, как позднее и в «Логических исследованиях», Гуссерль использует меререологическую модель (теория части и целого) при описании структуры сложных значений, при решении проблемы соотношения значения и предмета. Здесь же мы находим фундаментальное для гуссерлевской семантики различие самостоятельных и несамостоятельных значений» [15, с. 34].

Итак, в упомянутой работе Гуссерль возвращается к учению Больцано и пользуется его терминологией (в смысле различения субъективных и объективных представлений). В частности, это выражается в проведённом Гуссерлем различении содержания психических содержаний (субъективных представлений), находящихся в ведении психологии, и идеального единства значения (объективных представлений), изучением которого занимается семантика. Мы не можем точно охарактеризовать позицию Гуссерля в отношении к субъективным представлениям, поскольку, как уже было сказано выше, соответствующая глава была утеряна. Однако мне представляется, что для Гуссерля в данном случае более важен анализ именно объективных представлений. Не случайно именно в связи с этим проблема беспредметных представлений рассматривается в разделе, посвящённом объективным представлениям. «Представление» в данном случае понимается как «значение». Дисциплиной, которая рассматривает проблему беспредметных представлений, у Гуссерля становится логическая семантика (вслед за Фреге). «Суть вопроса для него заключалась в исследовании оснований, по которым мы получаем право использовать в научной сфере, и в первую очередь в математике, понятия, обозначающие лишь возможные или недействительные предметы» [15, с. 35].

В начале своей работы Гуссерль весьма любопытным образом пересказывает идеи Твардовского: «Естественно, мы можем представлять предмет, даже если он вовсе не существует; поскольку представлять его означает иметь соответствующее ему духовное отображение (Abbild), и как вообще картина может существовать, в то время как отображаемое не существует, таким же образом и здесь. Содержание представления не затрагивается бытием или небытием предмета, в нём существует образ фантазии, а предмет существует или же нет вне его; в любом случае представление ничего не теряет от того, есть ли он, будет, был или его нет» [18, с. 37].

Начав с некоторой иронии относительно взглядов Твардовского, Гуссерль переходит к их критике. Эта критика относится главным образом к учению о существовании духовного образа предмета. По мнению Гуссерля, Твардовский подгоняет факты под эту теорию, согласно которой «каждое представление относится к своему предмету посредством «духовного образа» (Abbildes)». Он резонно замечает, что есть также такие представления, «в которых фактически не происходит наглядной репрезентации» [18, с. 37]. Существуют такие понятия, с которыми сложно соотнести некий духовный образ (литература, наука, искусство). Что соответствует такому понятию, как литература? Вряд ли мы можем связать с этим некий определённый, наглядный образ.

«Я хотел бы также познакомиться с духовными образами предметов, мыслимых в абсурдных представлениях, и, опять же, с теми, которые мысленно являются математику при прочтении статьи, наполненной сложными системами формул. Настоящие вихри фантазии должны были бы развёртываться в его сознании: пусть поразмыслят о чрезвычайном усложнении понятий, аккумулирующем в одной функционально-теоретической формуле, которую зачастую

можно эксплицировать только благодаря многостраничному перечислению определяющих предложений»[18, с. 37-38].

Отсюда сразу виден контекст, в котором Гуссерль рассматривает данную проблему. Этот пример действительно заставляет задуматься над тем, как в сознании математика развёртывается прочтение и понимание формул с дескриптивно-психологической точки зрения. Вполне естественно, что человек, не сведущий в формульной записи, будет прочитывать её, переводя на привычный для себя язык. Но для математика сам язык формул может быть привычным, и у него в связи с этим будут возникать духовные образы особого рода.

Так или иначе, Гуссерль редко употребляет понятие «содержание представления», используя вместо него «духовный образ» – словосочетание, которое не часто можно встретить у Твардовского. «Психический образ» присутствует в работе Твардовского в качестве одного из определений содержания, но и только. Видимо, в свете такого понимания этого понятия у Гуссерля и сложилось представление о теории познания Твардовского как основанной на отображении. Именно это стало одним из основных пунктов критики теории Твардовского в разных работах Гуссерля. Уже в этой работе он восклицает: «Довольно, опыт никогда не подтверждал эти фантастические предположения»[18, с. 38].

Гуссерль указывает на то, что в акте представления мы, имея в виду образ, всё равно обращаемся к внешнему предмету. Содержание лишь репрезентирует какие-то свойства предмета, но наши суждения и эмоции относятся к самому предмету.

Гуссерль критикует размытое понятие существования у Твардовского, выражая своё недоумение по поводу того, что круглые квадраты в представлении могут встречаться с той же частотой, что и другие предметы.

Для прояснения своей точки зрения Гуссерль сравнивает разделение предметов на действительные и интенциональные с разделением их на определённые («этот лев») и неопределённые («какой-то лев»). Классификация предметов (львов) на определённые и неопределённые отличается от классификации львов на африканских и азиатских. Объём понятия «лев» при этом не распадается. Таким образом, классификация на определённые и неопределённые предметы в действительности есть классификация объективных представлений на такие, в которых отношение к предмету определено, и такие, в которых оно не определено. В результате, как бы ни различались предметы, по Гуссерлю, мы можем говорить о них только тогда, когда они реально существуют в мире. Поэтому значения таких характеристик предмета, как «настоящий, реальный, действительный, существующий», должны быть равны.

Значения таких предметов как «Цезарь» или «Цербер» в этом смысле также признаются недействительными. В отношении данного вида предметов Л. Блауштайн²² выработал особый вид представлений: это так называемые вымышленные представления (imaginative—имажинативные в переводе Домбровского[5]) – представления вымышленных или уже несуществующих предметов. Теория Блауштайна об вымышленных представлениях, условно говоря, дополнение к теории Твардовского. Блауштайн различает два вида предметов в рамках данного вида представлений: собственно вымышленные предметы и предметы воспроизведённые. Согласно

²² Леопольд Блауштайн (1905 – ок. 1944) был учеником Твардовского; слушал лекции Гуссерля во Фрайбурге в 1925. Ему принадлежит работа «Учение Гуссерля об акте, содержании и предмете представления», где он произвёл фундаментальную переработку взглядов Гуссерля, пытаясь встроить их в схему акта, содержания и предмета, предложенную Твардовским. В некотором смысле, позиция Блауштайна была сформирована благодаря синтезу учений его двух учителей.

Блауштайну, эти предметы – типы несуществующих интенциональных предметов. То, будет ли предмет имагинативным или воспроизведённым, зависит от типа акта представления. Блауштайн пишет: «Следя в театре за фабулой драмы Бернарда Шоу «Цезарь и Клеопатра», я думаю о Цезаре – человеке, который давно умер и о котором рассказала мне история. В то же время я думаю о том Цезаре, который в данный момент обращается к сфинксу. В первом соотнесении внимание направлено к предмету *воспроизведённому*, во втором – к имагинативному предмету. Воспроизведённый предмет, в принципе, может быть также и наблюдаемым; имагинативный предмет наблюдать – в точном значении этого термина – нельзя» [5, с. 122].

Это совершенно особый вид представлений, практически не имеющий отношения к восприятию действительности. Схема интенциональности вымышленных представлений, по Блауштайну выглядит так: Акт вымысла – Презентирующее содержание – (Вымышленный предмет) – Воспроизведённый предмет. При этом вымышленный предмет в теории Блауштайна занимает особое положение. Воспроизведённый предмет, как пишет, Блауштайном может восприниматься, а имагинативный предмет не связан с реальными пространством и временем. Он является квази-пространственным и квази-временным. Он вообще квази-реальный предмет. «Мы воспринимаем, например, баранов в стаде «на» экране живыми (существующими), но с предостережением *quasi*» [5, с. 128]. Отличие этих предметов состоит в способе задания предмета содержанием представления (материей акта по Блауштайну), задания его свойств, которые в случае имагинативных предметов являются с свойствами с приставкой «квази». Вопросом статусом существования этих предметов Блауштайн занимается мало. Он откровенно заявляет,

что его это не интересует: «Вопрос, обладают ли они теми свойствами, которыми в материи наших представлений мы их наделяем, resp. существуют ли они вообще, принадлежит эпистемологии и не интересует нас, поскольку мы занимаемся исключительно описанием характера и содержания переживаний» [5, с. 118].

4.4. О возможности дискуссии между логицистами и психологистами

Резюмируя, подчеркнём изначальную разницу анализируемых здесь идей троих авторов. Больцано, а в ещё большей степени Гуссерль, стремились к развитию строго научного знания и потому выстраивали свои концепции с опорой на логический аппарат. Твардовский же был классическим представителем дескриптивной психологии. Вопрос о возможности сопряжения столь различных позиций в рамках одной дискуссии остаётся открытым. Гуссерль в своей работе жёстко формулирует свою позицию относительно текста Твардовского. Возникает вопрос не только о том, как возможна дискуссия, но и том, как возможен продуктивный для обоих авторов спор, так как высказываемые ими точки зрения относятся к различным системам мышления: логицизма и психологизма.

Ещё одним примером такого принципиального различия логического и психологического понимания вещей является дискуссия между Керри и Фреге. Керри выдвинул ряд возражений в отношении работы Фреге «Основания арифметики» (1884). Возражения касались слова «понятие», и Фреге в своей работе «О

понятии и предмете» (1892) указывает на возможность различного понимания этого слова.

«Слово "понятие" употребляется по-разному: отчасти в психологическом, отчасти в логическом смысле, отчасти, быть может, в смысле, представляющем собою неясное смешение первых двух. Эта фактически существующая свобода находит своё естественное ограничение в требовании, чтобы однажды принятый способ употребления слова сохранялся и в дальнейшем. И я принял решение строго придерживаться чисто логического употребления. Вопрос о том, какой из способов употребления этого слова более целесообразен – психологический или логический, я оставляю в стороне как менее важный. Люди легко договариваются о способе выражения, если они признают, что нечто является тем, что заслуживает особого названия»[59, с. 253].

Керри тогда стоял на позициях психологизма и потому рассматривал «понятие» в отличном от Фреге ключе.

Один из участников дискуссии К. Твардовский на позднем этапе своего творчества в «Самоизложении» по-своему оценивает прошедшую дискуссию о психологизме. На его взгляд, различие между психологистами и антипсихологистами не является столь принципиальным, как многим кажется. «Противоречие между психологизмом и антипсихологизмом в логике является, в конечном счете, вопросом границы, объёма её предмета, а не вопросом теоретического обоснования её суждений» [57, с. 34].

Современный итальянский исследователь Р. Поли, говоря о взаимоотношениях логики и психологии, подчёркивает значимость логико-психологического дискурса для науки в целом. Он пишет, что «одним из принципиальных следствий перехода от метафизики к онтологии явилась разобщённость, возникшая между психологией и

логикой. Эта разобщённость, которая на различных уровнях характеризовала весь двадцатый век и которая только сейчас, благодаря вкладу новых исследований, исследований искусственного интеллекта и когнитивной психологии, наконец, начала исчезать»[118, р. 11].

Спор о беспредметных представлениях занял определённое место в учении каждого из авторов, и для каждого он имел своё значение. Гуссерль начал с критики психологического подхода к интерпретации беспредметных представлений, и это помогло ему в формировании его собственного учения. Исследование Твардовского оказалось уникальным с точки зрения, например, анализа слова «ничто». Многие другие его идеи стали впоследствии существенной частью теории предметов. Аргументы Твардовского против беспредметных представлений повлияли на формирование теории предметов А. фон Майнонга (его различение трёх типов предметов). В свою очередь, идеи Майнонга сыграли определённую роль в становлении дискурса аналитической философии, хотя сам Майнонг нередко играл в ней роль критикуемой фигуры. Его позиция заинтересовала Б. Рассела, который был первым реципиентом и первым критиком его теории в аналитической философии. Идеи всех этих мыслителей продолжают сохранять актуальность и для современной аналитической философии.

II. Значение теории предметов А. Майнонга. Дискуссия Майнонга и Б. Рассела о несуществующих предметах

1. Теория предметов А. Майнонга

Принято считать Майнонга трудным автором. Говорят, что его тексты сложны для понимания, а идеи, представленные в этих

текстах, чуть ли не абсурдны. Как бы то ни было, начиная со второй половины XX века, идеи Майнонга практически исчезают из философских дискуссий. Можно напомнить высказывание Гилберта Райла, ставшее своего рода приговором наследию австрийского мыслителя: «Давайте сначала честно признаемся в том, что сама теория предметов мертва, давно похоронена и вряд ли когда-либо возродится» [130, р. 255]. Приговор, однако, не был приведён в исполнение. Многие авторы, в том числе и работающие в русле аналитической философии, пытались вернуться к идеям Майнонга, находя их небесполезными для решения актуальных проблем.

Рецепция идей Майнонга всегда наталкивалась на ряд проблем. Частично это объясняется тем, что она, как правило, опосредуется различными репрезентациями его теории в работах разных авторов XX века. Впервые Майнонг появился в англоязычной философской литературе в роли главного собеседника, а позднее и главного оппонента Бертрانا Рассела, и некоторые тезисы теории предметов стали известны в аналитической философии из рецензий Рассела на работы австрийского философа. В Россию идеи Майнонга попадали исключительно из англоязычной литературы. Возможно, поэтому здесь за его именем закрепилась транскрипция «Мейнонг».

Основные положения своей теории Майнонг изложил в статье «О теории предметов», которая является вступительной статьёй к сборнику, вышедшему под его редакцией и называвшемуся «Исследования по теории предметов и психологии» (1904).

Майнонг начинает свою работу с того, что воспроизводит, согласно заветам всей брентановской школы, пассажи, посвящённые интенциональности сознания:

«Положение о том, что познание невозможно, если оно не является познанием чего-то, или, в более общем виде: суждение и

представления невозможны, если они не являются суждениями и представлениями о чём-то, принадлежит к наиболее самоочевидным положениям, которое выявляется при самом элементарном рассмотрении данных переживаний» [34, с. 201].

Однако при этом Майнонг пока говорит только о представлениях и суждениях – двух актах сознания, где схема интенциональности пока подразумевает отнесённость к предмету.

«Более запутанно в этом отношении дело обстоит с чувствами и желаниями. Что касается чувств, то здесь, по меньшей мере, сам язык указанием лишь на сами наши ощущения (например, радость, боль или же сочувствие, зависть и т.п.), несомненно, вводит нас до некоторой степени в заблуждение. Также и в случае с желаниями иногда полагают необходимым, вопреки имеющемуся и здесь совершенно однозначному свидетельству языка, принимать во внимание возможность существования таких желаний, в которых ничего не желается. Но даже тот, кто не согласился бы с моим мнением о том, что чувства и желания постольку являются несамостоятельными психическими фактами, поскольку их необходимой «психологической предпосылкой» являются представления, не задумываясь, признает, что мы радуемся чему-то, интересуемся чем-то, что мы, по крайней мере, в большинстве случаев не можем хотеть или желать без того, чтобы хотеть или желать чего-то» [34, с. 203].

На момент написания Майнонгом своей работы интенциональность как таковая перестала быть достоянием одной только школы Brentano. Её уже начали считать характерной чертой набравшего тогда оборот учения Гуссерля. Более того, с этих пор именно феноменология Гуссерля претендовала на правильную трактовку интенциональности. Кроме этого, так или иначе,

понятиями «предметности» или «объектности» тогда же начали оперировать в различных сферах знания: теории познания, психологии и др. В некотором роде интенциональный подход в описании человеческой психологии использовал даже З. Фрейд, кстати, также посещавший в своё время лекции Brentano.

Такое положение дел Майнонга не устраивало. С его точки зрения, теория предметов сама по себе вправе претендовать на статус отдельной науки, обладающей собственной областью исследования и способной лечь в основу других гуманитарных наук.

Однако сходной претензией на всеохватность обладает и метафизика. Не пересекаются ли с ней задачи теории предметов? Майнонг постулирует ограниченность метафизики, связанную с тем, что область её исследования включает в себя лишь всё существующее: «Если вспомнить о том, как метафизика с давних пор стремилась включить в область своих интересов далекое и близкое, малое и великое, то можно с удивлением отметить, что метафизика не может взять на себя только что сформулированную задачу. Она, несмотря на все свои достижения, не может стать наукой о предмете, так как ее исследованиям не хватает той универсальности, к которой она так отчаянно стремилась и которая таким образом стала для нее роковой. Метафизика, несомненно, должна иметь дело с совокупностью всего того, что существует. Однако совокупность всего того, что существует, включая также и все то, что существовало и будет существовать, все же бесконечно мала по сравнению с совокупностью предметов познания» [34, с. 205]. Из этого вытекает положение Майнонга о том, что философское исследование не должно ограничиваться только существующими предметами, так как это сильно ограничивает горизонт познания. В связи с этим стремление некоторых авторов

логически разделить и исключить из рассмотрения несуществующие предметы расценивается Майнонгом как «предрассудок в пользу действительного» (das Vorurteil zugunsten des Wirklichen).

В теории Майнонга существует, в отличие от его предшественников в австрийской традиции, более-менее чёткое разграничение понятий «предмета» и «объекта»²³. У него это различие связано с выделением нескольких классов предметов. В работе «О теории предметов» он выделяет два таких класса: «объекты» и «объективы». Объекты являются предметами представления, а объективы – предметами суждения.

«Главные классы предметов могут быть охарактеризованы исходя из главных классов схватывающих переживаний; а схватывающими являются [...] все элементарные переживания. Четырём главным классам последних – представлению, мышлению, чувству и желанию – противостоят, таким образом, классы предметов – объекты, объективы, дигнитативы и дезидеративы» [35, с. 22-23].

Помимо этого, предметы подразделяются Майнонгом на действительные, идеальные и чистые. Майнонг определяет «действительное» как всё то, что в принципе может (а значит, могло и будет) существовать по своей природе. Идеальные же предметы не могут в принципе обладать существованием. Они могут лишь иметься в наличии²⁴ (bestehen). К ним вообще неприменимы

²³ В англоязычной традиции такое различие является проблемой для переводчиков и читателей, так как в английском языке отсутствует точный аналог «предмета».

²⁴ В оригинале Майнонг использует термин «Bestand» (глагол – «bestehen»), который означает некое идеальное бытие предмета. Этот термин не имеет на данный момент оптимального эквивалента в русском языке. Текущий вариант, который использовался в переводе работ А. Райнаха и «Самоизложения» А. Майнонга, – «наличие», «наличествовать», «иметься в наличии». Переводчик «Самоизложения» Роман Громов в этой связи пишет: «Поскольку в настоящий

термины существования и несуществования, так же как и темпоральность. Примерами идеальных предметов могут служить такие феномены, как: прошлое, равенство, различие, ценность, число, объектив. Оптимальным примером работы с идеальными предметами является математика, так как «то бытие, которым должна заниматься математика как таковая, абсолютно не является существованием (Existenz); в этом отношении математика никогда не выходит за пределы наличия (Bestand)» [34, с. 206]. При этом, несмотря на то, что математика, по-видимому, в своей интенции подразумевает отношение к существующему, на самом деле, как пишет Майнонг, под «существованием» математики подразумевают возможность. Тем самым столь фундаментальная наука, как математика в своей непосредственной независимости от существующего демонстрирует, насколько неправомерным является предрассудок в пользу действительного.

После описания бытия в узком смысле Майнонг переходит к его определению в широком смысле. Бытие манифестируется, как пишет Майнонг, в модальных определениях. При этом фактичность может быть приписана только объективу. «Она образует из качественно различных данных, из возможностей одно окончание отрезка, на другом конце стоит нулевая возможность,

момент еще отсутствует традиция перевода Майнонга, мы опирались в значительной мере на опыт перевода терминологически близких произведений Адольфа Райнаха (пер. Виталий Куренной). В частности, мы сохранили перевод Bestand и Bestehen как "наличия", соответственно, переводили глагол bestehen как "иметься в наличии" [35, с. 79]. Проблема с понятием «наличие» в данном случае состоит в том, что оно предполагает некоторую степень существования (чего нет в «Bestand»), а также данность предмета субъекту. В английском переводе был использован более подходящий термин – subsistence, в связи с чем некоторые отечественные авторы предпочли его русскоязычную кальку – глагол «субсистировать», что, на мой взгляд, не является адекватным решением проблемы. Поэтому, ввиду сделанных оговорок и отсутствия лучшего термина, я всё же предпочитаю использовать понятие наличия.

нефактичность» [35, с. 27]. Ещё одним модальным определением в объективах может служить необходимость. «Её сущность в настоящее время может быть описана, по-видимому, лишь с помощью акта схватывания. Она не является усилением фактичности, она встречается, напротив, также лишь в возможных объективах» [35, с. 27]. Говоря о модальности, Майнонг делает ссылку на традиционные концепции модальности. Таким образом, он встраивает их в свою систему. Вообще, в связи с тем, что брентановская традиция сформировалась в частности под влиянием Аристотеля, которого Brentano изучал, и схоластики, можно говорить о том, что она в известном смысле заимствовала отсюда и некоторые принципы. К этому относится и аристотелевское различие между действительным, возможным и необходимым, развиваемое также и в схоластике. Я думаю, Майнонг опирается в своих работах именно на это старое различие. При этом здесь же следует упомянуть также три вида суждений по модальности, развиваемые Кантом: аподиктические (суждения необходимости), проблематические (суждения возможности) и ассерторические (суждения действительности).

Проведённый Майнонгом анализ представления, размышления о различиях представлений и суждений, привели его к мысли о том, что теория предметов не исчерпывается только идеальными и действительными предметами. На уровне суждений предмет не является просто представленным, так как здесь его существование подлежит позитивной либо негативной оценке. Представление же может быть только позитивным. Таким образом, объект является всегда данным в представлении, а на уровне вынесения суждения, предметом которого уже является объектив, выносится соответствующее суждение о существовании предмета. В пояснение

понятия объектива Майнонг пишет, что «отношение взаимосвязанности соединяет в первую очередь не столько сами эти предметы действительности, сколько, в гораздо большей степени, их бытие или же даже небытие. В процессе познания подобной взаимосвязи мы имеем дело уже с той своеобразной предметностью, относительно которой, надеюсь, мне удалось показать, что она таким же образом соотносится с суждениями и предположениями, каким подлинный предмет противостоит представлениям. Для этой предметности я предложил термин ”объектив“ (Objektiv) и пояснил, что сам этот объектив выполняет опять же функцию подлинного объекта, в частности он может быть предметом нового, направленного на него как на объект, суждения, а также иных интеллектуальных операций. Когда я говорю: ”истинно, что противоположности существуют“, то истинность приписывается не противоположностям, а объективу ”того, что противоположности существуют“» [34, с. 206].

Помимо разделения предметов на действительные и идеальные и на объективы, дигнитативы и дезидеративы Майнонг вводит также разделение на предметы, обладающие бытием, и предметы, обладающие так называемым так-бытием (Sosein) или бытием определённого рода. Бессмысленно, с его точки зрения, утверждать какие-то свойства предмета, не говоря при этом о том, существует ли он или может ли он существовать. Так, «фигуры, с которыми имеет дело геометрия, не существуют, как мы знаем; но всё же мы имеем возможность выявить их свойства, то есть их бытие в определённом качестве» [34, с. 208]. Как справедливо замечает Майнонг, любое небытие должно располагать средствами для того, чтобы представить предмет, по крайней мере, для тех суждений, которые описывают это небытие. Я полагаю, что выделение так-

бытия предметов стало первым шагом для окончательного отделения чистого предмета от утверждений о его бытии или небытии.

Итак, согласно Майнонгу объективы требуют для себя объекты, которые соответственно являются предметами суждений. Они тем самым оказываются основой теории предметов. Только объекты могут существовать. Объективы, дигнитативы и дезидеративы могут лишь иметься в наличии. Любое заявление о бытии или небытии, так же как о существовании или наличии объектов, может быть сделано только на уровне объективов. Таким образом, можно утверждать, что объекты сами по себе безразличны к бытию или небытию. Бытие, взятое в широком смысле, разделяется на так-бытие и бытие в узком смысле. Как раз бытие в узком смысле в свою очередь различается на существование и наличие. Это означает, соответственно, что все предметы обладают так-бытием, но не все – бытием. Так, если взять в качестве примера такой предмет как «круглый квадрат», то этот предмет как раз и будет, по Майнонгу, обладать так-бытием, хотя при этом не существует и даже не имеется в наличии.

Однако, как замечает Майнонг, когда у нас есть лишь эти два типа предметов, мы можем столкнуться с парадоксом, а именно: с парадоксальным утверждением о том, что существуют предметы, по отношению к которым можно высказать утверждение о том, что они не существуют.

Поэтому Майнонг и вводит понятие «чистого предмета», на который не распространяется утверждение о его бытии, небытии или наличии. Для его характеристики Майнонг вводит понятие «внебытие» (Außersein). Тезис о внебытии чистого предмета фактически подразумевает создание целой области предметов,

нейтральных по отношению к существованию или несуществованию. Некоторые комментаторы Майнонга, в частности Дэйл Жакетт, утверждают даже, что такие предметы требуют для себя уже не просто онтологии, а особенной онтологии, сверхонтологии (extra-ontology) [90].

Термин «Außersein» появляется в философии Майнонга сравнительно поздно. Его борьба с догматом вездесущей и необходимой действительности предметов познания происходила параллельно его бесконечным переформулировкам того понятия, которое должно было быть противопоставлено понятиям по-настоящему возможных и действительных предметов. В более ранних работах он использует термин «квазибытие» как характеристику несуществующих и неналичествующих предметов, призванный быть чем-то, что сейчас мы могли бы назвать «буферной зоной» между бытием и небытием. Разумеется, вскоре сам Майнонг признаёт, что такая форма существования предмета является весьма уязвимой для нападков критиков. В связи с этим у него возникает вопрос: бытие, с которым бы принципиально не соотносилось бы никакое небытие, можно ли вообще назвать бытием? Он понимает, что такое квази- и псевдобытие представляет собой весьма странное бытие небытийствующего (Sein des Nichtseiendes), что, в свою очередь, является таким же абсурдом, как и сама его формулировка. Такая точка зрения предполагала бы также то, что некоторый бытийствующий объектив, по-видимому, всегда требует для себя бытийствующего объекта.

Настоящий прорывом в учении Майнонга было чёткое разделение свойств объектов и объективов, а конкретнее – его утверждение о том, что решение о бытии или небытии предмета принимается на уровне объектива, т.е. суждения, а не на уровне

представления. Можно сказать, что, по сути, с этого утверждения и на его основе начинается построение теории предметов Майнонга. Майнонг описывает своё понятие «внебытие» в важном пассаже, который стоит того, чтобы привести его здесь полностью:

«Если бытие и небытие в первую очередь могут относиться только к объективу, а не к объекту, тогда вполне очевидно, что ни бытие, ни небытие не могут сущностным образом относиться к предмету как таковому. Это, конечно, не означает, что какой-либо предмет может как ни быть, так и ни не быть. Также при этом нельзя сказать, что только чисто от природы каждого отдельного предмета зависит то, обладает он бытием или нет. Такой абсурдный предмет, как круглый квадрат, содержит в себе гарантию собственного небытия во всех смыслах. Идеальный же предмет, такой, как различие, содержит в себе гарантию лишь собственного несуществования. Любой, кто стремится следовать уже известным философским примерам, мог бы переформулировать приведенное выше утверждение, сказав, что предмет как таковой безотносительно его случайных особенностей и всегда присутствующей связи с объективом находится «по ту сторону бытия и небытия». С моей точки зрения, не столь привлекательно и куда менее претенциозно, но, тем не менее, точнее было бы сказать, что предмет по своей природе является внебытийственным, хотя из обоих его объективов бытия (его бытия и небытия) наличествует, по крайней мере, один.

Таким образом, то, что можно справедливо назвать принципом внебытия чистого предмета (*den Satz vom Außersein des reinen Gegenstandes*), окончательно устраняет видимость парадокса, который являлся непосредственным основанием для утверждения этого принципа. Поскольку ведь теперь известно, что бытие и

небытие, за исключением особых случаев, в равной степени являются внешними по отношению к предмету, становится понятным, что в восприятии небытия предмета, если так можно выразиться, не может содержаться ничего более помимо того, что присутствует в его бытии. Упомянутый выше принцип независимости так-бытия от бытия в данном случае даже может некоторым образом дополнить эту точку зрения. Он гласит: то, что никоим образом не является внешним по отношению к предмету, но составляет его собственную сущность, наличествует в его так-бытии, которое присуще предмету вне зависимости от того, обладает он бытием или нет. В конце концов, теперь мы в состоянии с достаточной ясностью увидеть то, что же противостояло нам ранее в качестве предрассудка в пользу существования (или бытия) всех возможных предметов познания. А именно, бытие не является условием, на основании которого познание может найти свою точку приложения. Бытие само уже является такой точкой, равно как и небытие. Более того, уже в так-бытии каждого предмета познание находит поле для своей деятельности, к которому оно может иметь доступ, не отвечая при этом на вопрос о наличии бытия или, по крайней мере, не давая на него утвердительный ответ» [34, с. 212].

В разговоре о различных видах предметности следует упомянуть также вольфо-кантовскую традицию представления о «предмете вообще». Кант в «Критике чистого разума» так характеризует это понятие:

«Высшее понятие, с которого обычно начинают трансцендентальную философию, есть деление на возможное и невозможное. Но так как всяким делением предполагается уже разделенное понятие, то необходимо допускать более высокое понятие; и это есть понятие о предмете вообще

(взятом проблематически, без решения вопроса о том, есть ли этот предмет что-то или он ничто)» [23, с. 267–268]. Таким образом, можно сказать, что согласно Канту предмет вообще – это, условно говоря, логический предмет. Предмет, который логически возможен. Он, как пишет Кант, может быть, а может и не быть, следовательно, его можно назвать нейтральным по отношению к бытию или небытию. В данном случае, конечно, напрашиваются некоторые параллели с внебытийствующим «чистым предметом» у Майнонга, по отношению к которому можно употребить немецкий термин «daseinsfrei». Можно сказать, что оба типа предметов основываются на одной идее – о необходимости введения некоторого предданного предмета, по отношению к которому не выносятся суждения о его существовании и несуществовании. При этом, однако, вряд ли возможно «чистый предмет» Майнонга назвать логическим. Это чисто интенциональный предмет, данный нам в представлении со всеми его свойствами, наделённый так-бытием и нейтральный по отношению к бытию. На мой взгляд, его нельзя сравнивать с субъектом предложения. Майнонговский предмет «чист» именно потому, что на него ещё не «навешаны» разного рода предположения относительно его существования или несуществования.

Для того чтобы в дальнейшем было проще оперировать различными майнонговскими категориями предметов, приведу здесь таблицу этих категорий, составленную Й. Марекком [103]. С моей точки зрения, данная таблица всё же в некоторой степени является интерпретацией её автора, так как, к примеру, относительно статуса существования золотой горы, отнесённой здесь к несуществующим, непротиворечивым предметам, до сих пор ведутся определённые дискуссии [89]. Тем не менее, в ней наиболее систематически

представлены отношения между различными категориями предметов, и отношения различных предметов к бытию и небытию. В частности, эта таблицы вносит ясность в понятие внебытия, в котором в чистом виде полагаются все предметы. Она же проясняет и майнонговский алгоритм существования: существование предполагает наличие, а нелюбопытствует предполагает несуществование; все наличествующие предметы полностью детерминированы, но не все полные предметы существуют или обладают бытием.

Предметы (Все предметы полагаются во внебытии [<i>Außersein</i>])				
Предметы, обладающие бытием		Предметы, не обладающие бытием		
Реальные предметы (и существуют, и имеются в наличии)	Идеальные предметы (не существуют, только имеются в наличии)	Предметы, обладающие небытием		Предметы, не детерминированные по отношению к бытию
		Непротиворечивые предметы	Противоречивые предметы	
Полные предметы	Полные предметы	Полные или неполные предметы, небытие которых является эксплицитной пресуппозицией [<i>ausdrücklichvorgegeben</i>]	Полные или неполные предметы	Неполные предметы, которые не детерминированы противоречием, и небытие которых не является эксплицитной пресуппозицией
Примеры: Пончик (например, лежащий сейчас передо мной на столе), столы, звёзды и т.д.	Примеры: объектив (положение вещей) моего пончика быть на столе, число пончиков	Примеры: Пончик на столе, однако, как будто бы сделанный из шоколада, а не из ванили; платоновская идея «пончиковости»; гора, сделанная из	Примеры: кольцообразный пончик без дырки, круглый квадрат, множество всех множеств	Примеры: пончик как таковой, предмет, чьим единственным свойством является бытие голубым; треугольник

	передо мной	пончиков; золотая гора, вечный двигатель		
--	-------------	--	--	--

Эти рассуждения часто плохо понимаются критиками Майнонга, продолжающими утверждать, что таким странным и весьма сомнительным образом философ постулирует существование несуществующих вещей. Между тем, Майнонг не раз подчёркивал абсолютно внебытийственную природу этого вида предметов.

Майнонг вывел «предмет» на принципиально новый теоретический уровень рассмотрения. До сих пор в традиции дескриптивной психологии брентановской школы предмет специально не выделялся и являлся частью общей схемы интенциональности. Куда важнее для Brentano в его «Психологии с эмпирической точки зрения», как мне кажется, было утверждение самой схемы интенциональности, а элементы этой схемы (акт, имманентный объект, интенциональный предмет) остались недоработаны. Задачу по теоретической доработке этих понятий возложили на себя такие неортодоксальные ученики Brentano, как Твардовский и Майнонг. Потеряв доверие своего учителя, они занялись детальным разбором его учения.

Рассуждение Майнонга о «предрассудке в пользу действительного» кажется мне схожим с рассуждениями этнометодолога Бруно Латура о «недостающей массе» в социологии. В частности он пишет: «с точки зрения некоторых физиков, во Вселенной недостаёт определённого количества массы, чтобы подтвердить модель, выстраиваемую космологами. Они везде ищут «недостающую массу», которая могла бы в результате дать ожидаемую ровную сумму. То же происходит и с социологами. Они постоянно, с некоторым отчаянием, сосредоточены на том, чтобы

обнаружить социальные связи, достаточно прочные, чтобы объединить всех нас... При суммировании социальных связей мы не получаем требуемого итога... Общество, которое они пытаются воссоздать при помощи тел и норм, постоянно разрушается. Чего-то всё время недостаёт?.. Чтобы свести баланс нашего общества, мы просто должны переключить наше внимание с людей и посмотреть на не-человеков. Вот они, скрытые и презренные социальные массы, которые дополняют нашу мораль. Они стучат в дверь социологии, требуя учёта при подведении общественного баланса так же настойчиво, как это делали человеческие массы в XIX веке» [31, с. 199–200].

На мой взгляд, недооценённые вещи, которые выводятся социологами за пределы рассмотрения, чем-то схожи с несуществующими предметами, которым также отказывают в праве на их изучение в рамках мейнстрима аналитической философии. При этом, однако, даже исключив их из рассмотрения, современные аналитики всё равно не могут «свести баланс» всей онтологии. Поэтому так называемые майнонгианские предметы вполне можно сравнивать с некой «недостающей массой» онтологии и эпистемологии, без которой философский анализ является ограниченным.

2. Рецепция идей Б. Больцано

По Майнонгу, то, что Больцано называет «предложением-в-себе», является неудачным определением той сущности, которую Майнонг называет «объективом»; а, соответственно, то, что является для Майнонга объектом, т.е. предметом представления, Больцано считает «представлением-в-себе». То, что для Больцано было предметом,

играет весьма важную роль, так как на отношении к этой сущности выстраиваются больцановские «предложения» и «представления». Можно сказать, что представлениям и предложениям соответствуют предметы, подобно тому, как «Земле» соответствует небесное тело, где мы живём. Понятие же объектива у Майнонга может быть как действительным и недействительным, так и истинным или ложным. Для Майнонга объектив истинен только в том случае, если он и является фактом действительности, и схватывается в сознании (erfaßt). Соответственно, он будет ложным, если, будучи даже схваченным, окажется недействительным. То обстоятельство, что предложение-в-себе становится носителем определённого истинного значения, для Больцано не зависит от того, является ли это предложение при этом материей акта познания. Различие в истинном значении не означает различия в онтологическом статусе.

3. Влияние К. Твардовского

Дискуссия между Твардовским и Майнонгом, с моей точки зрения, нуждается в отдельном исследовании. Влияние Твардовского на Майнонга совершенно очевидно и зафиксировано самим Майнонгом в работе «О предметах высшего порядка» («Über Gegenstände höherer Ordnung etc.») [107], которая посвящена преимущественно разбору и критике идей Твардовского. Но, как мне кажется, знакомство с его идеями, обнародованными в 1894 году (за десять лет до написания Майнонгом трактата «О теории предметов»), а также работа Твардовского «К учению о содержании и предмете представлений» значительно видоизменили теорию самого Майнонга, дав старт развитию его теории предметов.

Описывая «предмет», Твардовский пишет, что реальность или нереальность предмета никак не связана с его существованием или

несуществованием. Это следствие из теории Brentano явилось, как мы видели, опорным пунктом аргумента Твардовского против наличия беспредметных представлений. Его различение предметов на действительные и просто представленные было не только результатом переработки основных положений его учителя, но и получил развитие в теории Майнонга. При этом, как мне кажется, эта идея, это решение проблемы осталось для Твардовского лишь аргументом в вышеупомянутом споре, так и не оформившись в некоторую стройную теорию. В то время, когда Майнонг был занят разработкой своей теории предметов, Твардовский отказался от психологического подхода в эпистемологии после прочтения «Логических исследований» Гуссерля.

Заслуга Майнонга состоит в том, что он был первым во всей австрийской традиции, начиная с Больцано, кто в полной мере занялся целенаправленным исследованием статуса предмета и выстраивал от него всю теорию познания.

Необходимо также отметить, что оба автора в своих исследованиях исходили из разных интенций. Твардовский, несмотря на видимое отклонение от некоторых положений Brentano, тем не менее, был включён в базовый дискурс дескриптивной психологии и разделял её устремления и задачи. В этом плане Твардовский старался ни на шаг (до основания им Львовско-Варшавской школы) не отходить от точки зрения Brentano относительно задач философии и подхода к истории философии.

Майнонг, напротив, основывает собственное фундаментальное учение, использующее дескриптивную психологию в качестве теоретической базы. Проект Майнонга по его масштабности можно сравнить лишь с гуссерлевской феноменологией, претендовавшей на место «науки наук».

Различие в подходах к своим теориям у Твардовского и Майнонга можно яснее увидеть на примере отношениях обоих к метафизике. Твардовский называет метафизику наукой о предметах *вообще*. По его мнению, частные, отдельные науки (психология и др.) изучает свойства и законы, присущие определённой, установленной группе предметов, метафизика же изучает все предметы во всех их проявлениях. Отсюда следует, что метафизика – «наука о сущем как таковом». Метафизика для Майнонга является достаточно строгой наукой, оперирующей только действительными предметами, в то время как онтология занимается рассмотрением и действительных, и идеальных предметов. Тем не менее, как считает Майнонг, подлинная наука должна заниматься рассмотрением всех типов предметов. Для этого необходимо включить в рассмотрение т.н. «чистые предметы». Этим как раз и призвана заниматься теория предметов.

4. Развитие теории Майнонга Эрнстом Малли

Эрнст Малли (1879–1944) играет неоднозначную роль в развитии теории своего учителя. Изначально он не производит впечатления исследователя, существенным образом повлиявшим на это развитие. В своих ранних работах, периода 1900-х–1910-х годов, он осуществляет глубинную проработку теории предметов, вводит новые категории отношений между предметами и т.д. Поэтому может сложиться впечатление, что основы теории заложил сам Майнонг, а объяснением и проработкой отдельных его положений занимались уже его ученики. Однако это не совсем так. Точнее, совсем не так. Малли, введя ряд положений, по мнению некоторых комментаторов, полностью перевернул теорию предметов, создав самостоятельную концепцию. Причём эта концепция якобы настолько отличается от майнонговской, что даже эксперт по брентановской и майнонговской

традиции Питер Саймонс называет теорию Малли «антимайнонгианской» [132].

Сам же Майнонг открыто не признавал таких «заслуг» за своим учеником. В «Самоизложении», написанном им в последние годы жизни, он упоминает определённые достижения Малли, но не видит в них чего-то экстраординарного:

«Э. Малли... поставил теорию предметов в центр своих усилий и как исследователь и как популяризатор. Это проявляется уже в его, выполняющих... новаторскую работу, пронизательных докладах по "Предметной теории измерения" [Gegenstandstheorie des Messens]. Однако существенное обогащение и углубление его усилия получили благодаря привлечению фактического материала, накопленного современной логистикой, на углубление понимания которого и были направлены его старания, увенчавшиеся успехом. Именно на исследовании импликации и классов импликации, а также намеченном им понятии "минимальная детерминация" основано существенно углубленное им понимание моей формулы меры отличия, а также исследованных мною фактов возможности и подобия. При прояснении логистики благодаря использованию предметно-теоретического способа рассмотрения с новой значимостью проявляет себя понятие предикативного (особенно в законе обратимости [в данном случае, видимо, имеется в виду закон обратного отношения между объёмом и содержанием понятия – В.С.]), уточняющем до сих пор ещё нечётко определённое отношение содержания-объёма, и в его расширении до общего "положения соответствия"» [35, с. 61].

При этом Майнонг ни словом не упоминает здесь два нововведения в теорию предметов, сделанные Малли.

Между тем, Малли фактически предложил альтернативу теории предметов Майнонга. Он хотел, чтобы его собственная теория позволила избежать введения различных типов бытия, включая внебытие чистого предмета. В целом Малли, конечно, осознавал основные трудности теории Майнонга и пытался придумать свои варианты их преодоления. В основном Малли сконцентрировался на решении проблем, связанных со статусом существования противоречивых и неполных предметов. Так, одной из основных проблем была проблема, связанная с нарушением закона исключённого третьего в случае неполных предметов, в связи с которой Малли и вводит различие свойств предметов на два вида: *formal/konstitutorisch* и *außerformal/außerkonstitutorisch*, оформившееся позднее в аналитической традиции как различие на нуклеарные и экстрануклеарные свойства (см. гл. III, п. 3). Майнонг принял это различие, отметив вклад своего ученика в его разработку [108, S. 176].

Фактически в отношении Малли можно говорить о различных периодах его творчества в рамках школы Майнонга. Его первая основная работа, которая была размещена вышеуказанном сборнике, вышедшем в 1904 году под редакцией Майнонга, как раз была посвящена теории измерения и являлась, по сути, диссертацией Малли. Эта работа написана полностью в логике теории Майнонга и посвящена её практическому применению в конкретной предметной области. В 1912 году Малли публикует свою габилитационную работу «Теоретико-предметные основания логики и логистики» («*Gegenstandstheoretische Grundlagen der Logik und Logistik*»). В этой работе уже можно отметить наличие существенных отличий его теории от теории Майнонга. Занятно, кстати, что Майнонг, по крайней мере, публично, практически никак не высказался по поводу изменения позиции своего ученика. Малли же, правда, уже

значительно позже, критически отозвался о теории своего учителя, равно как и о собственной ранней теории. Так, в своих поздних работах он открыто критиковал концепцию Майнонга, называя её «статичной» [103].

Второе нововведение Малли, сделанное им в работе 1912 года, касается разделения типов предикации, приписывания свойств предметам (их отношения к объективам). Малли пишет, что предмет может либо быть определён (determiniertsein) теми или иными свойствами (детерминат), либо воплотить (erfüllen) их. Это различие позволило его автору говорить о том, что некоторые предметы не могут быть противоречивыми или неполными в отношении воплощения ими их свойств, хотя при этом они могут быть таковыми в отношении их детерминации этими свойствами.

В отдельном пассаже, посвящённом предпринятому различению, Малли так описывает эти типы предикации:

«Каждый предмет исполняет полный комплекс объективов и таким образом является "полным" в отношении его действительных определений. Однако также существуют предметы, которые являются эксплицитными детерминатами (Formdeterminat) определённых (определяющих) объективов (но при этом не воплощают эти объективы). Такой предмет лишь не полностью определён определяющим его объективом (который является неполным комплексом объективов), и, таким образом, его следует считать "неполным" в отношении к его формальной детерминации. Тем не менее, в соответствии с первым утверждением, он является полным в отношении к тем объективам, которые он воплощает. А поскольку он воплощает объектив "быть эксплицитным детерминатом своего определения", он также воплощает всё включённое в данный объектив» [102, S. 76].

Можно заметить, что Малли не пишет о свойствах предмета – он пишет об объективах. Действительно, приписывание Малли высказываний о свойствах не совсем корректно, поскольку объектив – несколько иное понятие, являющееся частью майнонговской (и даже брентановской) традиции. Тем не менее, оперировать понятием свойства становится удобно, когда мы пытаемся перевести терминологию Малли на язык современной философии. Что и делает Эдвард Залта, аналитический философ, построивший свою теорию абстрактных предметов (подробнее о ней см. гл. 3, п. 5) на теории предметов Малли. В частности, разработанные Малли понятия определения и воплощения предметом его свойств были переведены Залтой соответственно как «кодирование» и «экземплификация».

Ученик Малли и первый интерпретатор теории предметов в рамках аналитической философии Дж. Финдли считал, что теории Малли удалось «устранить многие трудности, с которыми не могла справиться теория Майнонга, и при этом сохранить базовые принципы теории предметов»[77,р. 110]. Однако, с моей точки зрения, Малли перевёл теорию предметов (в терминологии теории) в плоскость теории суждений, объективов, установив различия в отношениях к объективам и в типах предикации. Тем самым он фактически трансформировал всю дискуссию о майнонгианских предметах, да и в целом обо всей теории Майнонга. В связи с этим о теории Малли можно говорить как о вполне самостоятельной теории, которая, хотя и, безусловно, опирается на теорию предметов Майнонга, но выстраивается уже по решительно другим принципам.

5. А. Райнах: критика со стороны феноменологии

Прежде чем перейти к реакции на идеи Майнонга в философии XX века, было бы любопытно проследить отношения этого автора со смежной философской традицией – феноменологией.

Существует определённая история взаимоотношений между Гуссерлем и Майнонгом, нашедшая отражение в их переписке (1891–1902), которую, увы, трудно назвать содержательной. Маловероятно, что она существенным образом повлияла на развитие теории обоих авторов. Исходя из скромных ответов Майнонга, а также постоянного игнорирования им просьб Гуссерля почитать его работы создаётся впечатление, что Майнонг мало был заинтересован в общении с Гуссерлем. Пожалуй, единственное, на что он остро отреагировал, это на высказывания Гуссерля, в которых он причислял Майнонга к психологистам. Гуссерль же, судя по тем же письмам, внимательно читал работы Майнонга и искренне полагал, что они делают одно дело. В одном из последних писем (1902 года), отправленных после выхода из печати «Логических исследований», Гуссерль пишет:

«Я не думаю, что наши исследования совпадают или, тем более, делают друг друга излишними. Это неверно и в отношении объёма, и в отношении содержания. Мои исследования более обширны по кругу обсуждаемых в них проблем, тогда как Ваши сосредоточены на более узком круге вопросов; они всесторонне и более детально прослеживают то, что я, связанный вниманием к другим проблемам, вынужден был опускать или излагать менее обстоятельно... Когда два географа посещают одну и ту же страну и описывают то, что встречается им на одной и той же дороге, то описание ”тех же самых“ мест будет совершенно различным. Так и в нашем случае. Задача взаимной критики могла бы при этом состоять в том, чтобы более чистым образом объективировать эти вещи и устранить встречающиеся неверные толкования» [17, с. 69–71].

Гуссерль даже предпринимает попытку перевода своей терминологии на «язык Майнонга». Так, он полагает, что его «значение» соответствует «содержанию представления» – термину, более близкому Твардовскому, однако употребляемому и Майнонгом. Вникнуть в сущность «значения» Гуссерль и считает своей главной задачей. Гуссерль также отмечает, что его понятие «положение дел» (Sachverhalt) соответствует майнонговскому «объективу».

Однако переписка между Майнонгом и Гуссерлем не вылилась ни в сотрудничество, ни в сколь-нибудь ощутимое взаимное влияние. И потенциально интересная дискуссия о сравнении методологии теории предметов и феноменологии не получила продолжения.

Ещё одной реакцией на выход «Логических исследований» стало возникновение нового направления – реалистической феноменологии, которое, с моей точки зрения, является вполне самостоятельным учением, а не всего лишь одним из этапов становления феноменологии Гуссерля. Философию Гуссерля принято изучать, начиная со среднего этапа его творчества, т.е. с «Идей». Считается, что именно в этот период его система оформилась как таковая. Гуссерль нашёл в себе необходимое ему чистое «я».

В свою очередь, я не склонен относиться к философии Гуссерля как к поступательному развитию единой философской системы. Ещё на раннем этапе его творчества стало понятно, что Гуссерль может резко менять свою позицию в философских дискуссиях. Его постепенный отказ от реализма и объявление реалистической феноменологии всего лишь «естественной установкой» сознания было обусловлено критикой со стороны неокантианцев, указавших Гуссерлю на ошибки в его «наивных» убеждениях относительно непосредственного отношения между вещами и сознанием. Здесь также можно вспомнить известное высказывание ученика Гуссерля

Романа Ингардена, довольно точно отразившего умонастроения представителей реалистической феноменологии после выхода «Идей» в 1913 году:

«На семинаре 1913/1914 гг. мы читали их вместе с Гуссерлем и слушали его комментарии к этой книге. И там, на семинаре, возникло определённое удивление. Это было не то, что мы ожидали. Вдруг мы читаем такие положения: ”Если мы вычёркиваем чистое сознание, то мы вычёркиваем мир“ (!); ”Если нет чистого сознания, то нет и мира” (!). Гуссерль многие годы учил нас: назад к вещам, к конкретному, не к абстрактному, не к теориям и т.д.! Ближе к конкретному! – таков был лозунг. Вместо этого в “Идеях I” мы встречаем обширные анализы сознания, анализы внешнего, трансцендентного восприятия, основанные на рассуждениях о том, что является реальной (reeler) частью сознания, а что не является таковой. Затем мы встречаем требование проведения ”феноменологической редукции“ до того, как мы приступим к анализу сущности ”самих вещей“, а к ”самим вещам“ следует подходить только окольным путём, а именно путём анализа сознания» [20, с. 23].

Так или иначе, образовавшаяся на основе гуссерлевских «Логических исследований» целая философская школа была оставлена её основателем и развивалась в дальнейшем самостоятельно. Точно таким же образом формировался и круг мыслителей, с которыми она пересекалась в связи с теми или иными вопросами. Таким мыслителем для реалистической феноменологии был Майнонг, некоторыми идеями которого феноменологи пользовались при трактовке текстов даже самого Гуссерля. Безусловное влияние Майнонга сказалось на текстах феноменолога Адольфа Райнаха, вступившего в дискуссии с Майнонгом в своих текстах.

Адольф Райнах был наиболее ярким мыслителем из представителей реалистической феноменологии. Ингарден так пишет о нём:

«Адольф Райнах габилитировался в Гёттингене и в скором времени развил там довольно живую преподавательскую деятельность. Он был совершенно замечательным учителем, намного более одарённым руководителем семинаров и намного более конкретным в прямой беседе, чем сам Гуссерль. Гуссерль был слишком мудр для нас, слишком сложен. Если кто-нибудь ставил ему вопрос, он сперва развивал рассуждение, которое начиналось, так сказать, где-то в трёх километрах позади, и лишь оттуда он затем возвращался к поставленному вопросу и рассматривал его в совокупности со всей развитой таким образом проблемой. Райнах, напротив, был краток, и на каждый вопрос у него тотчас был под рукой ответ, часто сопровождавшийся метким примером. Вследствие этого его влияние было очень велико, и когда он, будучи ещё совсем молодым, в 1917 году погиб в Бельгии, то для его учеников это было скорбным событием» [20].

В своей работе «К вопросу о теории негативного суждения» [50] Райнах вступает в полемику с брентанистами по поводу понятия суждения. Он пытается вскрыть эквивокацию, заключённую в этом термине, так как тот, по мнению Райнаха, употребляется его современниками без осознания его двусмысленности. Райнах выделяет два значения: убеждение и утверждение.

«С одной стороны, это убеждение, которое возникает в нас при виде предмета; нечто такое, что иногда называют чувством, а иногда и позицией сознания, во всяком случае некоторое *состояние* сознания. С другой стороны – утверждение, которое не ”возникает“ в нас, но ”выносится“ нами, совершенно отличное от любого чувства, от

любого состояния; его можно охарактеризовать скорее как *спонтанный акт*» [50, с. 487].

Это различие будет положено Райнахом в основание критики теории суждения Brentano (а заодно и всей Brentanovской традиции). Напомним, что Brentano и его ученики разделяют представление и суждение, но в то же время утверждают, что в основании любого суждения с необходимостью лежит представление. Признание и отвержение, совершаемые в суждении, с необходимостью предполагают представление. Таким образом, как пишет Райнах, предмет суждения (объектив по Майнонгу) представлен в сознании дважды: как представленный и как признаваемый либо отвергаемый.

С точки зрения Райнаха, суждение не фундировано в представлении. В частности, то, что утверждается, совершенно не нуждается в том, чтобы быть представленным. Райнах пишет:

«В утверждении как таковом то, что утверждается, не присутствует для меня, не представлено живо, даже если в любой момент такой акт живого представления может быть или добавлен к утверждению, или последовать за ним» [50, с. 497].

Такие интенциональные образования, как убеждения и утверждения нельзя соотнести с такими предметами, как вещи или переживания. Вместо этого, утверждает Райнах, эти акты будут соотноситься с некоторым *положением дел* (Sachverhalt).

Не вдаваясь в подробности теории самого Райнаха, мы можем отметить на примере его высказываний возможные аргументы критики Brentanovской теории суждения со стороны близкой ей реалистической феноменологии. По замечанию некоторых авторов (к примеру, см. [133]), теорию Райнаха можно считать развитием или улучшенной версией теории предметов Майнонга. На мой взгляд, это дискуссионное утверждение, однако при этом можно сказать, что

скрытая в работе Райнаха переключка с Майнонгом свидетельствует о несомненном влиянии последнего на феноменологические представления первого.

6. Майнонг vs Рассел: развитие дискуссии

Алексиус Майнонг, пожалуй, до сих пор остаётся в философии своего рода мифологической фигурой – в том смысле, что вокруг его теории сложился целый ряд мифов. Главным из них многие годы остаётся миф о том, что с точки зрения Майнонга все предметы в той или иной форме существуют. При этом иногда говорят: может, он и не утверждал, что золотая гора или круглый квадрат существуют подобно реальным горам, но всё же наделял их неким существованием, пусть и более низкого порядка. В связи с этим долгое время изучение теории Майнонга считалось вполне бесполезным занятием. Стоит ещё раз напомнить знаменитое высказывание Гилберта Райла о том, что «теория предметов мертва, давно похоронена и вряд ли когда-либо возродится»[130, p. 255].

Однако, примерно в середине XX века, в большой степени благодаря Джону Финдли и другим комментаторам Майнонга, теория предметов начала возвращаться в поле философской дискуссии. За возрождением её базовых положений в текстах сторонников и комментаторов последовали упреки в адрес человека, на котором, по их мнению, лежала ответственность за то, что теория предметов была в своё время забыта, – Бертрانا Рассела. Тот же Финдли пишет о том, что отдельные пассажи из рецензий Рассела на работы Майнонга стали своеобразной визитной карточкой австрийского философа в аналитической философии, и таким образом представление о нём сложилось на основании расселовской трактовки теории предметов,

местами не вполне корректной. «К сожалению, Рассел стремился как можно скорее перейти от изучения теории Майнонга к выведению собственных понятий и заключений, поэтому понимал и излагал Майнонга несколько прямолинейно, в связи с чем его работы о Майнонге стали источником ошибочных представлений о теории предметов. Так, появилось представление о том, что содержание по Майнонгу якобы состоит из чувственных данных и образов, а также о том, что несуществующие предметы имеются в наличии (subsist). Эти представления являют собой пародии на теорию Майнонга, упрощающие его сложные идеи» [80, р. xi-xii]. Другой исследователь, Леонард Лински, пишет: «Определённо, Рассел не прав, называя Майнонга тем человеком, который говорит, будто химеры и золотые горы, призраки и круглые квадраты существуют в некоем другом мире, мире теней» [101, р.16]. Однако, как справедливо замечает Николас Гриффин [82], в работах Рассела не так часто можно найти прямые искажения теории Майнонга. Таковые имеют место лишь в книгах «Введение в математическую философию» (1919) и «Моё философское развитие» (1959), причём первая из них была написана в тюрьме, а вторая – спустя пятьдесят лет после начала изучения Расселом философии Майнонга. С точки зрения Гриффина, подлинной причиной возникшей путаницы в изложении теории предметов является тот факт, что за аутентичную майнонговскую теорию долгое время ошибочно принимали разработки раннего Рассела, согласно которому каждый мыслимый предмет, всякая составляющая высказывания обладает бытием. Поскольку впоследствии расселовская теория терминов и майнонговская теория предметов часто отождествлялись, ответственность за эту путаницу возложили на Рассела. Между тем, сам Рассел чётко отличал свои взгляды от позиции, занимаемой Майнонгом.

Рассела упрекают в непоследовательном изложении идей австрийского мыслителя, в неверной расстановке акцентов. Однако дело не в том, что Рассел имел ошибочное или неполное представление об описываемой им теории, а в том, что в своих рецензиях он скорее занимается разработкой собственной теории, чем анализом теории Майнонга.

Говоря о дискуссии Рассела и Майнонга, часто отмечают, что причина некоторого непонимания Расселом рецензируемых им работ австрийского философа, заключается в недостаточно хорошем знакомстве с ними. Это неправда. В архиве Рассела хранится достаточно много текстов Майнонга, буквально испещрённых комментариями[76]. Поэтому, с моей точки зрения, дело не в том, что Рассел превратно понял или неправильно передал теорию предметов Майнонга, а в том, что он не ставил себе задачей простой пересказ теории. Его больше интересовали те выводы, которые можно из неё сделать. Рассел, прежде всего, был занят концептуальными разработками собственной системы, и теория Майнонга служила ему источником идей для неё.

Научная дискуссия между Расселом и Майнонгом началась в 1899 году, когда Рассел опубликовал рецензию в журнале *Mind* на работу Майнонга «О значении закона Вебера» (1896). В этой работе Майнонг пытался показать, что все трудности, с которыми сталкиваются его современники в работах о психическом измерении, являются следствием недостаточной разработанности аппарата измерения. В связи с этим он проводит анализ базовых понятий, связанных с практиками измерения.

Отзыв Рассела на эту работу был в целом положительным, однако содержал и ряд критических замечаний. Прежде всего, он отметил, что некоторые тезисы Майнонга изложены в духе

философии Брэдли (в частности, описание психических состояний как протяжённых). Кроме этого, Рассел посоветовал Майнонгу обратиться к идеям неевклидовой геометрии.

В том же году Майнонг написал профессору Дж.С. Маккензи об этой рецензии письмо, в котором дал высокую оценку расселовским замечаниям, а также добавил, что попытался учесть их в своей следующей работе «О предметах высшего порядка» (1899). В следующем году выходит его труд «Обобщения и сравнения» (1900), а вскоре наиболее известная его книга – «О предположениях» (1902). В ответ на эти работы Рассел как раз и написал трёхчастную рецензию «Теория Майнонга о комплексах и предположениях», опубликованную в журнале *Mind* в 1904 году. В ней он не просто изложил идеи Майнонга, а попытался проанализировать теорию Майнонга и сравнить её с идеализмом Фреге и собственной реалистической теорией.

В самом начале своей рецензии Рассел проводит довольно важное различие – между логикой, теорией познания и психологией, которое, в принципе, предопределяет ход его дальнейшим рассуждений:

«Теорию познания часто отождествляют с логикой. Так происходит, когда люди путают психические состояния с их предметами. Когда отмечается, что некоторая пропозиция не тождественна знанию о ней, становится очевидно, что вопрос о природе пропозиций отличается от всех вопросов о познании. Отказ признавать это разделение, видимо, имеет помимо метафизических последствий, ещё два дурных эффекта: он вводит в логику нерелевантные психологические соображения и в то же время исключает релевантные соображения такого рода из области теории познания. Первое происходит потому, что познание может быть

только основанным на психике и никаким другим. Последнее же случается вследствие того, что различие между логикой и психологией часто полностью упускается из виду и часто путается с различием между психологией и теорией познания. На самом деле теория познания отличается от психологии. Это более сложная вещь, так как она включает в себя не только то, что сама психология говорит о суждении, но также и различие на истинность и ложность, поскольку знание – это вера (belief) в то, что является истинным» [126, p. 21–22].

Напомним, что с точки зрения Майнонга психические акты все направлены на что-то, что трансцендентно по отношению к ним самим. При этом существуют некоторые трансцендентные предметы, которые обладают бытием, не связанным с субъектом (единороги, синие лебеди). Они имеют бытие, которое не зависит от их бытия в качестве предмета мысли. Рассел в начале века в целом был согласен с этой точкой зрения, однако считал, что в отличие от имён собственных, которые непосредственно могут иметь референта (чувственные данные), обозначающие фразы относятся к имманентным предметам, которые могут не иметь денотата. Позже Рассел напишет, что опыт направлен не на трансцендентные предметы, а на чувственные данные. После 1903 года Рассел становится представителем опосредованного реализма, согласно которому всё знание о внешнем мире является опосредованным, т.е. возможным лишь через чувственные данные или обозначающие понятия.

Как уже было сказано выше, Рассел в своих рецензиях больше занят разработкой собственной теории комплексных предметов и объективов, чем осмыслением теории Майнонга. В своём изложении последней он выдвигает четыре тезиса майнонговской теории,

последний из которых гласит, что «мыслимый предмет, даже если он не существует, обладает бытием, которое никоим образом не зависит от его бытия предметом мысли» [126,р. 21]. Из текста может сложиться впечатление, что этот тезис принадлежит Майнонгу, хотя на самом деле это не так: Рассел сам пишет в примечании о том, что в данном фрагменте он излагает лишь свою точку зрения, а Майнонг только мыслил в этом направлении.

Гораздо проблематичнее выглядит другое высказывание Рассела – о том, что «бытие или, как пишет Майнонг, наличие (subsistence) несуществующего предмета часто может быть непременно дано в познании... Сначала мы думаем о золотой горе, затем воспринимаем то, что мы о ней думаем. Далее мы заключаем, что имеется представление о ней, и наконец, делаем вывод о том, что золотая гора наличествует или имеет бытие» [126, р. 36]. Стоит ли напоминать, что согласно Майнонгу никаким бытием золотая гора не обладает. Более того, её нет и в наличии, поскольку она внебытийствует, т.е. относится, по Майнонгу, к третьему виду предметов, которые никаким образом не связаны с существованием. Отсюда напрашивается вывод о том, что Рассел на тот момент либо не понял майнонговское различие трёх видов предметов, либо не видел разницы между своей теорией, изложенной в «Принципах математики», и майнонговской теорией предметов.

Эти рецензии вынудили Майнонга обратиться к Расселу напрямую. Несмотря на видимое расхождение в их взглядах, в своём письме он выражает восхищение работой Рассела, заявляя, что последний понимает его теорию лучше, чем немецкие читатели.

Рассел поддерживает дружественный настрой Майнонга и выражает ему поддержку в ответном письме. Там же он пишет, что, следуя вышеупомянутому различению, склонен отождествлять теорию

предметов с логикой. Идобавляет, что, если ранее он считал каждый предмет обладающим бытием, то теперь наличие несуществующих предметов вызывает у него сомнение. При этом, вероятно имея в виду пустные термины, он ссылается на фрегеевское различие смысла и значения, согласно которому смысл является предметом и обладает бытием, а значение предметом не является и, следовательно, не существует. Эта ссылка может свидетельствовать также о том, что в то время Рассел пытался решить проблему необозначающих определённых дескрипций и в частности прибегнул к этому различию. В своём письме к Майнонгу он написал буквально следующее:

«До настоящего момента я был совершенно уверен, что всякий предмет должен в некотором смысле обладать бытием, поэтому мне сложно признать несуществующие предметы. Когда мы имеем дело с золотой горой или круглым квадратом, необходимо (в терминах Фреге) проводить различие между смыслом и значением: смысл является предметом и обладает бытием, в то время как значение предметом не является²⁵. Различие между смыслом и значением может быть лучше всего проиллюстрировано на примере из области математики: выражение "квадратный корень из 4" имеет комплексный [составной] смысл, а его значение – число 2.

Я абсолютно согласен с той точкой зрения, согласно которой математика суть теория предметов. Более того, это один из принципиальных тезисов, который я отстаиваю в своих «Принципах». Если у Вас нет этой книги, буду рад выслать её на Ваш адрес. Вся первая часть этой работы имеет прямое отношение к вопросам, связанным с теорией предметов...

²⁵ Это точная цитата из письма Рассела. Сложно сказать почему, но у Рассела здесь имеет место путаница в опеределении «смысла» и «значения» у Фреге. Вероятно, как уже было сказано, в данном случае речь идёт о пустых терминах.

Что касается Вашего рассуждения о метафизике... то, хотя в целом я и склоняюсь к Вашей точке зрения, но всё же испытываю некоторое затруднение. Дело в том, что, как мне кажется, в вопросе обо *всём* существующем мы не можем обращаться к эмпиризму. Следовательно, если и есть какая-то метафизика, то она должна быть априорной.

Надеюсь, что Ваши философские воззрения быстро получат известность. Лично я сделаю для этого всё, что будет в моих силах» [45, с. 219].

В 1905 году Рассел довольно радикально поменяет свою точку зрения, и его отношение к идее Майнонга о несуществующих предметах станет резко отрицательным. Это изменение впервые прослеживается в рецензии на книгу «Исследования по теории предметов и психологии».

В 1906 году Майнонг пишет работу «О положении теории предметов в системе наук». Как раз её он и высылает Расселу вместе со своим последним письмом, в котором поясняет, что в ней содержатся ответы на высказанные Расселом критические замечания. В ответном письме Рассел вновь пишет, что он не согласен с майнонговским пониманием несуществующих предметов. С его точки зрения, нет никакой разницы между невозможными и несуществующими предметами. Они все должны относиться к одному классу предметов. Вот фрагмент этого письма:

«Я абсолютно уверен, что разногласия, имеющиеся между нами, не так существенны. По большому счёту, я придерживаюсь тех же теоретических позиций, что и Вы. Мне особенно по душе Ваше утверждение о том, что математика представляет собой знание, свободное от существования (*daseinfreies Wissen*), и, как вытекает из этого тезиса, принадлежит к теории предметов.

Что касается невозможных объектов, то, с моей точки зрения, золотая гора должна относиться к тому же классу предметов, что и круглый квадрат. В связи с этим я в своей работе «Об обозначении» использовал в качестве примера выражение «нынешний король Франции». Как Вам известно, для меня понятие необходимости не является фундаментальным. Отсюда ясно, что я не усматриваю различия между невозможными и несуществующими предметами. Более того, мне непонятно, как именно различаются «существовать» и «быть существующим». Конечно, я не отрицаю, что в истинных, равно как и в ложных, предложениях невозможные объекты допустимы в качестве грамматических субъектов. Однако я уверен, что подобного рода предложения следует интерпретировать именно тем способом, который был предложен мной в статье «Об обозначении»[45, с. 221].

В целом, здесь Рассел высказывает те же соображения, что и в своём первом письме, только теперь на новом аргументативном уровне, используя аппарат теории дескрипций. Эта альтернативная теория элиминирует из области логического анализа все неполные символы. В работе «Об обозначении» устраняется необходимость в обозначающих понятиях. С точки зрения Рассела, обозначающие фразы – неполные символы, которые сами по себе ничего не значат. Они имеют смысл только благодаря их контекстному определению. Соответственно, они не направлены на трансцендентные предметы. Если они вообще о чём-то, то, скорее, обо всей области в целом, в которой варьируются различные переменные.

По мнению Грэма Стивенса [139], в работе «Об обозначении» Расселу впервые удаётся элиминировать несуществующие предметы. Раньше он не мог без этого обойтись потому, что разделял теорию интенциональности. Однако именно поэтому для Майнонга теория

дескрипции имеет такие серьёзные последствия, о которых пишет Рассел, поскольку Майнонг считал, что мысль – всегда мысль о чём-то, что ей трансцендентно (мысль о Шерлоке Холмсе – о Шерлоке Холмсе, а не обо всех вещах во вселенной).

Как пишет Грегори Ландини[97], основная задача Майнонга – сформировать теорию интенциональности. Теория Майнонга основывается на феноменологической концепции и включает в себя идею о том, что мысль может быть направлена на предмет, отличный от неё самой. Рассел же, наоборот, был привязан к пропозициональной структуре. Одна из основных причин, по которым Майнонг отстаивал тезис о психологическом содержании, то, что предметы опыта трансцендентны ему, а значит, мы не можем иметь непосредственного знания о них, получаемого его через представления. Для Рассела эти предметы не трансцендентны опыту. Они суть предметы непосредственного знакомства; поэтому для него нет нужды в понятии, обозначающем психологическое содержание.

После получения от Майнонга второй части статьи «О положении теории предметов в системе наук» Рассел вновь пишет её автору письмо (в свою очередь, тоже последнее). В нём он высказывает некоторые соображения, касающиеся майнонговского понимания необходимости. В различии между априорным и эмпирическим он склонен приписать знание о существовании последнему, а знание о несуществовании первому. Он также высказывает свои комментарии по поводу того, как Майнонг понимает геометрию, утверждая, что геометрическое пространство, будь то евклидово или неевклидово, является гипотетическим. С его точки зрения, любое решение о том, какая геометрическая система описывает реальный мир, должно приниматься на основании опыта. Некоторые свои идеи на эту тему Рассел также высказывает в

рецензия на работу Майнонга «О положении теории предметов в системе наук».

Вот фрагмент последнего письма Рассела:

«Внимательно изучив то, что Вы пишете о концепте необходимости, я пришёл к выводу, что наше расхождение во мнениях по этому вопросу не так велико, как казалось вначале. Я полностью признаю *эпистемическое* различие между априорным и эмпирическим знанием, что проявляется и в различении соответствующих объективов. Так, априорное знание в отличие от эмпирического не связано с существованием предмета (*daseinsfrei*). Также замечу, что термин «необходимо» в обыденном употреблении имеет множество значений, и только в результате довольно длительной дискуссии удалось бы прояснить все смыслы этого слова.

К сожалению, я не могу согласиться с тем, что Вы пишете о неевклидовой геометрии. Своё мнение мне часто доводилось отстаивать на страницах «*Revue de métaphysique et de morale*», где я полемизировал с Пуанкаре. Я также уделил внимание этому вопросу в «*Принципах математики*» (часть VI) и вскользь затронул его в журнале *Mind* (июль 1905, стр. 414–415). По моему глубокому убеждению, неевклидова геометрия не утверждает, что две параллельные прямые могут пересекаться, но ставит вопрос о том, будут ли такие прямые являться параллельными. С моей точки зрения, геометрия также является онтологически нейтральным знанием, поскольку она является чистой математикой. Рассматриваемые в качестве систем чистой математики, все неевклидовы геометрии в равной степени гипотетичны. В каждой из них утверждается ровно то, что следует из определённого набора неких базовых допущений (*Prämisse*). По этой же причине можно утверждать, что все неевклидовы геометрии в равной степени истинны. При этом есть

только *одно* существующее пространство или, по крайней мере, пространство, так относящееся к существованию, что именно оно может быть названо пространством действительного физического мира. Является ли это пространство примером евклидовой или неевклидовой геометрии, можно выяснить только эмпирически. То, что две параллельные прямые не пересекаются, очевидно. Однако следует задаться вопросом, допускает ли существование параллельных прямых реальный мир.

Констатация возможности эмпирического знания о пространственных отношениях требует признания того, что реальные отношения могут быть даны эмпирически. Тогда следует задаться вопросом: являются ли пространственные отношения, данные в восприятии, евклидовыми, или неевклидовыми? Математика показывает, что всякий класс, который через отношения создаёт евклидово пространство, в то же время через другие наличествующие (*bestehende*) отношения порождает также все неевклидовы пространства. Тем не менее, из всего множества этих систем отношений, в актуальном мире есть только одна система, в которой составляющие её отношения *существуют*. В предложенном Вами рассуждении, насколько я вижу, нет ничего, что опровергало бы эту позицию» [45, с. 223].

Несмотря на то, что в своих письмах оба автора выразили желание продолжить общение, тем не менее, на этом оно завершилось: больше не было написано ни одного письма и ни одной рецензии. И всё же, хотя с тех пор Рассел рассматривал Майнонга преимущественно в качестве исторической фигуры, в ходе изучения работ которого он разработал собственную теорию дескрипций, тем не менее, Майнонг всё же оказал на него определённое влияние. Так, впоследствии Рассел часто ссылался на Майнонга, когда писал об

идеалистской концепции истины или о различении содержания и предмета. В своей неопубликованной работе о теории познания, датированной приблизительно 1913 годом, он также ссылается на теорию Майнонга о восприятии, суждении и истине. Наконец, в 1921 году в книге «Анализ сознания» уделяет большую часть первой лекции рассказу об отличии нейтрального монизма от различения акта, содержания и предмета.

7. Аргументы дискуссии

Основной из задач данного раздела является проследить за тем, как выстраивалась аргументация Рассела и Майнонга, и понять, по каким пунктам у оппонентов имеет место идейное расхождение.

Главным образом, я буду рассматривать аргументы авторов, выдвинутые Расселом и Майнонгом в активный период их дискуссии – 1905–1910 годы.

1. Первый упрек Рассела заключается в том, что Майнонг, с его точки зрения, «нестерпимо» нарушает закон непротиворечия, постулируя одновременно существование и несуществование предмета. На этот упрек Майнонг замечает, что закон непротиворечия применяется в отношении действительных и возможных предметов. К невозможным предметам он неприменим.

2. Согласно Расселу, Майнонг совершает ошибку, постулируя существование несуществующих предметов. Майнонг настаивает на том, что существование является «неатомарным предикатом» и поэтому не является определяющим, в отличие от обычных предикатов («красный»). При этом он ещё раз обращает внимание на различие «бытия существующим» как детерминанты так-бытия и «существования» как детерминанты бытия. Так, золотая гора (как и круглый квадрат) «бытийствует существующей», но не «существует».

Напомним, что у другого ученика Brentano, Твардовского, существование понимается в двух смыслах. В первом – это собственно существование предмета, его присутствие в данный момент в опыте. Второй же смысл, по мнению Твардовского, часто не замечается. Это *бытие предмета представленным* (Vorgestelltwerden): «Предмет представления, в содержании которого представлены противоречивые признаки, не существует; и, тем не менее, утверждают, что он представлен; следовательно, он всё же существует, то есть существует как представленный предмет».

3. Следующий пункт критики Рассела касается того, что Майнонг своими утверждениями нарушает закон исключённого третьего. На это Майнонг возражает, что, с его точки зрения, отрицание (в частности, в отношении существования и несуществования) может пониматься в широком и узком смыслах. По Майнонгу, существует негация двух видов: внутренняя, предикативная (“~”) и внешняя, пропозициональная (“¬”). Отрицание предиката в утверждении «Сократ мудр» достигается добавлением «немудр». Соответственно, пропозициональная негация – «Неверно, что Сократ мудр». Закон исключённого третьего формулируется с использованием внутренней негации. При этом одновременно истинными не могут быть следующие два высказывания: «Круглый квадрат кругл» и «Неверно, что круглый квадрат кругл». Согласно Майнонгу, мы не можем от «Круглый квадрат кругл» и «Круглый квадрат не кругл» перейти к «Круглый квадрат кругл» и «Неверно, что круглый квадрат кругл».

Таким образом, Майнонг не признаёт, что внутренняя, предикативная негация (А – не Б) эквивалентна пропозициональной (неверно (А – Б). А именно, тождество двух типов негации « $(\sim F)x \leftrightarrow \neg(Fx)$ » [103] не распространяется на невозможные и неполные предметы, а только на действительные и возможные (причём, как

заявляет Майнонг в своей лекции в 1910 году, «только полные предметы являются возможными» [68,S. 228]). По Майнонгу, неполные предметы нарушают закон исключённого третьего так же, как и невозможные предметы – закон непротиворечия, лишь в отношении внутренней негации. Это можно представить в виде следующей записи, предложенной Й. Марекком:

«Закон непротиворечия: $\forall F \forall x \neg (Fx \wedge \neg Fx)$

Закон исключённого третьего: $\forall F \forall x (Fx \vee \neg Fx)$ » [103].

4. Рассел также отказывается признать ещё одно майнонговское различие: между «существовать» и «быть существующим». Признание этого различия, по Расселу, приведёт нас к признанию действительного существования нынешнего короля Франции, золотой горы и круглого квадрата. Рассел не мог согласиться с тем фактом, что мы должны приписывать несуществующим предметам реальные свойства. Несуществующие предметы принципиально не подходят для приписывания реальных свойств. Согласно Майнонгу допустимо истинное высказывание: «существующая золотая гора не существует», т.е. этот предмет обладает свойствами «быть золотой», «быть горой», «быть существующей», но при этом он не существует. В этом заключается майнонговский принцип независимости, который был вдохновлён вышеописанным различием свойств, предпринятым Эрнстом Малли, на *formal/konstitutorisch* и *außerformal/außerkonstitutorisch*, более известным как разделение на нуклеарные и экстрануклеарные свойства. С точки зрения Майнонга, «существующий» означает существующий в представлении. Это свойство не имеет никакого отношения к существованию. Фактически это и есть брентановское *intentionale Inexistenz* предмета.

Все доводы Рассела по поводу этого пункта майнонговской теории свелись к следующей фразе (из рецензии в журнале *Mind* на книгу Майнонга «О положении теории предметов в системе наук»): «Я должен признаться, что не вижу никакой разницы между «быть существующим» и «существовать». И кроме этого мне больше нечего сказать по этому вопросу [I haveno more to say on this head]» [129, p. 439]. И всё. Расселовский аргумент на этом исчерпывается. Такой ответ, видимо, подразумевает: если вы хотите продолжать дискуссию, то поясните свой тезис, а иначе говорить здесь не о чем. Собственно, на этом дискуссия между Расселом и Майнонгом о «золотой горе» была окончена. Возобновили её последователи Майнонга (Т. Парсонс, Р. Роутли), которые стремились представить новые аргументы в защиту майнонговского тезиса. Хотя, по-видимому, разногласие в данном случае состоит в отказе Рассела признавать брентановский тезис об intentionale Inexistenz. Возможно, Рассел не совсем верно понимал ту традицию, к которой принадлежал Майнонг, поэтому и не понял логики его рассуждений. Дэйл Жакетт даже считает, что Рассел имел все шансы поменять свою точку зрения в дискуссии о «золотой горе», если бы он понял тезис об интенциональности [89].

5. Согласно Расселу обозначающие выражения не являются полноправными логическими субъектами высказываний. Майнонг предполагает, на его взгляд ошибочно, что они имеют субъектно-предикатную логическую форму и что, следовательно, выражения вроде «круглого квадрата» и «золотой горы» обозначают несуществующие предметы. Майнонг же считает, что такие выражения имеют определённое значение (*Bedeutung*, *signification*), связанное с использованием языка в рамках некоторого сообщества людей. Это часть жизни, значение всегда для кого-то, как пишет Майнонг в работе «О предположениях». В этой связи концепцию

Майнонга иногда рассматривают как лингвистическую (по крайней мере, таковой её считал Рассел), т.е., говоря о несуществующих предметах, Майнонг вполне может исходить не столько из психологических, сколько из лингвистических интуиций.

Данная дискуссия наталкивает на мысль о том, что здесь имеет место, прежде всего принципиальное идейное расхождение между авторами. Рассел заявляет, что постулирование несуществующих предметов означает недостаток «чувства реальности», которое обеспечивается логикой. Майнонг же считает, что «предрассудок в пользу действительного» в метафизике ограничивает наше восприятие только действительными предметами, в то время как существует, наличествует или внебытийствует много других типов предметов, которые также должны приниматься во внимание.

В этом смысле данная дискуссия по своему формату схожа с теми спорами, которые впоследствии будут разворачиваться между майнонгианцами и их оппонентами. Однако она напоминает и ещё одну более продолжительную дискуссию, которая продолжалась на протяжении всего XIX века – между Бернардом Больцано, Казимежом Твардовским и Эдмундом Гуссерлем. Больцано и ещё в большей степени Гуссерль стремились к развитию строго научного знания и потому выстраивали свои концепции с опорой на логический аппарат. Твардовский же был классическим представителем психологизма.

Вопрос о возможности рассуждения со столь различных позиций в рамках одной дискуссии, как мне кажется, остаётся открытым. Возникает вопрос не только о том, как возможна такая дискуссия, но и том, как возможен продуктивный для обоих авторов спор, так как их точки зрения относятся к различным системам мышления: к логицизму и психологизму.

Специфика описываемой здесь дискуссии состоит в том, что, с одной стороны, её участники стоят на разных основаниях, а с другой, все они принадлежат к единой традиции, их объединяет общее идейное пространство. Конечно, сложно однозначно судить о том, находились ли когда-нибудь Рассел и Майнонг в одном идейном пространстве, ведь даже в начале, когда Рассел был увлечён идеями Майнонга, он понимал его теорию по-своему. Тем не менее, вряд ли можно сказать, что их методологические основания настолько противоречат друг другу, что это ставит под сомнение продуктивность самой дискуссии и её анализа.

Спор о несуществующих предметах, как и спор о беспредметных представлениях, занял определённое место в учении каждого из участников дискуссии, и для каждого он имел своё значение. Гуссерль начал с критики психологического подхода к интерпретации беспредметных представлений, и это помогло ему в оформлении его собственного учения. Исследование Твардовского оказалось уникальным, с точки зрения, например, анализа слова «ничто». Другие его идеи вошли в состав теории предметов. Так, аргументы Твардовского против беспредметных представлений повлияли на формирование теории предметов А. Майнонга (в частности, на различение трёх типов предметов). В свою очередь, идеи Майнонга сыграли определённую роль в становлении дискурса аналитической философии, хотя он сам чаще выступал в качестве объекта критики. Его позиция заинтересовала Б. Рассела, который был первым реципиентом и первым критиком майнонговской теории в аналитической философии. По сути, с критики Майнонга и началась философия Рассела, а, может быть, и вся аналитическая философия.

III. Проблематика несуществующих предметов в майнонгианской традиции аналитической философии.

Говоря о значении теории предметов Майнонга для последующей философии, можно говорить о значении всей высказанной нами проблематики о статусе предмета вообще. В этой главе будет дан обзор философских текстов XX века, в которых нашла отражение или получила развитие майнонговская теория несуществующих предметов. Данный обзор не претендует на всеохватность. Его задача – в самом общем виде обрисовать картину влияния майнонговских идей.

Последователям Майнонга в рамках аналитической философии предстояло решить ряд проблем, оставшихся нерешёнными создателем теории предметов. Центральной в данном случае была проблема существования. В частности истолкование того, каким образом в теории Майнонга уживаются многочисленные экзистенциальные свойства, а также — чем «существовать» отличается от «быть существующим». Первым инструментом для последователей Майнонга стало предложенное учеником Майнонга Эрнстом Малли различение свойств, о котором шла речь в прошлой главе, и исходившее из предположения, что существование — это свойство иного, более высокого порядка.

При этом стоит учитывать контекст развития этой традиции, о котором уже шла речь во введении к данной работе. Имеется в виду актуальный в XIX-XX веке кантовский тезис о том, что существование не является реальным предикатом. Как пишет Кант, «существование вовсе не есть предикат, а потому и упразднение существования не есть ещё отрицание предиката, которым нечто должно было бы быть упразднено в вещи и могло бы возникнуть внутреннее противоречие»

[22, с. 400]. Определения Канта, данные им касательно существования, формально совпадают с интуициями майнонгианцев: «бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чём-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи» [23, с. 452]. Кант чётко различает бытие/существование и, условно говоря, обычные предикаты, избегая майнонговской двусмысленности — «существовать», «быть существующим». Согласно Канту, «существование есть абсолютное полагание вещи, и этим оно отличается от любого предиката, который как таковой всегда полагают только относительно к другой вещи» [22, с. 402]. Интересно также, что ни брентановская, ни майнонговская теория не содержали никаких отсылок к концепции Канта. Последняя, мягко говоря, не была для них образцом для подражания. Brentano, а вслед за ним и Meinong больше опирались на учение Аристотеля и средневековых схоластов. Но в результате обе теории оказались во многом близки кантовской концепции. По этому поводу Яакко Хинтика пишет: «Часто говорят, что Meinong принадлежал к традиции, которая никак не соотносилась с учением Канта и скорее восходила к учению Аристотеля и схоластике. Это, может быть, и так, однако в чём-то майнонговский подход к анализу бытия в духе Frege и Russell расходится с учением Аристотеля. В нём отчётливо прослеживается влияние философии XIX века» [84, p. 31].

Майнонгианцев интересуют случаи высказываний, в которых утверждается несуществование единичных объектов. Например, «Шерлок Холмс не существует». «Шерлок Холмс» в данном случае обозначает нечто, по отношению к чему истинно предсказывается его несуществование. Russell же и Frege, наоборот, используют такие высказывания для того, чтобы продемонстрировать, что подобные выражения не являются подлинными именами и что все

высказывания, в которых утверждается несуществование, имеют одинаковую форму — утверждения невыполнения какого-либо свойства.

Многим кажется, что майнонгианцы, как и сам Майнонг, склонны признавать существование второпорядковым предикатом. В какой-то мере это действительно так, но не совсем. Это то, к чему стремился и Майнонг, но чего он всё же в полной мере не достиг. Как пишет Хинтикка, «при том, что Майнонг отчасти признавал различие Фреге и Рассела, существование в некотором смысле оставалось для Майнонга [первопорядковым — В.С.] предикатом» [84, р. 31]. А именно, в том смысле, что Майнонг не смог должным образом пояснить своё различие между «существовать» и «быть существующим». Для многих (и для Рассела), оба эти выражения постулируют действительное существование предмета. Соответственно, уточнить, объяснить, переформулировать, попытаться формализовать их различие и стало задачей последователей Майнонга.

В традиции Фреге и в рамках мейнстрима аналитической философии «есть» и «существует» выражаются при помощи единого квантора существования « \exists ». Таким образом, в рамках данных формальных систем невозможно провести различие эти двух предикатов. В системах последователей Майнонга, о которых пойдёт речь дальше, — Теренса Парсонса, Ричарда Роутли, Эдварда Залты — утверждается, что высказывание “есть такой x , *чтох существует и ...x...*” может быть выражено как “ $\exists x(E!x \ \& \ \dots x\dots)$ ”, где “E!” — это предикат существования... Тогда выражение “Некоторые вещи не существуют” может быть представлено так: « $\exists x(\neg E!x)$ ». Важно отметить, что майнонгианцы, развивая теорию Майнонга и Малли, не занимались плагиатом и не изобретали колесо, заявляя

«существование» предикатом более высокого порядка. Они были знакомы с тезисом о второпорядковом предикате, просто он их не совсем устраивал. Они рассматривают предикат существования (E!) как уточняющий квантор « \exists » вплоть до области вещей, действительно обладающих свойством существования. С точки зрения систематизирующего подхода Райхер, ими предпринимается попытка формализовать майнонговское различие «есть» (is) и «существовать» (exist) при помощи соответствующих кванторов « \exists » и «E!». Проблема только в том, что майнонгианцы мало объясняют, как различаются между собой эти два квантора. Вместо этого они в большей степени пытаются отстоять ясность тезиса о своём предикате существования. И насколько им это удаётся, уже другой вопрос.

Теории майнонгианцев были также реакцией на критику Рассела, о которой шла речь выше. С точки зрения Рассела, теория предметов противоречива и логически непоследовательна, потому что она постулирует существование золотой горы и круглого квадрата.

Майнонгианцы по-разному отвечали на этот упрёк. Парсонс воспользовался предложенным Э. Малли различием свойств на нуклеарные и экстрануклеарные. С его точки зрения, существование является типичным экстрануклеарным свойством.

Другой вариант ответа — разделение свойств на характеризующие и нехарактеризующие — был предложен Роутли. Третьим ответом была теория абстрактных объектов Залты, выделявшей два типа предикации: кодирование и экземплификацию. Так, есть предметы, которые «кодируют» золотизну, гористость и даже существование, но при этом они не противоречат правилу (в том числе и расселовской критике), согласно которому ничто не может одновременно экземплифицировать эти свойства, поскольку они лишь кодируют их.

Один из ключевых тезисов майнонгианцев состоит в том, что экзистенциальная квантификация, в отличие от предикации с использованием «существует», не полностью отражает статус существования. В последующих разделах мы подробно проанализируем то, как этот тезис реализовывался в конкретных учениях.

1. Рецепция идей Brentano и Meinong в рамках аналитической философии

Если говорить о рецепции австрийской философии в целом, то конечно, в первую очередь её стремление к ясности и непротиворечивости мышления не могло быть проигнорировано со стороны неопозитивизма²⁶. В «Научном миропонимании» Карнап, Ган и Нейрат пишут:

«Анализ проблемы оснований стимулировал усилия по обновлению логики. Для этих усилий в Вене также была подготовлена почва [...] благодаря деятельности Франца Brentano. [...] Он исходил непосредственно из схоластической логики и усилий Лейбница по реформированию логики, а Канта и идеалистических систематических философов он оставил в стороне» [24, с. 59].

Далее они пишут, что Больцано и Brentano с его учениками «добивались нового строгого обоснования логики. [...] В Философском обществе при Венском университете под руководством Хёфлера [ученика Brentano — В.С.] велись многочисленные дискуссии по вопросам оснований физики и связанных с ними теоретико-познавательных и логических проблем. [...] В окружение

²⁶ Напомним, что сам Brentano испытал влияние позитивиста Дж. С. Милля.

Брентано в Вене входил молодой Алексиус фон Мейнонг, теория предметов которого обнаруживает определённое родство с современными теориями понятия» [24, с. 59].

Часто те же имена упоминаются в предыстории аналитической философии. Так, Ярослав Шрамко в своём очерке по истории этого направления [66] упоминает Брентано и Больцано как его непосредственных предшественников. Усилиями Больцано, по выражению Шрамко, «были заложены основы нового стиля философствования, для которого характерным является ориентация на анализ языка (в том числе обыденного) и который в XX веке получил дальнейшее развитие в работах Мура, Витгенштейна и других представителей аналитической философии» [66, с. 5].

В свою очередь, брентановское разделение представлений и суждений, где последние являются, по сути, антипсихологическими, наряду с другими идеями оказало «непосредственное влияние на некоторых основоположников аналитической философии, в частности на этическую концепцию Дж. Мура» [66, с. 6].

Так или иначе, отдельные фрагменты учения Брентано воспроизводятся в аналитической философии то по одному, то по другому поводу. Так, например, Райл упоминает Брентано в своей статье о феноменологии [47], где справедливо указывает на то, что, хотя учение Брентано оказало значительное влияние на становление феноменологии, в некоторых положениях оно с ней расходится. Брентано не был просто изобретателем понятия интенциональности, которое Гуссерль затем перенёс в своё учение. Упоминание Брентано в явно негативном контексте встречается и в известной работе Х. Патнэма «Разум. Истина. История» [44], где Брентано вменяется в вину использование в своём учении «магической референции»

(интенциональности), являющейся пагубной для нашего представления о сознании.

В работе «О том, что есть» Уиллард В.О. Куайн, по сути, вступает в скрытую полемику с Майнонгом (а посредством Майнонга также с Brentano и Twardowski) относительно онтологического статуса вещей. Как и многие, Куайн утверждает, что его гипотетический оппонент Вимен-Майнонг заявляет, «будто есть нечто, чего...[как считает Куайн — В.С.] нет» [27, с. 325]. Куайн указывает на характерные ошибки, которые совершает Вимен-Майнонг, утверждая существование несуществующих вещей (вроде Пегаса). При этом, однако, Куайн намекает, что Вимен не из тех мыслителей, кто, условно говоря, идёт напролом и совершает множество ошибок при постулировании несуществующих вещей. Он называет его «утончённым мыслителем», который строит теории, «не столь явно основанные на заблуждении», которые «труднее искоренить» [27, с. 326].

«Бытие Пегаса, утверждает Вимен, представляет собой не воплощённую в действительность возможность. Когда мы говорим о Пегасе, что его нет, мы тем самым утверждаем, что Пегас не имеет атрибута наличия в действительности (*actuality*). Сказать, что Пегас недействителен, — логически то же самое, что сказать, что Парфенон не красный: в обоих случаях мы утверждаем нечто о сущности того, чьё бытие несомненно.

Кстати, Вимен — один из тех философов, которые общими усилиями загубили старое доброе слово «существовать». Хотя он и признаёт невоплощённые в действительность возможности, но ограничивает применение слова «существование» действительностью, сохраняя таким образом иллюзию онтологического согласия между ним и нами, отвергающими остальную часть его раздутой

вселенной... Вимен... признает, что Пегас не существует, а затем в противоположность тому, что мы разумели под несуществованием Пегаса, настаивает на том, что Пегас *есть*. Существование (*existence*), говорит он, — это одно, а субсистенция (*subsistence*) — другое. Единственный известный мне способ справиться с таким помутнением сознания — *отдать* Вимену слово «существовать». Я постараюсь больше его не использовать; у меня всё ещё остается «есть»[27, с. 326–327].

Помимо обозначенной критики из этого пассажа Куайн для разоблачения майнонговских построений прибегает к расселовской теории дескрипций.

Примером современного междисциплинарного подхода к анализу природы фиктивных предметов и следствий их значения может служить вышедшая в 2010 году книжка Ричарда Сэинсбери «Fiction and Fictionalism»[131]. К этому анализу были привлечены концепции всех теоретиков XIX и XX веков, которые в той или иной форме и на разном уровне занимались проблемой возможности существования несуществующего. Своё место среди них занимает и Алексиус Майнонг.

Сэинсбери предпринимает глобальное исследование понятия (не совсем корректно звучащего в отечественном контексте) фикции и подводит теоретическое основание под существующую на сегодняшний день традицию фикционализма, способную прийти на смену старой аналитической философии языка с её укоренёнными догматами, или, пользуясь словом Майнонга, предрассудками.

Я остановлюсь на той части книги, которая связана с рассмотрением идей майнонгианства (т.е. всех авторов этой традиции). Сэинсбери вполне обоснованно относит Майнонга к числу первых мыслителей, отстаивавших существование фикций. Его

исследование создало некую базу для дальнейшего занятия проблемой фиктивности. Так, оно помогает понять, как некоторые вымышленные предложения могут быть истинными. Также оно задаёт саму возможность и способ мышления о таких предметах — интенциональность. Именно интенциональное отношение к тем предметам, которые мы разбирали в ранних частях нашего исследования, вместе с собственными разработками Майнонга предоставили инструментарий для работы с несуществующими, вымышленными предметами.

Это не означает, что Сэинсбери оставляет теорию предмета без критического анализа. Но аргументы его критики довольно специфичны. Так, Сэинсбери отмечает, что позиция Майнонга относительно постулирования существования несуществующего весьма уязвима. Этот изъян пытались устранить логическим путём некоторые майнонгиански ориентированные представители аналитической философии (вроде Парсонса). Однако даже помимо этого сама проблема, как она формулируется, например, в дискуссии Рассела и Майнонга, завязана на разграничении действительного и фиктивного, не говоря уже о других гранях фикции. К примеру, Сэинсбери пишет, что майнонгианцы не могут чётко обосновать само введение фиктивных предметов в некую форму существования. Спрашивается, каким образом автор (писатель, художник) должен выбирать (из некоего облака несуществующих предметов) нужный предмет, который бы он мог ввести в качестве вымышленного (фиктивного) персонажа в своёпроизведение?

Проблема вымышленных предметов ещё будет затрагиваться в следующих разделах. Как правило, особенно в майнонгианской традиции, вымышленный предмет является частным случаем несуществующего предмета. Определение «вымышленный» в этом

контексте используется для обозначения предметов, которые появляются в художественных произведениях, сказках, фильмах и т.д.

2. Теория несуществующих предметов Т. Парсонса

Теренс Парсонс (р. 1939) является, как ни странно, аналитическим философом и апологетом несуществующих предметов одновременно. Несмотря на такую противоречивую характеристику, он, вслед за Майнонгом и ссылаясь на него критикует всю англо-американскую философию, обвиняя её в превратном понимании этой тонкой грани существования. Во введении к краткому очерку его взглядов уместным будет привести, с небольшими изменениями, собственный пример Парсонса в духе Куайна—диалог между двумя персонажами (А и Б), художественным образом иллюстрирующий необходимость обращения к несуществующим предметам:

А: Тот человек вон в том дверном проёме выглядит довольно глупо.

Некто: Но ведь в том дверном проёме никого нет.

А (Ещё раз смотрит): Ой, я думал, что он там... Я ошибся.

Б: А он случайно не был похож на декана вашего факультета?

А: Кто?

Б: Ну, тот человек в дверном проёме.

А: Но там ведь никого нет... Мне показалось.

Б: Ну да, его не существует, но ведь он там был, не так ли?

А: Послушай, я говорил о человеке, который существовал, о котором я думал, что он есть, но я ошибся. Выходит, я не мог ни о ком ничего сказать. Я не могу тебе сказать, как «он»

выглядит, так как нет того «его», которого я могу описывать» [113,р. 96].

Ровно таким же образом, подобно собеседнику А, мы вынуждены отказываться от какого-либо описания «людей в дверных проёмах». А стоит ли?

В связи с этим примером Парсонса вспоминается, на мой взгляд, более удачный пример из русской литературы: «Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идёт речь. Уж лучше мы о нём не будем больше говорить»[62].

Парсонс отдаёт должное Майнонгу и называет его самым непопулярным сторонником несуществующих вещей. Развивая своё рассуждение под влиянием идей своего австрийского предшественника, Парсонс в некоторой части отошёл от оригинальной теории Майнонга. Как и Финдли он считает, что для того чтобы теория предметов была представлена достойным образом, она всё-таки должна быть в достаточной степени строгой. Поэтому для него первым шагом стал *отказ от идеальных* (неконкретных, абстрактных) *предметов*. Унаследовав традиционную майнонгианскую проблему — проблему несуществующих предметов (так, собственно, и называется его книга), он, как и прочие последователи Майнонга, пытается выстроить свою теорию, которая решала бы фундаментальную проблему теории предметов, проблему существования. Фактически Парсонс создаёт аксиоматическую

версию наивной теории предметов Майнонга. Как и для других последователей Майнонга, для него ключевой является дистинкция существования и несуществования, причём *существование трактуется им именно как физическое существование*.

Парсонс в своей статье «Есть ли несуществующие предметы?» начинает с предположения о том, что не существует двух существующих предметов, которые бы обладали одинаковым набором свойств. В то же время он обнаруживает необходимую связь, или корреляцию между существующими предметами и определёнными свойствами. Результат этого наблюдения может быть представлен, по Парсонсу, в следующей таблице:

Действительные предметы	Свойства
P_1	С: P_1 обладает С
P_n	С: P_n обладает С
Следовательно, например...	
P_{n+1}	... является золотым
	... является горой

Предмет P_{n+1} не может быть существующим предметом, так как одновременно является горой и является золотым, а золотых гор не бывает. Но по Майнонгу и Парсонсу это ещё не означает отсутствия у него *бытия нереальной золотой горой*.

Парсонс действует в майнонгианском ключе, признавая только один класс предметов: те, которые *есть*. Внутри этого класса он выделяет подкласс существующих, действительных предметов. Первый, более общий класс включает в себя такие сущности, как

Гамлет, Джен Эйр и Наполеон, однако второй класс включает только такие сущности, как Наполеон.

Далее Парсонс показывает, как несуществующие предметы идентифицируются и индивидуализируются. С его точки зрения, необходимо соотнести обычные существующие предметы со множеством свойств, которыми они обладают, а затем расширить эту корреляцию, вводя несуществующие предметы в качестве таких предметов, которые соотнесены с аналогичными множествами свойств, только не связанных с существующими предметами.

В этой связи вспоминается реакция Рассела на схожее рассуждение Майнонга, отмеченная также Р. Хауэллом, согласно которому ни один существующий предмет не может быть горой и золотым одновременно. Таким образом, это должен быть такой несуществующий предмет, который соотнесён со следующим множеством свойств: быть золотым, быть горой, быть существующим. А это ведёт к противоречию, поскольку, по мнению самого Парсонса, несуществующие предметы, равно как и существующие, должны иметь такие свойства в множестве свойств, с которыми они соотнесены.

Для того чтобы в будущем избегать подобных проблем Парсонс развивает идею Майнонга обэкстрануклеарности предиката существования, а конкретно: вводит в свою систему различие свойств на нуклеарные (обычные свойства предметов — быть горой, быть золотым) и экстрануклеарные (особые свойства — быть существующим, быть вымышленным).

Если, следуя вышеприведённой таблице, мы поместим обладание существованием в свойства вместе с множеством свойств «быть золотой горой», то с лёгкостью сможем присвоить золотой горе существование. Это обуславливает введение экстрануклеарных

предикатов, примерами которых, по Парсонсу, могут служить: 1) онтологические — «существует», «является мифическим», «является вымышленным»; 2) модальные — «возможный», «невозможный» и т.д; 3) интенциональные — «быть помысленным Майнонгом», «быть предметом поклонения кого-либо»; 4) технические — «являться полным» и др. [115, p. 23].

Среди нуклеарных свойств Парсонс вслед за Майнонгом выделяет также конститутивные и консекутивные. Это различие, видимо, следует понимать таким образом, что конститутивными являются основные свойства предметов, выражающиеся в дескрипции (например, «быть золотым», «быть горой»), а консекутивными — свойства, предполагающиеся конститутивными («быть материальной вещью», «быть протяжённым» и т.п.).

Приведём пример того, для чего может служить такое различие. Возьмём предмет, обладающий единственным свойством — «быть золотым», и рассмотрим его с точки зрения теории Майнонга (в той её версии, где ещё не было различения нуклеарных и экстрануклеарных свойств). Наш золотой предмет будет обладать двумя, а не одним свойством: «быть золотым» и «иметь только одно свойство». Выйти из этого противоречия возможно (только) при помощи этого различения. Тогда «быть золотым» будет (единственным) нуклеарным свойством, а «иметь только одной свойство» — экстрануклеарным.

Далее, Парсонс предлагает соотнести существующие предметы с непустым множеством нуклеарных свойств, которыми те обладают. Тогда несуществующие предметы оказываются соотнесёнными с теми непустыми множествами нуклеарных свойств, которые не связаны с существующими предметами. Таким образом, несуществующие предметы, равно как и существующие, имеют ровно те же нуклеарные

свойства, что возникают во множествах нуклеарных свойств, с которыми они соотнесены. В этом случае мадам Кюри, например, является существующим предметом, соотнесённым с непустым множеством нуклеарных свойств (быть женщиной, быть учёным и т.д.). Также есть такой несуществующий предмет, как золотая гора, который является предметом, соотнесённым с непустым множеством нуклеарных свойств (быть горой, быть золотой). Однако, поскольку «быть существующим» не является нуклеарным свойством, то вообще ни один предмет не может быть соотнесён с множеством «быть золотым, быть горой, быть существующим», следовательно, проблема решена.

Парсоновское различие двух видов свойств сходно с интуитивным различием между свойствами отдельных предметов и другими видами свойств. Если в ходе истории все признали, что то или иное свойство является обычным свойством предмета, тогда это свойство нуклеарное, соответственно, если свойство не является обычным (или были разногласия на этот счёт), тогда это свойство является экстрануклеарным [115,р. 24].

Теория Парсонса была достаточно жёстко раскритикована практически сразу после публикации соответствующей работы. Уже в 1983, в том же выпуске «TheJournalofPhilosophy», в котором была опубликована рецензия Парсонса на работу Роутли, Ричард Хауэлл отрецензировал работу самого Парсонса [115]. В частности, с точки зрения Хауэлла, обычные формальные различения свойств отдельного предмета и других видов свойств уже включают в себя свойства отдельных предметов. К примеру, свойство быть самотождественным, которое Парсонс считает нуклеарным. Кроме того, действительно возникают сомнения насчёт того, можно ли считать свойства «быть окрашенным» или «быть потомком Карла Великого», которые по

Парсонсу были бы нуклеарными, обычными свойствами предметов. В итоге Хауэлл делает вывод замечает, что это различие позволяет выстроить последовательность в рамках теории Парсонса, а также избежать некоторых проблем, обозначенных ещё Расселом в дискуссии с Майнонгом.

Однако, на мой взгляд, если в части использования экстрануклеарных свойств теория Парсонса более-менее понятна, то использование нуклеарных свойств вызывает некоторые вопросы. В частности, правила, устанавливаемые Парсонсом для нуклеарных предметов, делают их логически инертными. Например, нуклеарное свойство «быть не квадратным» определяется им как свойство, которое может быть воплощено (или, используя терминологию Залты, о которой позже, экземплифицируется) всеми существующими предметами, если они при этом не воплощают нуклеарное свойство «быть квадратным». Если предмет не существует, то воплощённое в нём нуклеарное свойство «квадратный» несовместимо с таким же нуклеарным свойством «круглый».

Остаётся непонятным, каким образом у Парсонса несуществующие предметы могут обладать свойствами, предполагающими существование предмета. Без различения, введённого Залтой, теория Парсонса действительно выглядит уязвимой.

Тем не менее, получив это разделение, мы можем попробовать высказать некоторое суждение о несуществующем предмете, например: «Шерлок Холмс является детективом». По Расселу это выражение в форме «нечто, являющееся Шерлоком Холмсом и детективом» является ложным, поскольку является ложной обозначающая фраза «быть (в действительности) Шерлоком Холмсом». Что предлагает Парсонс?

Если мы примем за $DnШ$ бытие детективом, где n обозначает нуклеарный предикат, за $СеШ$ — существование, где e обозначает экстрануклеарный предикат, а за $ШШ$ Шерлока Холмса, то мы можем написать следующие логические высказывания:

$DnШ$ — «Шерлок Холмс — детектив», которое будет истинным.

$СеШ$ — «Шерлок Холмс существует», которое будет ложным.

Получившаяся в результате логическая запись заданного выражения в естественном языке будет выглядеть так:

$DnШ \ \& \sim СеШ$: «Шерлок Холмс — детектив, но он не существует».

Здесь, однако, у меня возникает вопрос: почему мы особо выделяем «Шерлока Холмса» отдавая ему символ $Ш$, а не вводим его в высказывание через нуклеарный предикат «быть Шерлоком Холмсом», что выглядело бы как $Шn$? Ведь этот предикат несовместим с действительностью, но тем не менее может относиться, по Майнонгу и Парсонсу, к предметам определённого рода.

В своей основной работе «Несуществующие предметы» (1980) Парсонс переходит к более обстоятельной формализации своей теории. Как мы уже писали в начале этой главы, Парсонс, считая, что следует духу майнонгианской традиции, делает квантор существования экзистенциально нейтральным. Квантор « \exists » означает «имеется» или «есть» и не предполагает действительного существования предмета. Для обозначения существования Парсонс вводит специальный « $E!$ ». Соответственно высказывание «*Существует x* » будет выглядеть следующим образом: “ $\exists x (E!x \ \& \dots x \dots)$ »; «Некоторые вещи не существуют» — « $\exists x (\neg E!x)$ ».

С помощью такого парсоновского различения предикатов можно попытаться разобраться с пресловутым вопросом о существовании/несуществовании золотой горы, ставшим камнем

преткновения в дискуссии Майнонга и Рассела. Согласно Парсонсу, данная ситуация может быть описана двумя разными высказываниями: «Есть золотые горы» (there are — переделанный вариант майнонговского двусмысленного свойства «быть существующим») и «Золотые горы существуют»:

Эх (Гора(х) & Золотой (х));

Эх ((Гора(х) & Золотой (х) & Е!х).

Вооружившись сконструированной им теорией, Парсонс переходит к рассмотрению несуществующих предметов в рамках различных областей. Например, в художественной литературе, где речь идёт об особой разновидности несуществующих предметов — вымышленных предметах. Тут предметы подразделяются «местные» и «привнесённые» (immigrant) по отношению к нарративу художественного произведения. Местными являются предметы, которые были созданы в рамках определённого художественного произведения (такие, например, как Том Сойер), а привнесёнными те, которые уже были предметами до их появления в данном конкретном произведении (как Наполеон в «Войне и мире»). Далее Парсонс берёт предмет *g*, который является местным по отношению к рассказу *s*, с учётом того, что этот предмет обладает именно теми нуклеарными свойствами, которые (при помощи определённого множества предложений, выражающих всё, что является истинным в *s*) приписаны в некоторому определённому характеру *s*. Например, есть предмет, являющийся местным по отношению к «Тому Сойеру», а именно: персонаж Том Сойер, которому приписаны те же нуклеарные свойства, что и Тому Сойеру — герою романа; при помощи предложений вроде «Том Сойер — мальчик», «Том Сойер живёт около реки», «Том Сойер встречает Гека Финна» и т.д.

Всякое размышление о статусе существования несуществующего предмета, выраженного в художественном произведении, несёт в себе надежду на то, что этот статус может быть определён. Это справедливо и для вышеизложенного парсоновского представления об этих предметах — их разделения на «местные» и «привнесённые». С одной стороны, оно привлекает своей ясностью и логичностью, а с другой — кажется избыточным и зыбким. В общем-то, не понятно, чем это различие может помочь в работе с фикциями. Грань между этими двумя предметами часто является достаточно размытой, а их употребление может привести к серьёзной логической путанице. Кроме того, непонятно, как парсоновское различие местных и привнесённых свойств может содействовать извлечению из художественного текста информации относительно вымышленных предметов.

Р. Хауэлл, критикуя парсоновское различие, приводит пример о двух городах [85,р. 171]. С одной стороны, в романе «Мадам Бовари» один и тот же набор свойств приписан как Руану (привнесённому предмету), так и вымышленному городку Ионвиль (который является местным предметом), поскольку оба эти города в романе описываются одинаково. Какие логически непротиворечивые утверждения мы можем сделать по отношению к Руану, если знаем, что свойства Руана, описанного в романе, не соответствуют свойствам реального Руана? Что мы можем сказать о романном Руане? К какой категории предметов он относится?

Другой вопрос, который возникает в связи с вымышленными предметами, — являются ли они существующими? Сам Парсонс «не уверен, что в данном случае можно дать правильный ответ» [115,р. 186]. Однако проблемы могут возникать и в случае с реальными, даже ныне живущими людьми, ставшими частью чьей-либо авторской истории. По Парсонсу, «быть вымышленным» — категориальное свойство предмета. Поэтому, если бы такой предмет мог существовать, он всё равно был бы

вымышленным, а следовательно, всё равно не могли существовать. К тому же, тогда получалось бы, что авторы в своих произведениях создают существующие предметы.

Примерно те же принципы были применены Парсонсом по отношению к научным предметам. В частности, Парсонс вспоминает классический пример с планетой Вулкан, «открытой» Леверье в XIX веке. Какое значение имеет тот факт, что в действительности такой планеты не существовало, и как он отражается на статусе этого предмета? В духе теории предметов можно было бы сказать, что в данном случае речь идёт о несуществующем предмете — несуществующей планете Вулкан. Но тут Парсонс идёт на компромисс с мейнстримом аналитической философии. С его точки зрения, тот факт, что Леверье ошибся, означает лишь неудачное обозначение действительного предмета, который в случае успеха вполне мог получить право на существование. Позднее это же имя стало использоваться для обозначения другого предмета — несуществующего, вымышленного предмета «планета Вулкан». Этот предмет обрёл новую жизнь в качестве персонажа различных художественных произведений и произведений научной фантастики.

Простое объяснение у Парсонса находят научные предметы, чьё существование пока не подтверждено научно, вроде нейтрино или бозона Хиггса. С его точки зрения, их статус не отличается от статуса, обретённого планетой Вулкан, — они также являются вымышленными предметами. В связи с недавними успешными научными экспериментами, отчасти подтвердившими существование бозона Хиггса, интересно, как по Парсонсу выглядел бы переход предмета из статуса вымышленного в статус реального, существующего. Ведь с его точки зрения эти два статуса друг с другом напрямую не коррелируют, т.е. открытие бозона Хиггса может означать лишь то,

что появился новый существующий предмет, а несуществующий, вымышленный предмет «бозон Хиггса» просто исчез или обрёл новую жизнь, к примеру в научной фантастике.

Конечно, парсоновское описание вымышленных предметов столкнулось с серьёзной критикой. Вместе с тем критики не обходят стороной майнонгианское различие на «есть» и «существует». В данном случае Парсонс приводит пример, предлагая в качестве контраста два утверждения: «There are winged horses — Pegasus, for example» (где выражение *there are* — «есть» — является нейтральным к существованию предмета) и «There are now winged horses» (где *there are* уже используется в значении *there exist* — «существуют») [115, p. 7]. Однако, хотя Хауэлл в критической части своей статьи упоминает этот аргумент Парсонса, сам он не приводит никаких контраргументов (даже чужих) по данному поводу и критикует Парсонса лишь за то, что тот отказывается переубеждать своих оппонентов в надежде на то, что приводимый им пример «послужит достаточной поясняющей иллюстрацией» [115, p. 7] этого различия.

С точки зрения Хауэлла, можно спокойно утверждать, что, к примеру, «Гамлет — вымышленный датский принц», и это утверждение не требует в качестве допущения наличия каких-либо несуществующих предметов. С точки зрения Ван Инвагена, Гамлет является «порождением вымысла», сущностью, принадлежащей реальному миру и обладающей свойствами «быть литературным героем "Гамлета"», «быть предметом литературной дискуссии», «приписывать себе в "Гамлете" свойства «быть принцем», «быть мужчиной» и т.д. На это Парсонс возражает: «Один подход наводняет пространство существования, другой — несуществования» [115, p. 205]. Однако, по мнению Хауэлла, Ван Инвагену удаётся выстроить свою теорию, не прибегая к сомнительным различиям нескольких видов существования [85, p. 170].

А что можно сказать о свойствах вымышленных предметов, героев художественных произведений? Как здесь действуют правила Парсонса в отношении свойств предметов? Не возникает ли и здесь противоречий? Возьмём, например, тезис Парсонса о том, что персонажи художественного произведения — это такие несуществующие предметы, которые обладают ровно таким набором свойств, который им приписан в рамках данного произведения. Тогда как быть с теми персонажами, чьи нуклеарные свойства совпадают?

Такого рода изъяны отмечаются многими критиками Парсонса (в том числе Файном[85] и Хауэллом [78]). Тут же всплывает пример с историей о двух близнецах, которые были разделены при рождении, названы одними и теми же именами, воспитывавшихся в семьях, одинаково описанных в рассказе, и т.д. Что говорит теория Парсонса в данном случае? В некотором смысле она сама загоняет себя в ловушку, поскольку эти близнецы удовлетворяют парсоновскому правилу, обладая полным набором одинаковых нуклеарных свойств. Возможным выходом, на мой взгляд, было бы утверждение, что близнецы различаются некоторыми экстрануклеарными свойствами, но это не предполагается самим парсоновским тезисом. Более того, возможно также, что тут имеет силу и его вышеупомянутый тезис о том, что никакие два предмета не могут обладать одинаковым набором свойств.

Другой критик теории Парсонса Кит Файн в своей пространной критической статье обстоятельно пытается доказать, что теории Парсонса можно «выдвинуть обвинение по следующим статьям: платонизм, интернализм и буквализм» [78,р. 140]. То есть, с его точки зрения, в теории Парсонса присутствуют некоторые сюжеты и намёки, связывающие её с данными системами взглядов. С точки зрения самого Файна, вымышленные предметы являются предметами референции, т.е. все такие предметы, будучи введёнными в тут или иную историю,

должны иметь какую-то метку. Тогда выходит, что вымышленный предмет создаётся благодаря тому, что появляется соответствующая метка, а различные вымышленные предметы с одним внутренним содержанием могут быть введены через разные метки. Файн считает, что это поможет решить некоторые проблемы Парсонса, хотя очевидно, (и сам Файн это признаёт [78, р. 140]), что предлагаемое им решение является не модификацией теории Парсонса, а предложением в духе антиреализма, т.е. принципиально иной теории.

Наиболее обсуждаемыми являются следующие два принципа теории Парсонса:

- Никакие два предмета не могут обладать одними и теми же нуклеарными свойствами;

- Для любого множества нуклеарных свойств некоторый предмет обладает всеми свойствами этого множества и никакими другими свойствами, или, иначе говоря, любому непустому множеству нуклеарных свойств соответствует некоторый предмет.

Второй тезис, на мой взгляд, вообще является в некотором смысле брентанистским, потому что в нём отражены определённые интенции теории предметов представителей брентановской школы, в частности убеждённость в том, что любому представлению, суждению или эмоциональному переживанию соответствует некий предмет. Это та позиция, которая собственно и отстаивалась брентанистами (в частности Твардовским) в ходе спора о беспредметных представлениях. Так вот, по-моему, Парсонс в данном случае мыслит в том же направлении. Эти тезисы, безусловно, не совпадают. Их базовое отличие, главным образом, и состоит в том, что в случае брентанистского тезиса речь идёт о сознании, а в случае парсоновского — о языке. В этом смысле они являются изоморфными в том же понимании, как и схема интенциональности Твардовского и «треугольник» Фреге.

Однако уже на первый взгляд тезис Парсонса выглядит достаточно уязвимым и, кажется, легко может быть опровергнут при помощи различных контрпримеров.

По поводу тезиса о соответствии предмета любому множеству нуклеарных свойств Хауэлл замечает, что наиболее правдоподобные свидетельства в пользу наличия несуществующих предметов были приведены Парсонсом в связи с их отношением к фикции, а также к мифам, мечтам, мыслям и т.д. Во всех эти случаях несуществующие предметы соотносятся с соответствующими интенциональными феноменами — рассказа, размышления и т.п. Однако сам Парсонс ничего не пишет об этом отношении, не приводит ни одного примера и при этом предлагает читателю согласиться с наличием подлинных предметов, имеющих случайные множества нуклеарных свойств, вроде «быть золотым», «быть горой». С точки зрения Хауэлла, у этого тезиса нет понятного для всех основания. Точнее, такое основание является частью самой теории. Оно понятно её автору и его единомышленникам [85,р. 169].

Подводя итог своей критике (инвагенианец [85,р. 172]), Хауэлл замечает: «Парсонс выполнил достаточно важную работу, продемонстрировав, что теории вроде майнонговской могут выглядеть последовательно, детализированно и точно с формальной точки зрения... Парсонс представил на формальном уровне наиболее качественную теорию предметов, местных по отношению к вымышленной истории, из всех существующих на данный момент... Идеи Парсонса уже смогли мотивировать ряд авторов на написание интересных работ на эту тему, и будет странно, если работа по ней не получит продолжения» [85,р. 166].

Свой комментарий относительно значения теории Парсонса в контексте актуальных дискуссий в рамках аналитической философии представил Кит Файн. С его точки зрения, «в последнее время

сложились две традиции, по-разному представляющие онтологию несуществующих предметов, — майнонгианская и модальная. Согласно первой, эти предметы находят прибежище в области интенционального, т.е. в мыслях, убеждениях, мечтах; согласно второй, они обитают в пространстве возможного — нереализованных возможностях или возможных мирах. По какой-то причине модальная традиция считается более уважаемой (возможно потому, что у неё лучше проработана теория). Кроме этого, предпринималась попытка свести майнонгианские предметы к *possibilia*... Однако вообще возможно найти место для возможного и в майнонгианской онтологии. Именно это, по-видимому, и является парсоновской стратегией» [78,р. 128].

Теория Парсонса, хотя и не является бесспорной, тем не менее интересна как пример перевода аргументации Майнонга на логический язык и актуального включения последнего в дискуссию о несуществующих предметах в аналитической философии. В ней впервые было предложено различие двух кванторов, позволивших формализовать два майнонгианских свойства, — «есть» и «существует».

Фактически теория предметов Майнонга в данном случае только предстала в своём первом варианте в рамках аналитической философии. В теории Парсонса были учтены все дополнения Э. Малли и Финдли к теории Майнонга, благодаря чему удалось избежать многих логических ошибок. Тем не менее, на мой взгляд, статус несуществующих предметов принципиально не изменился. Правда была значительно переработана и расширена та часть теории предметов, которая касается их свойств, — то, чем Майнонг в значительной степени пренебрегал. Как мы отметили, большие вопросы вызывают парсоновские правила использования нуклеарных свойств, а также его описание вымышленных предметов.

Стоит отметить, что Парсонс не пытался идти лёгким путём и просто сделать теорию предметов более строгой. Наоборот, в духе оригинальной теории Майнонга он пытался предусмотреть в своей теории место для различных видов несуществующих предметов.

3. Теория айтемов Р.Роутли

Ещё одной теорией, пытавшейся по-своему решить майнонговскую проблему существования, стала теория айтемов Ричарда Роутли. Традиционно для майнонгианских теорий он вводит собственно различие свойств, а именно, с его точки зрения, они должны различаться на характеризующие и нехарактеризующие. Также с его точки зрения необходимо серьёзно переработать майнонговскую терминологию для того, чтобы сделать его теорию более строгой и, так скажем, менее противоречивой.

В содержательном плане Ричард Роутли обратился к теории Майнонга потому, что его не устраивали принципы референциальной семантики. С точки зрения Ричарда Роутли, многочисленные недостатки референциальной семантики (особенно, в отношении фикций, несуществующих предметов) говорят о необходимости обращения к неререференциальной семантике. «Вера в то, что теория референции (и её формы вроде экстенционализма и эмпиризма) может найти выход из тупика, способ работы с несуществованием и интенциональностью, подобна вере в то, что технология найдёт способ справиться со всеми социальными проблемами, в особенности с теми проблемами, что она порождает... Проблемы, трудности, провалы теории референции не признаются, равно как доводы в пользу того, чтобы её отвергнуть и принять другую теоретическую и идеологическую модель, а рассматриваются лишь как «вызовы», которые должны быть разрешены в ходе дальнейшей работы...

Логика, таким образом, остаётся центральной частью философии, поскольку основная задача философии состоит в поиске аргументов, предоставлении причин, определении заблуждений и пробелов. Логика поддерживает и оценивает методы причинности и аргументации, разоблачает предположения и скрытые предпосылки, определяет, какие это заблуждения и как они появляются. Любое серьёзное изменение в логической теории тут же сказывается на всей философии. Вклад же в философию, однако, будет гораздо в меньшей степени катастрофичен, как можно было бы предположить, так как многие разделы философии уже не полностью основываются на дефективных методах принятой логикой теории» [124,p.ii-iii].

По мнению Рутли, нужно заняться преобразованием теории предметов Майнонга, которую заменила собой расселовская теория дескрипций. Рутли признаёт последовательность и доказательность расселовской теории. Он признает, что расселовская концепция легла в основу альтернативному направлению в философии, альтернативному по отношению к той позиции, которую Рутли называет нонеизмом. Несмотря на то, что Майнонг и так считал, что его теория предметов охватывает все возможные их виды, Рутли считает это недостаточным и заявляет, что нонеизм представляет собой максимально общую теорию предметного поля. Собственно говоря, и термин "айтем", который он предлагает для обозначения предмета, также вводится им для расширения этого поля. С его точки зрения, базовое понятие должно быть нейтральным по отношению к существованию и несуществованию. При этом недостаточно просто переопределить старые термины. Новое понятие не должно отсылать к прежней философской традиции, т.е. так как это происходило с понятиями предмета и объекта, используемыми Майнонгом. Проблема интерпретации майнонговской теории в аналитической

философии отчасти в том и заключалась, что она выросла из дискуссий в рамках школы Brentano, и наследовала Brentano-скую схему интенциональности и терминологию, хотя сам Meinong позже уже разрабатывает вполне самостоятельную концепцию и пользуется терминами "предмет" и "объект", вкладывая в эти понятия несколько другое значение.

Роутли кроме этого находит новые свидетельства в пользу того, что Рассел изначально считал, что согласно Meinongу все предметы обладают бытием. Так, в частности, оказалось, что Рассел полагал, что объективы являются аналогом его высказываний, а меж тем Расселовские высказывания существуют, а объективы нет. В целом в работе Роутли содержится достаточно много контрпримеров для опровержения Расселовской теории дескрипций. Помимо этого Роутли также уделяет значительное внимание дискуссии о современных теориях собственных имен, рассуждению о философии времени, критике статьи Куайна "О том, что есть", ответам на критику теории Meinonga.

Если Meinong и Рид являются героями Роутли, то теория референции - антигероем. Она и ее классическая логика не может решить проблемы, связанные с несуществованием, интенциональностью, выводимостью. С его точки зрения noneism может не только решить все эти проблемы, но и поможет философам правильно интерпретировать некоторые проблемы в истории философии (включая философию Рида, эпикурейство, нигилизм, фатализм и т.д.)

С точки зрения Роутли теория референции неплохо справляется со своей работой в той узкой области, которая ей отведена, однако, если её экстраполировать, скажем, на область интенциональных и несуществующих предметов, то тут она даёт сбой. Роутли же хочет не

заменить естественный язык (как этого хочет теория референции), но использовать его и расширить. Языковая ткань может иметь некоторые неровности, выпуклости, впадины - референциальные и нереференциальные свойства, а Роутли же хочет сгладить эти неровности, сведя всё к нереференциальному уровню, экзистенциально ненагруженному.

Мэйнстримные теории аналитической философии практически все в один голос заявляют, что утверждение «есть А» тождественно «А существует». Все майнонгианцы пытались доказать, что это разные вещи, и «есть» (thereis) имеет нейтральное, экзистенциально ненагруженное прочтение; поскольку иначе бы заявление о том, что есть вещи, которые не существуют, было бы непоследовательным.

В связи с этим, тот факт, что теперь у Роутли есть такое различие, а у других философов (главным образом, представляющих мейнстрим аналитической философии) его нет, позволяет Роутли, по сути, пересмотреть многие идеи аналитической философии, и, в особенности, все аргументы критики в адрес теории Майнонга. Однако, по мнению Парсонса, одновременно это обстоятельство приводит к тому, что Роутли проводит анализ несколько с других позиций, в связи с чем некоторые его аргументы или замечания «проходят мимо цели»[114].

Одним из наиболее характерных объектов критики Роутли стал Куайн, а именно, его уже упомянутая статья «О том, что есть». Свою главу на эту тему Роутли назвал «О том, чего нет». В ней он, прежде всего, замечает, что взгляды Вимена, одного из героев статьи Куайна, на самом деле, сильно отличаются от взглядов Майнонга. Вимен наделяет бытием в той или иной степени любой предмет и, по сути, в какой-то степени солидаризируется с точкой зрения, высказанной в старой платоновской загадке небытия, о которой пишет Куайн:

«Небытие должно в каком-то смысле быть; иначе чего же, собственно, нет?» [27, с. 325] Майнонг же, по Роутли, имеет, наоборот, скорее невименовское решение этой загадки: многие предметы, которые не существуют, не обладают бытием любого рода. В связи с этим, куайновские возражения к понятиям «способы» или «роды бытия» не относятся к Майнонгу, поскольку, с точки зрения последнего, круглый квадрат не обладает существованием (никакого рода).

Далее, Роутли не только защищает майнонгианские позиции и тотально критикует мейнстримных аналитиков, то и формулирует собственную теорию, основанную на пересмотре некоторых аспектов майнонговской концепции.

Роутли исходит из базового майнонговского тезиса о том, что каждый единичный термин что-то обозначает. Это тезис много критиковался Расселом в «Об обозначении» и многие последователи Майнонга его значительно улучшили, однако Роутли предпочёл оставить его в таком виде. Напомним, Майнонг считал, что корректно было бы сказать, что «существующая золотая гора» не существует. С точки зрения же Рассела, здесь имеет место противоречие, поскольку здесь «существующая золотая гора» (по Расселу) обозначает реальный предмет. Следовательно, выходит, Майнонг постулирует действительное существование золотой горы. И всё - *no more to say on this head*. Роутли же заявляет, что переход от тезиса о «существующей золотой горе» к действительному существованию золотых гор возможен лишь при допущении, которое он называет постулатом о характеристизации (*characterization postulate*), который гласит, что вещь, обозначенная при помощи определённой дескрипции, удовлетворяет этой дескрипции («несуществующие вещи имеют характеризующие их свойства» [124, р. 24]). Иначе этот постулат можно представить следующим образом:

Если a является предметом, характеризующимся при помощи β , то « $\beta(a)$ » является истинным.

Дело в том, что когда мы думаем о золотой горе, на самом деле, по Роутли, мы думаем о предмете, который является золотым и при этом является горой, т.е. предметом, обладающим соответствующими свойствами, которые составляют его идентичность, характер. Если бы у предмета, о котором мы думаем, не было бы таких свойств, то он определённо не был бы той золотой горой, о которой мы подумали.

При этом Роутли проводит различие между «характеризующими» предикатами («быть золотым», «быть круглым», «быть горой» и т.д.) и нехарактеризующими предикатами («существовать», «быть вымышленным», «быть невозможным»). «На самом деле, существование является лишь одним свойством в рамках большого класса – онтических или статусных свойств, - которые не являются предполагаемыми... а скорее вытекающими. Так, несуществование и невозможность логически вытекают из круглости и квадратности...» [124, р. 47-48].

Следует отметить, что это различие весьма схоже с парсоновским различием на нуклеарные и экстрануклеарные свойства.

Таким образом, этот постулат применяется к «золотой горе», а не к «существующей золотой горе», поскольку «является существующим» - нехарактеризующий предикат. Также он не может быть применён к выражениям типа «эта золотая гора выше, чем Эверест», так как относительные предикаты также не являются характеризующими.

Базовый тезис о независимости, сформулированный ещё Майнонгом и Малли:

«Тот факт, что айтем обладает свойствами, не обязательно предполагает, что он существует или обладает бытием. Таким образом, утверждения, приписывающие некоторые черты несуществующим вещам, могут быть использованы и используются без привлечения *любых* экзистенциальных или онтологических обязательств» [124, р. 24].

Этот тезис имел как более сильные, так и слабые формулировки. В качестве одной из таких Роутли приводит улучшенный тезис о независимости, согласно которому «несуществующие предметы могут иметь или имеют более-менее определённую природу» [124, р. 24].

Постулат о характеристике, с точки зрения Роутли, является фундаментальным для теории Майнонга. Он объясняет, почему математические и теоретические абстракции (например, числа), которые не существуют, не нуждаются в предположении своего существования для того, чтобы иметь свои отличительные свойства. Он также объясняет, как возможно математика и как она работает, а именно, при помощи предположения. Он также позволяет математическим и другим теоретическим предметам иметь приписанные им свойства без обычных платонистских предположений.

С точки зрения Уильяма Рапопорта постулат о характеристике является центральным для всего проекта Роутли, поскольку именно он влечёт тезис о независимости, а не наоборот, поскольку просто тот факт, что предмет имеет более-менее определённую природу, ещё не означает, что он имеет характеризующие его свойства. Дело в том, что Роутли как раз считал, что постулат о характеристике следует из тезиса о независимости. С его точки зрения, тезис о независимости является истинным потому, что несуществующие вещи имеют интенциональные свойства, а для этого они должны иметь

характеризующие их свойства. «Однако, пусть N1 и N2 – два различных имени айтема, чьё единственное свойство является интенциональным: быть тем, о чём сейчас думает Джон. Теперь представьте, что кто-то другой, Джейн, думает о N1 и не думает о N2 (если она не знает, что $N1 = N2$). Таким образом, N1 и N2 имеют интенциональные свойства и не имеют характеризующие, пока свойства айтема не является характеризующим» [122, р. 544].

Одним из первых критиков предложенного Роутли постулат стал его единомышленник Теренс Парсонс, основная работа которого вышла в том же 1980 году. С его точки зрения, постулат Роутли весьма уязвим. К примеру, существующая золотая гора, несмотря на её «определяющее условие», может быть предметом, который не является существующей золотой горой или является золотой горой, но не существующим. Кроме этого, неизвестно, является ли существующая золотая гора вообще горой, являются ли золотая гора и существующая золотая гора одним предметом или же разными (подобно той золотой горе, которая выше Эвереста). В итоге, Парсонс допускает возможность того, что в дальнейшем постулат Роутли может быть ещё улучшен, однако сомневается, что эти попытки будут успешными.

В данном случае с Парсонсом можно согласиться. Метод Роутли хотя и позволяет решить ряд проблем, стоящих перед теорией Майнонга, тем не менее, сам является достаточно проблемным. Очевидно, что он ориентирован на использование в защите майнонгианской теории в ходе полемики с её оппонентами. Но как введённое различие свойств поможет в принципе оперировать с несуществующими и существующими предметами не совсем понятно.

Дэвид Льюис написал статью «Нонеизм или всеизм»[99], посвящённую тому, чтобы разъяснить «простым, нормальным

людям», незнакомым с теорией Роутли (и другими подобными), что представляет собой теория несуществующих предметов и в чём её специфика. Фактически он тут же цепляется за то, как Роутли именуёт свою теорию, т.е. в своём эссе Льюис хочет выяснить, что на самом деле собой представляет нонеизм, является ли он тем, кем себя называет. Поэтому собственно Льюис задаётся вопросом, является ли теория Роутли нонеизмом или всеизмом?

Теория Роутли предлагает два вида квантификации: нейтральную и нагруженную. Как пишет Роутли, у них в истеблишменте аналитической философии признают лишь один тип. Так которому из двух типов квантификации Роутли он соответствует? Напрашивается версия о том, что это экзистенциально нагруженная квантификация, при которой утверждается, что ни один из противоречивых айтемов не существует. При этом это может быть и нейтральная квантификация – тогда противоречивые предметы существуют. Возможно также, по Льюису, что «наш» тип квантификации соответствуют одновременно двум его типам, поскольку (на самом деле) они являются синонимичными. Наконец, вероятно, что опять же «наш» тип не соответствует ни одному из его типов квантификации и является чем-то ещё.

Роутли естественно склоняется к первой версии – традиционный тип квантификации экзистенциально нагружен, и это вполне в духе майнонгианской традиции, если мы вспомним тезис о предрассудке в пользу действительного. С точки зрения Льюиса, это означает, что Роутли стремится к квантификации без квантификации, поскольку единственный тип квантификации связан с существованием, а отношение нейтральной квантификации к существованию не определено. Квантификация без квантификации Роутли вполне, однако, может означать, что он, в некотором смысле, симулирует

квантификацию. Здесь Роутли ссылается на персонажа, придуманного, по его словам, Парсонсом – Богуса Майнонга. Это «ортодоксальный персонаж, который научился более-менее изъясняться как Майнонг, квантифицируя пучки свойств и заставляя всех думать, что он квантифицирует майнонгианские предметы, тем самым как бы подтверждая эти пучки... Однако следует помнить, что Богус Майнонг – не Майнонг, или Парсонс, или представление Парсонса о Майнонге. Его роль состоит в том, чтобы доказать последовательность подлинно майнонгианских идей... Однако это лишь невинная теория о пучках свойств, которую мы, истеблишмент, могли бы посчитать последовательной» [99, р. 28]. Богус Майнонг симулирует квантификацию майнонгианских предметов, включая неполные и противоречивые.

Вообще по поводу фигуры Богуса Майнонга есть некоторые неоднозначные реакции. Например, Алекс Оливер считает, что Богус Майнонг и есть Майнонг, поскольку эти пучки свойств и есть неполные предметы, о которых Майнонг и пишет в своих работах [109].

Критика Льюиса применима ко все майнонгианской традиции, которая предлагает ввести два предиката – экзистенциально нейтральный и онтологически нагруженный. По мнению Льюиса Роутли должен признать, то, что общепринятая квантификация – это его нейтральная квантификация. Это означает, что мейнстримом отвергается нагруженная квантификация. Этот вид квантификации тогда становится излишним, когда он и так существующим вещам приписывает существование. По Льюису, Роутли выискивает различие там, где его нет. Таким образом, выходит, что Роутли является всеистом, а не нонеистом.

«Он говорит, что мы слепы, а мы – что он галлюцинирует» [99,р. 30]. Роутли пишет о различии предметов на те, что «существуют», и на те, что не существуют. С точки зрения Льюиса, различие должно быть между вещами, присутствующими в данный момент, актуальными, пространственно-временными и всеми остальными.

Не совсем ясно, заставила ли Льюиса теория Роутлинесколько изменить его отношение к понятию существования. Тем не менее, он пишет, что главной итог его статьи состоит в том, что «нам нужно обходиться без существования... Конечно, это не означает, что нам нужно перестать использовать слово «существует»... или использовать существование в качестве предиката... Но если под «существованием» понимается тезис о том, что лишь некоторые из наличествующих вещей существуют... или о том, что всё существует, то нам лучше обойтись без него» [99,р. 31].

В общем и целом я согласен с мнением британского специалиста по брентановской традиции Питером Саймонсом, который в своём недавнем докладе[132] заявил, что Роутли удалось лучше, чем кому-либо другому из последователей Майнонга в рамках аналитической философии, передать идеи австрийского философа. При этом, что интересно, по свидетельству того же Саймонса, Роутли в последние годы своей жизни, на одной из последних конференций, в которой он участвовал, сказал Саймонсу, что всё же на его взгляд теория Майнонга не так уж и хороша (isnotverygood).

Тем не менее, всё же отдельной проблемой остаётся адекватность изложения майнонговской теории. Майнонг, даже не принимая в расчёт ту традицию, из которой произошла его теория, всё же работал в другом проблемном поле и преследовал несколько иные цели. В этом смысле проблема может заключаться в том, что адекватный перевод в принципе невозможен.

Основной проблемой при этом остаётся различие свойств на характеризующие и не характеризующие и сам постулат о характеристике. Да, он позволяет достойно ответить на ряд критических замечаний Рассела в отношении теории Майнонга (в особенности, в связи с дискуссией о золотой горе), но в целом сам использование этого различия для описания различных предметов связано с определёнными проблемами, о которых шла речь выше. Тем не менее, стоит отметить, что это первое оригинальное различие свойств, введённое последователями Майнонга, ведь различия, предложенные Парсонсом и Залтой, были заимствованы ими у Малли.

Роутли изначально принципиально не старался просто перевести теорию Майнонга на современный язык, как это пытался сделать, на мой взгляд, к примеру, Парсонс. Вместо этого Роутли удалось создать вполне самостоятельную, достойную теорию, которая хотя и не является завершённой и содержит множество слабых мест, тем не менее, предлагает как новые интересные идеи, так и обновлённые старые идеи, представленные в стиле, близком к майнонговскому.

4. Теория абстрактных предметов Э.Залты

Теория Эдварда Залты не является ортодоксальной майнонгианской теорией, тем не менее, в ней используются многие идеи, близкие оригинальной теории Майнонга. Вообще круг последователей Майнонга является достаточно узким. Так, если Парсонс учился у Финдли, то Залта учился у Парсонса. И Залта, будучи ещё учеником Парсонса, знаком с его различием свойств на экстрануклеарные и нуклеарные. Он знал, что Парсонс взял их у Малли, и решил сам почитать работы последнего. Там он нашёл ещё одно различие, которое и взял на вооружение и о котором пойдёт речь ниже.

Таким образом, так или иначе, теория Залты – ещё одна попытка решить майнонговскую дилемму существования, придумать способ работы с несуществующими предметами. Его способ состоит главным образом в выделении особой категории предметов – абстрактных предметов, и формализации различения Э. Малли.

Залта использует концепцию Майнонга для того, чтобы создать на её основе современную аксиоматическую теорию абстрактных предметов. Он также перевёл терминологию Малли на язык современной аналитической философии, переформулировал различение на способность предмета воплощать свойства или быть определённым ими. Вместо этого, согласно Залте предметы могут кодировать F (« xF ») и экземплифицировать F (« Fx ») свойства.

«В нашей теории мы расширяем классическую первопорядковую логику, добавив новый тип предикации « x кодирует F », или « xF ». Этот тип предикации служит для того, чтобы предиктировать свойства, при помощи которых идентифицируются и выделяются вымышленные и другие абстрактные предметы. К примеру, мы можем воспользоваться свойством «быть детективом» для того, чтобы идентифицировать Шерлока Холмса и выделить его из других вымышленных персонажей. Однако Холмс на самом деле не может экземплифицировать это свойство... Он может лишь экземплифицировать такие свойства как «быть помысленным Конан Дойлем», «быть вымышленным», «не быть детективом»...

Когда нам снится монстр, нет предмета, который был экземплифицировал свойство «быть монстром (поскольку монстры не существуют). Тем не менее, мы можем теперь точно передать то, что пережили, сказав, что нам снился предмет определённого рода, и что этот предмет был в некотором смысле монстром, а иначе с чего бы мы проснулись с криком посреди ночи? Мы можем тогда объяснить наше

переживание страха, если у нас есть некий тип предикации, некоторый способ обладания свойством, и некоторое значение слова «является», при помощи чего предмет нашего сна «является» монстром. Кодирование и есть этот тип предикации. Используемые в английском языке выражения формы « $xisF$ » в этом понимании являются двусмысленными. Они могут быть формально представлены то как « Fx » (x экземплифицирует F), то как « xF » (x кодирует F)» [150].

Залта в плане концепции действует вполне в майнонгианском ключе, пытаясь доказать заявление Майнонга о том, что круглый квадрат является подлинным предметом, и при этом не попасть в ловушку противоречия. С его точки зрения, все предметы имеют право на существование. Сюда попадают и монады Лейбница, смыслы Фреге идеи Платона, несуществующие предметы Майнонга, положения дел Витгенштейна, научные, художественные предметы и т.д. Все эти предметы являются абстрактными. Это некие совокупности свойств, которые удовлетворяют определенным условиям. В этом плане Залта является настоящим метафизиком, который утверждает, что абстрактные предметы должны рассматриваться философами наравне с существующими, поскольку они играют столь же важную роль в нашей жизни, а также в науке, искусстве и т.д. Это кстати отличает его от Парсонса, который при всём своём майнонгианстве, считал, что не каждое осмысленное имя имеет референт.

Вот что сам он пишет по поводу связи своей теории с метафизикой:

«Теория абстрактных предметов – метафизическая теория. Если физика занимается систематическим описанием фундаментальных и комплексных конкретных предметов, метафизика – описанием фундаментальных и комплексных абстрактных предметов.

Абстрактные предметы – предметы, предполагаемые нашей научной концептуальной структурой. Например, когда мы занимаемся естественной наукой, мы предполагаем, что мы можем использовать натуральные числа для исчисления конкретных предметов, и что мы можем использовать действительные числа для измерения их различными способами... В итоге, метафизика изучает числа, законы, свойства, возможности и т.д... Теория абстрактных предметов пытается организовать эти предметы в рамках систематической и аксиоматической структуры» [150].

Залты также вполне в майнонгианском стиле проводит классификацию предметов, но свою. Изначально все предметы подразделяются на абстрактные и ординарные. Ординарные предметы, согласно Залте, обладают физическим существованием, но не обязательно в реальном мире, а, по крайней мере, в возможных мирах. Абстрактные же предметы не могут обладать таким существованием ни в одном возможном мире.

Среди ординарных могут быть выделены конкретные предметы, т.е. реально существующими (соответственно, абстрактные предметы не могут быть конкретными). Предикат «быть конкретным» обозначается следующим образом –«E!». Этот предикат является фактическим способ выделения существующих из всего многообразия предметов. Поэтому в данном случае Залта (уже в стиле Малли) проводит более чёткое различие между существованием и несуществованием. На мой взгляд, трактовка предиката «E!» в качестве обозначения действительного существования конкретных предметов – следующий шаг в уточнении майнонгианского разделения двух типов экзистенциальных свойств.

Вообще стоит сказать несколько слов о символической записи. Равно как и Парсонс, Залта вписывает своё различие в

классическую модальную логику, включающую в себя также определенные дескрипции, представляющие здесь в виде жестких десигнаторов. Как и у Парсонса в теории Залты предикаты не имеют экзистенциальной нагрузки.

По мнению Залты, отдельные принципы классической логики не применимы по отношению к несуществующим предметам. Так, закон исключенного третьего может быть применим только в отношении конкретных, и не применим к предметам, кодирующим определённые свойства. Это помогает в частности избегать тех трудностей, которые встречаются в теории Парсонса. Тогда, например, абстрактный предмет может не кодировать ни одно из противоречащих друг другу свойств. Так, золотая гора не кодирует ни свойство иметь растительность, ни свойство не иметь её.

Символом «!» обозначается предикат существования. Следовательно, далее, собственно ординарные предметы будут обозначаться так:

$O! =df [\lambda x \diamond E!x]$ (где λ – быть таким, что), а абстрактные так:

$A! =df [\lambda x \neg \diamond E!x]$.

Абстрактные предметы, которые кодируют некоторые свойства, сами не могут принадлежать к тем классам предметов, которые предполагается кодировать свойством (например, круглый квадрат не принадлежит к классу квадратов).

По мнению самого Залты его теория, следуя за идеями Малли, основывается на следующих двух принципах:

- для любой группы свойств существует абстрактный предмет, который кодирует только эти свойства в этой группе;
- абстрактные предметы и у тождественны тогда и только тогда когда они кодируют одни и те же свойства

В отличие от Парсонса, у Залты свойства существующих и несуществующих предметов, таким образом, принципиально различаются. Это просто разные предметы. Несуществующие предметы не обладают реальными свойствами, они могут их только кодировать.

В отличие от Парсонса, предметы Залтыне ограничены в своих свойствах. Они могут кодировать любые свойства, и это не будет иметь никаких экзистенциальных последствий.

Из всех вышперечисленных доводов, следует признать, что теория Залты является улучшенной версией теории Парсонса, а различие Малли на кодированные и экземплифицированные свойства лучше его же различения на нуклеарные и экстрануклеарные. В теории Парсонса любые предметы могут обладать нуклеарными свойствами, которые они, выходит, в терминах Залты, должны экземплифицировать. По крайней мере, без различения на экземплифицированные и кодированные свойства теория Парсонса выглядит уязвимой, а его нуклеарные свойства (как я написал в соответствующем параграфе) логически инертными. С точки зрения Парсонса выходит, что существующие предметы тоже могут обладать этими нуклеарными свойствами, а обладать в какой-то степени существованием, т.к. эти предметы должны эти свойства экземплифицировать. Различение Залты позволяет ему избежать этой трудности, так как его абстрактные предметы просто кодируют любые свойства, и это не имеет никаких экзистенциальных последствий.

Напомним, что Рассел писал о том, что поскольку круглый квадрат является квадратным и круглым, а предметне может одновременно являться и круглым, и квадратным, поскольку из этого следует противоречие. Как замечает Такаши Ягисава [149] Парсонсу удалось избежать этого противоречия, отвергнув возможность

выведения из « x – квадрат» выражения «неверно, что x – квадрат». Залта же отказывается признать свойства «быть и круглым и квадратным» в качестве экземплифицирующих. Здесь, наоборот, имеет место кодирование: круглый квадрат кодирует круглость и квадратность. Кодирование квадратности не несовместимо с кодированием круглости даже при том, что экземплифицированная квадратность несовместима с экземплифицированной круглостью. Эти два типа предикации подчиняются разной логике.

Ягисава выделяет два принципа теории Залты:

- предметы, которые могут иногда иметь расположение в пространстве не могут кодировать свойства;
- при любом условии касательно свойств предмета, некоторый предмет, который в принципе не может иметь расположения в пространстве, кодирует точно те свойства, которые удовлетворяет условию.

При этом есть предметы, которые иногда можно проинтерпретировать как протяженные, так и непротяжённые. Например, золотая гора. С одной стороны, это непротяжённый предмет, который кодирует золотизну и гористость. Но с другой стороны он может стать протяжённым. Так если мы говорим, что золотая гора лишь во втором смысле является золотой, это означает, что если золотая гора является протяжённой, она тогда является золотой. Тогда не выполняется первый принцип теории, что приводит к определённым проблемам.

Возможным (непротяжённым) с точки зрения Залты является такой предмет, что некоторый предмет может экземплифицировать в точности такие же свойства, которые он кодирует. В этом смысле, некоторый предмет, который кодирует золотизну и гористость, среди

прочих свойств, является возможным предметом. Однако предмет, который кодирует квадратности и круглость таковым не является.

Многие вопросы по схожим пунктам, которые возникали в отношении теории Парсонса, в данном случае отпадают, поскольку в данном случае все свойства могут в равной степени претендовать на то, чтобы быть кодированными.

Возвращаясь к дискуссии о золотой горе, вклад в которую внесли и Парсонс, и Роутли, следует сказать, что теория Залты также предлагает своё решение проблемы. В данном случае всё просто: Существующая золотая гора лишь кодирует свойство существования, не экземплифицирует его.

В своей статье «Referring to Fictional Characters» [153] Залта пытается ответить на вопрос, поставленный Хантером [87], о том, как мы можем ссылаться на несуществующие предметы, вымышленные персонажи, чья полная идентичность раскрывается лишь в конце всей серии книг о них. С точки зрения, Залты, соответственно, смысл имени «Холмс» в данный момент времени – это также абстрактный предмет, который кодирует определённые свойства, которые приписываются Холмсу в основе истории (corestory). Кстати говоря, подобно этому и предметы науки могут кодировать те свойства, которые приписываются им в рамках научных теорий.

По мнению Залты, высказывания о вымышленных предметах или отдельных историях не могут быть фактически истинными. Они могут рассматривать в качестве таковых в рамках конкретных художественных произведений: «Мэри Поппинс является примером для реально существующих гувернанток»

$\exists x(\text{Гувернантка}(x) \ \&$

$E!x \ \& \text{ берёт пример с Мэри Поппинс } (x))$

При этом предмет в рамках истории может экземплифицировать свои свойства. Таким образом, предмет и является вымышленным, если он экземплифицирует в истории хотя бы одно из своих свойств. Когда же предмет начинает рассматриваться нами вне контекста истории о нём, то он кодирует все приписанные ему в рамках истории свойства.

Точно таким же образом Залта описывает и «местные» предметы, которые, напомним, упоминались и в теории Парсонса. Это, например, могут быть персонажи, введённые в рамках истории S , т.е. до этого нигде не упоминались.

Вообще персонаж истории определяется исключительно через саму историю: « x является персонажем истории s если и только если x экземплифицирует некоторое свойство согласно s » [153, р.9]. Автор истории при этом одновременно пишет и историю и её персонажей в процессе сочинения. К тому же, Шерлок Холмс обладает таким большим количеством свойств, что маловероятно, что в голове у самого Конан Дойля в любой момент времени был единый образ его персонажа.

«Наши абстрактные майнонгианские предметы подобны файлам информации, которые содержат в себе различные возможности. Эти предметы, которые кодируют только обычные свойства (такие как «быть детективом», «жить в Лондоне» и т.д.), содержат возможных персонажей, в то время как те, что кодируют пропозициональные свойства, построенные на высказываниях (таких как «Могущественный бог живёт на горе Олимп» или «Детектив живёт в Лондоне в викторианскую эпоху и разрешает загадку, связанную с убийством» и т.д.), содержат возможные истории. Эти файлы, хотя и являются абстрактными, тем не менее публичны, и человеческое сознание, в частности, имеет к ним доступ. Когда автору в голову

приходит основаистории, он или она обращается к файлу, который содержит мысли, лежащие в основе возможной истории[153, р. 11].

С моей точки зрения, теория Малли, улучшенная и дополненная Залтой, в принципе достаточно удачно подходит для описания вымышленных предметов, по крайней мере, на уровне разделения свойств. С другой стороны, всё же остаются некоторые вопросы, касающиеся целостности описания и представления некоего единого предмета. Пока, на мой взгляд, в этой связи конструкции Залты выглядят несколько искусственно. Однако, в целом, как мы показали, несмотря на то, что Залта строит свою теорию, основываясь на идея Малли, которые, в некотором смысле, сильно расходились с майнонговскими принципами, тем не менее отчасти всё в отдельных случаях Залта рассуждает именно в духе Майнонга. Таким образом, несмотря на неортодоксальность этой теории, она, тем не менее, вписывается в общий контекст дискуссии.

5. Субституциональная теория искусства Барри Смита²⁷

В завершении я ещё хотел бы рассмотреть любопытную концепцию, предлагающую стилистически иную интерпретацию майнонгианских идей. Если, к примеру, ортодоксальные теории Парсонса и Роутли представляют собой переведённые на современный язык версии теории Майнонга, то теория Барри Смита, основывается на критическом анализе майнонгианских идей.

Карьера Смита развивалась не самым предсказуемым образом. Он оставил свой след в истории философии, главным образом, как специалист по австрийской философии, можно даже сказать, вообще по австрийской мысли, в особенности на рубеже XIX-

²⁷ Изложение позиции Б. Смита ведётся по его статье [96].

XX вв. Его называют одним из наиболее известных специалистов по школе Brentano, хотя это лишь одна из многих интересующих его областей. Так или иначе, но в последние десятилетия он радикально отошёл от академических занятий философией и решил использовать свои знания для их реализации на практике. Его последние работы находятся в области практического применения его работ по онтологии, а также в области медицинской информатики. Теперь уже, лишь изредка выступая на философских конференциях, он отмечает после своего доклада, что он не отвечает на вопросы, которые звучат как философские [136].

Статья Смита «Субституциональная теория искусства» [137] была опубликована в 1986 году и относится, условно говоря, к концу философского периода его творчества. В ней он уже не просто занимается интерпретацией чьих-либо идей, а пытается использовать их для решения определённой (в рамках общей теории) задачи – описание нашего восприятия произведений искусства.

Данную работу Смит посвящает анализу тех аномальных ментальных актов, которые манифестируют опосредованную направленность и характеризуются тем обстоятельством, что им не соответствует ни один существующий предмет. Мы можем использовать такого рода акты, когда мы ошибаемся в факте существования интересующего нас предмета или когда мы используем наше воображение при работе с произведениями искусства.

В тех или иных ситуациях, когда мы себе что-то представляем, например, как оно будет выглядеть (когда художник представляет себе свою нарисованную в будущем картину), воображение является особым способом направленности на существующие предметы, при котором, условно говоря, принимаются

все меры для того, чтобы не допустить постулирования разного рода несуществующих предметов, на которые будут направлены эти акты. Так, следует понимать, что те акты, в рамках которых мы, к примеру, следим за приключениями Шерлока Холмса, включают в себя использование помимо всего прочего материальных предметов (носителей) - самого печатного текста, который в данном случае не служит самым предметом этих актов.

Предваряя свой анализ, Смит пишет о ключевых концепциях для своей теории. Среди них он выделяет две теории интенциональности.

Согласно первой из них предмет воображения некоторым образом остается в сознании субъекта. Таким образом, существует два типа отношения к предмету: трансцендентное - когда мы воспринимаем действительные, внешние объекты, и имманентный, когда мы представляем нереальные объекты.

Вторая теория восходит к идеям Твардовского и Майнонга. Эта теория охватывает онтологию актов и трансцендентных предметов. При этом последние разделены на два класса: существующие и несуществующие. Акты воображения, основанные на ошибочном представлении предметов, отделены таким образом от обычных актов восприятия, воспоминания. Акты воспоминания, соответственно, направлены на существующие предметы, а активоображения - на несуществующие.

Вообще с точки зрения Смита, теория Майнонга дала толчок появлению ряда интересных идей, к примеру, касающихся логики описания вымышленных предметов и рассмотрения их в русле семантики предложений, включающих в себя единичные понятия, не имеющих (прямого) референта. Однако согласно Смицу у теории Майнонга есть ещё и второе измерение, о котором мало кто знает.

Если эта теория в обычном понимании (измерении) предлагает способ работы с существующими или несуществующими предметами ментальных актов, то её второе измерение связано с присутствием или отсутствием момента веры или убежденности на уровне актов представления.

Ещё одной интересной линией в связи с майнонговской теорией в этой связи оказывается линия сравнения теории Майнонга в отношении вымышленных предметов (как части общей теории предметов) и теории Ингардена. На первый взгляд, может показаться, что у обеих теорий есть действительно много общего, даже если судить по их происхождению. Хотя реалистическая феноменология, которая повлияла на развитие теории Ингардена, имеет ряд расхождений с теорией предметов, тем не менее, у них есть общие корни, восходящие к брентановской традиции, общему тезису об интенциональности. При этом, однако, несмотря на заявление Смита Майнонг уделял мало внимания вымышленным предметам, способность воображения, они не представляли для него особый интерес. Их статус, в общем и целом, был вписан в общую структуру теории предметов, в общую таблицу (которая была представлена во второй главе). Единственное, что их отличает, и здесь можно согласиться со Смитом, так это их статус, зависящий от структуры актов представления. Майнонг отвергает одну из ключевых характеристик вымышленных предметов – факт их создания в определённые моменты времени. Ингарден отстаивает другую позицию, согласно которой вымышленные предметы обладают онтологическим статусом как корреляты определённых сетей актов сознания у авторов произведений и читателей. Следует всё-таки отметить, что вопросом сравнения теории Майнонга и Ингардена занимался и сам Смит [135], хотя непосредственно в статье,

посвящённой своей теории, он практически не упоминает теорию Ингардена. Она замечает, что оба автора «были реалистами, хотя реализм Ингардена был несколько тоньше. Оба стремились к созданию нередуктивистской онтологии, онтологии, которая не будет пытаться объяснить нечто через что-то другое, перефразировать наш разговор об одних сущностях в разговор о других сущностях, о которых говорить привычнее – о материальных предметах. В этом плане можно сказать, что Ингарден также в какой степени разделял положение Майнонга о предрассудке в пользу действительного, равно как и предрассудок в пользу естественных наук за счёт других дисциплин (социальных наук, литературной теории и т.д.)» [135]. И Майнонг, и Ингарден признают, что есть определённые способы взаимодействия с художественными произведениями, в рамках которых вымышленные предметы как таковые играют ключевую роль в качестве референтов. По мнению Смита, оба полагали, что мы выполняем онтологическое обязательство по отношению к вымышленным персонажам как к intersubjectively доступным предметам наших актов.

Однако к Ингардену мы ещё вернёмся чуть позже. Далее в своей статье Смит обращается к понятию "модификации", о котором подробно писал ещё Твардовский, и говорит, в частности, о модифицированных актах. С его точки зрения, они относятся к их немодифицированным частям также, как и предметы-существительные, модифицированные при помощи определяющих прилагательных, относятся к предметам соответствующих немодифицированных существительных.

Таким образом, модифицированные акты отличаются не тем, что есть некоторого рода особые предметы, к которым они относятся, а тем, что с ними не соотносятся вообще никакие предметы.

Вымышленный предмет не является предметом особого рода, равно как и предотвращенная война не является особым видом войны.

Смит замечает, что в данном случае его точка зрения близка к точке зрения раннего Гуссерля, выраженной в его эссе "Интенциональные предметы" (1894), которые мы уже упоминали в связи с дискуссией о беспредметных представлениях. С точки зрения Гуссерля, сказать, что бог Юпитер является интенциональным предметом моего акта - это не то же самое, что постулировать нечто, а именно Юпитер, что не существует, а является лишь мыслимым. Проще сказать, что мой акт структурирован таким образом, что, с одной стороны, может быть описан как представление бога Юпитер, а, с другой, не имеет экзистенциальные пресуппозиции.

Ещё одним важным столпом теории Смита является майнонговское различие феноменов на подлинные (*Ernstgefühle*) и феномены фантазии (*Scheingefühle*, *phantasy phenomena* по Смицу). Феномены фантазии это не просто образы реальных предметов. Они отличаются от подлинных феноменов отсутствием убежденности или веры в существовании представленного предмета. Это не особый вид представления. Оно само является модифицированным, поэтому вообще не является представлением. В связи с этим, ему в принципе не может соответствовать никакой предмет.

Исходя из всего этого, Смит делает первый шаг в формулировании своей субституциональной теории искусства, выдвинув предположение о том, что субституциональные акты представления могут порождать и вызывать подлинные эмоции и чувства.

Смит предлагает рассмотреть простой пример, из которого будет более понятно различие между подлинными феноменами и

феноменами фантазии. Когда кто-то смотрит на рисунок кошки, у него есть, прежде всего, реальное (визуальное) представление о рисунке как таковом, равно как и подлинные рассуждения вроде: «это лишь рисунок кошки, а не сама кошка», «этот рисунок представляет кошку», а также возможно все подлинные ощущения чувственного удовольствия от восприятия рисунка. Однако, в дополнение к этому, у того, кто смотрит на рисунок, есть представление о кошке вместе суждениями фантазии вроде «это – кошка». У него при этом могут быть также фантазийные эмоции, например, чувство печали, вызванное грустным изображением этой кошки. То, чего у него нет, так это подлинного суждения или убежденности в том, что передним настоящая кошка.

Таким образом, иногда случается так, что фантазийные чувства, основывающиеся на фантазийных представлениях и суждениях в некотором отношении сходны с соответствующими действительными чувствами. При этом мы часто используем те же слова для описания этих чувств - печаль, страх, удовольствие и т.д.

Грань между двумя вышеуказанными видами феноменов является довольно тонкой. Смит при этом замечает, что феномены фантазии гораздо проще и более пластичны по своей природе, нежели подлинные психические феномены. Различные фантазийные чувства, возникающие при воображении приятных или мерзких запахов, сильно отличаются даже от слабых реальных чувств. Реальные же чувства сами по себе слабо очерчены, а для их переживания обязательно определённное психическое усилие. Фантазийные чувства с другой стороны четко очерчены и гораздо больше связаны с теми обстоятельствами, благодаря которым они возникают. Подлинные чувства далее различаются исходя из того факта, что они манифестируют довольно специфичные вид темпорального

гештальта. К примеру, они могут проходить очень медленно, оставляя за собой глубокий след в течение довольно длительного периода времени при полном отсутствии предмета переживания. Фантазийные чувства с другой стороны представляют собой своего рода интеллектуальные акты восхищения или размышления, которые могут быть прерваны по воле субъекта, и даже при этом могут немедленно бесследно исчезнуть. Наконец, они не оставляют столь глубокий след, как реальные феномены.

Здесь Смит ссылается на Виташека, который писал, что вымышленные чувства «строго говоря, не являются ни удовольствием, ни болью. Никто бы не пошел в театр посмотреть трагедию, если весь тот шок, забота, сопереживание и страх и прочие сильные болезненные чувства, возникающие при просмотре того, что происходит на сцене, были бы реальными чувствами»[146,S. 115].

На мой взгляд, всё-таки рассуждение о том, какой по силе, по глубине (или по каким-то другим показателям) след оставляют после себя реальные и нереальные феномены, является откровенно субъективным и нуждается в более серьезных обоснованиях. Простой отсылки к собственному опыту для этого недостаточно. У разных людей опыт восприятия произведений художественного искусства будет разный. Попробуйте, например, сказать человеку, испытавшего катарсис после восприятия того или иного художественного произведения, о том, что тот психический феномен, который он в данный момент переживает, мало того, что не является подлинным, так ещё оставляет после себя недостаточно глубокий след. Если вспомнить Майнонга, то тут мы вполне имеем дело с явным предрассудком в пользу действительного на примере восприятия произведений искусств.

Пожалуй, самое важное замечание о феноменах фантазии состоит в том, что они являются субъектом по отношению к нашей воле. Таким образом, спектр феноменов фантазии гораздо шире спектра подлинных феноменов. Наши возможности при этом могут быть расширены таким образом, что мы можем переживать сложные комбинации феноменов фантазии при помощи специальных артефактов – произведений искусства, которые могут служить своеобразными катализаторами для возникновения этих феноменов. Наше желание находиться под влиянием произведений искусства теперь можно объяснить тем фактом, что комплексы феноменов фантазии могут заменять соответствующие подлинные психические феномены. Таким образом, эстетическое наслаждение является случаем наслаждения в фантазии. Эта теория, с точки зрения, Смита способна объяснить то обстоятельство, что мы можем испытывать наслаждение, вызванное переживанием печали, тоски, которые в нас вызывает восприятие произведений искусства.

В результате, акты, возникающие при чтении художественной литературы, не обязательно должны иметь предметы определённого рода. Это предполагает, что настоящий эстетический подход к восприятию произведений искусства отличается об объектуализирующего подхода историка, который рассматривает произведение искусства как репрезентацию определённого рода предметов.

В завершении анализа теории Смита следует отметить некоторые параллели этой, условно говоря, теории Майнонга-Смита и вышеупомянутой эстетической теории Романа Ингардена. Для начала необходимо подробнее рассказать о теории самого Ингардена. Он проводит различие между чисто физическим предметом и произведением искусства. Однако также отличает их от того, что он

называет «конкретизацией» произведения искусства, под чем он подразумевает подлинный «эстетический предмет». Он обладает определённые «местами неопределённостями», многие из которых заполнены индивидуальной интерпретацией «прочтения» произведения искусства. Таким образом, в случае литературы, существуют много мест неопределённости на уровне персонажа или сюжета – в отличие от случаев с реальными людьми. Все неопределённости заполняются читателем в его реконструкции произведения. В каждом случае заполнение неопределённостей в работе через чтение, что делает её более конкретной. Каждое произведение искусства допускает различные законные конкретизации, которые могут варьироваться от субъекта к субъекту. Если этот процесс протекает в рамках эстетического отношения, тот тогда формируется эстетический предметом. В связи с этим многие эстетические предметы могут быть основаны на одном и том же произведении искусства. Как пишет Ингарден, «читатель выходит в какой-то степени за пределы того, что дано в самом тексте произведения. Ибо в самом произведении «конструирование» в известной мере не доведено до конца. И это не просто какой-нибудь недостаток или упущение, а вызвано намеченной в произведении ситуацией» [13, С. 41]. «Если бы даже было каким-то образом получено полное исчерпывающее определение предметов, представленных в литературном произведении, это ни к чему бы не привело. Получилось бы нечто *выходящее за пределы возможностей эстетического восприятия произведений искусства*, а в некоторых случаях (например, лирика) даже *препятствующее достижению специфического художественного результата*» [21, с. 57].

Сам процесс эстетического восприятия начинается с наблюдения определенного реального предмета. При этом, сразу

следует отметить, реальный предмет по сути не идентичен эстетическому. Он может лишь служить основой при формировании отдельных эстетических предметов. Далее в реальном предмете необходимо выделить «ценные в эстетическом отношении качества и синтезировать их, чтобы таким путем прийти к рассмотрению целостности ансамбля этих качеств, и, только тогда — в особом эмоциональном созерцании— *отдаться очарованию* красоты сформированного «эстетического предмета» [21, с. 122].

Это принципиально иной по качеству процесс восприятия, который лишь вначале схож с чувственным наблюдением, т.е. на том этапе, когда мы ещё взаимодействуем с исходным реальным предметом. Однако потом наши отношения меняются, равно как и изменяется сам предмет, к которому мы обращаемся. «Мы тем самым *оставляем область реальных* наблюдаемых предметов (данных произведений искусства — камня, здания, холста), подставляя вместо свойств оставленного реального предмета совершенно иной субъект свойств, причем подобранный таким образом, чтобы он мог быть субстратом именно данных нам качеств. Иначе говоря, *этот субстрат в своем качественном определении обозначен путем подбора данных в восприятии качеств и отношений между ними.* Поскольку этот новый субъект свойств, после того как мы создали его, сам в свою очередь начинает проявляться в конкретных, наглядно данных нам качествах, он, следовательно, приобретает *характер некоторого особого существа, которое становится для нас реальным.* Вслед за фазой формирования предмета (изображенного) в виде категорий коррелятивно совершается фаза *восприятия* этого предмета эстетически переживающим субъектом, а также многообразного *чувствительного* реагирования на созданный quasi-существующий предмет» [21, с. 140]. Здесь сама трансформация

процесса наблюдения и смена предмета являются характерными признаками феноменологического подхода к анализу предмета. У Ингардена лучше описан наш подход к предмету, начала его восприятия. Наконец, Ингарден приводит пример процесс восприятия эстетического предмета:

«Когда мы, скажем, наблюдаем кусок мрамора, который называем «Венера Милосская», и восхищаемся своеобразным очарованием его форм, может случиться, что мы во время этого наблюдения поддаемся иллюзии, что в действительности в зале Лувра этого куска мрамора нет или что он стал совершенно иным, чем это казалось нам в процессе наблюдения. Все это не внесло бы никаких изменений ни в состояние нашего восхищения, ни также в то, что нам было *дано* как его объект. Реальность объекта не является поэтому необходимой для процесса эстетического переживания» [21, с. 116].

При этом это процесс может привести к ошибке, и тогда он прервётся, и никакой эстетический предмет не сформируется. Тогда перед нами по-прежнему будет простой материал, исходный реальный предмет, не обладающий сам по себе такой ценностью, которой мог бы стать сформированный на его основе эстетический предмет.

Таким образом, здесь можно провести сравнение теории Ингардена со смитовской по нескольким, условно говоря, параметрам. Прежде всего, это структура актов восприятия. У Смита, на мой взгляд, она в некоторой степени является иной, поскольку мы с самого начала имеем дело другим типом акта, где каждый элемент, выражаясь в терминах Смита, является фантазийным. С его точки зрения, в этой неподлинности ведь и состоит смысл теории. У Ингардена же некоторые формулировки говорят в пользу того, что он наделяет эстетический предмет определённым онтологическим статусом. Он преподносится и как квазисуществующий, и чем-то, что

становится как бы реальным. Хотя при этом описываемые Ингарденом акты схожи по определённым характеристикам, и обе основываются на интенциональном восприятии предмета, но в целом в их основе лежат разные идеи.

Смит после этого на конкретных примерах из разных областей искусств рассматривает действие своего принципа. При этом он особо останавливается на исследовании работы теории в области музыки²⁸. Так, он пишет, что фантазийные чувства, вызванные при восприятии абсолютной музыки, могут обходиться без необходимых для подлинных чувств пресуппозиций. К примеру, тот, кто и правда грустен, знает об этом, т.е. по отношению к этому переживанию существует пресуппозиция грусти. Когда же музыкальное произведение вызывает у нас чувство печали, тогда эта пресуппозиция отсутствует.

Музыка служит не для того, чтобы кристаллизовать абстрактные фантазийные чувства. Эти чувства могут существовать только в рамках динамических комплексов особого рода, комплексов, которые могут существовать только в соответствии со звуковыми переживаниями.

В заключении Смит рассуждает о том, почему оригинальная теория предметов была не способна адекватно описать восприятие произведений искусства. С его точки зрения, теория Майнонга не может работать со сложными эмоциональными переживаниями музыкальных произведений и других видов абстрактных искусств, которые являются свободными от запретов, наложенных формами предметов. Теория предметов, поскольку она недооценивает

²⁸ Это вообще было свойственно некоторым представителям школы Brentano. Напомним, что ученик Brentano Карл Штумпф занимался исследованиями в области психологии слуха.

структурную особенность некоторых актов, не привязанных к предметности, слишком отождествляет наш опыт фантазии с обычным опытом. С точки зрения Смита, лишь некоторые разновидности эстетического восприятия (скульптура, живопись) могут быть в чём-то схожи с нашим обычным восприятием, потому что здесь мы всё же имеем дело с определёнными предметами. Однако наш опыт восприятия музыки, поэзии, художественной прозы устроен совершенно иначе.

Мы обращаемся к произведениям искусства для того, чтобы насладиться физиологией или феноменологией, к примеру, опыта любви или скалолазания. У нас при этом нет предмета, но для того, чтобы испытать подлинные чувства, мы обращаемся к их заменителю. Возможно, искусство вообще в определённый момент получила столь активно развития, потому что стало понятно, сколь приятны те фантазийные эмоции, которые заменяют нам подлинные.

Субституциональная теория, таким образом, может быть использована для того, чтобы пролить свет на природу художественных традиций, эстетической ценности. Её преимущество состоит в том, что она обращается к тому, что существует, в том же смысле как существуют реальные вещи. Поскольку вымышленные и абстрактные предметы не являются действительными, сложно понять, как они смешиваются на уровне онтологии с реальными сущностями, которые составляют наш эстетический опыт. Тем не менее, всё, что относится к данной теории, все физические субституты эстетического опыта, висящие на стене или на полке, или доносящиеся из концертного зала – все эти сущности являются реальными, внутренне структурированными, и относящимися друг к другу при помощи сложных, но понятных отношений.

Теория Смита не является канонической в том смысле, что её обычно не упоминают, когда пишут о майнонгианской, «метафизической» традиции в рамках аналитической философии. Она, правда, не принадлежит этому списку, она на это и не претендует. Её упоминание показалось мне важным исключительно потому, что в ней предлагается конкретный способ интерпретации идей, так скажем, майнонгианской философии на конкретных примерах из области искусства. Кроме этого, в теории Смита предметов изучения становятся в первую очередь не столько сами вымышленные предметы. Их статус здесь во многом зависит от описания структурных особенностей актов фантазии.

С другой стороны, конечно, это всё же незавершённая, неполноценная теория, фактически её фрагмент, изложенный в формате одной статьи, сиюминутный порыв её автора в отдельно взятый период его творчества. Эта традиция никак не была продолжена, а сам Барри Смит лишь изредка ссылается на эту статью для того, чтобы как-то отметить то, как изменилась его точка зрения по сравнению с отдельными (непринципиальными) тезисами, изложенными в этой статье.

Это обуславливает тот факт, что, конечно, она вызывает ряд вопросов, в частности, касающихся обоснования для введения субституциональных актов. По ходу прочтения этой работы присутствует ощущение недосказанности, того, что это просто введение к предстоящей более обстоятельной работе, в которой, может быть, даже некоторые тезисы будут пересмотрены, но базовая концепция будет сохранена и подробно расписана. Тем не менее, на мой взгляд, эта теория может служить образцом для работы в русле интерпретации майнонгианских идей для того, чтобы применять их на конкретных примерах из разных областей знания.

Заключение

Настоящее исследование представляет проблему онтологического статуса несуществующих вещей в её развитии, в постоянном движении и трансформации, непрерывной реинтерпретации. Прделанная работа позволяет подвести определённые итоги анализа этой проблемы, проанализировать те дискуссии, в которых оформлялись представления о статусе несуществующих вещей. Сам этот путь, так же, как и его описание и осмысление, служит примером и иллюстрацией того, как на протяжении целого столетия в философскую традицию вводилось одно из основополагающих для неё понятий – понятие предмета, непосредственно связанное с проблемой статуса несуществующих вещей

В традиции от Больцано до Твардовского мы встречаемся с совершенно особым подходом к пониманию предмета. В период с момента введения Больцано понятий «субъективного представления» и «объективного представления» и вплоть до изобретения им схемы интенциональности статус предмета и значение предмета понимается по-разному.

Больцано оказал колоссальное влияние на всю австрийскую философию. Все её дальнейшие теории в той или иной степени были реакцией на идеи Больцано или, в крайнем случае, испытали их мощное воздействие. Наиболее характерным примером такого влияния является, несомненно, философия раннего Э. Гуссерля. Именно концепции Фреге и Больцано позволили Гуссерлю сформулировать его понятие значения, сыгравшее определяющую роль в реалистической феноменологии. Появление

«интенциональности» дало толчок новым дискуссиям о предмете, в ходе которых оформится теория предметов Майнонга.

На мой взгляд, особенность отношения к предмету как к некой сущности в этот период, если сравнивать его с предшествующими философскими системами (начиная с античности), и состоит в непрерывном развитии, в этой замысловатой философской игре со статусом предметности. Особенность же традиции в целом в том, что она отрицает системность как принцип выстраивания ответов на философские вопросы. Её кредо, выраженное в работах Brentano, в постановочных вопросах. Именно постоянное вопрошание позволяет открывать новые темы в философии, одной из которых и стала проблема возможности существования несуществующих предметов.

В результате сравнительного исследования проблемы интенциональности (Brentano, Твардовский), были сделаны следующие выводы. Твардовский, в целом основываясь на уже выработанных Brentano представлениях об интенциональности (по крайней мере, так он считал), тем не менее, работал со многими источниками того времени, с некоторыми полемизируя, с другими соглашаясь. Эти взгляды изменили представление Твардовского об интенциональности. В частности, это привело к появлению его концепции различения содержания и предмета представления. Я пытался найти некий непосредственный источник влияния на появление этого различения. Я искал его подобие в предшествующих учениях (Больцано, Brentano, Керри, Циммерман, Гёфлер). И пришёл к выводу, что различение Твардовского является его «самостоятельным» достижением. Безусловно, оно сформировалось в ходе исследования работ современных философов: действительно, его концепция сходна с их теориями. Но различение содержания и

предмета Твардовского также во многом отличается от них. Можно сказать, что Твардовский обратил внимание на это разделение.

Итак, следует признать, что проблема интенциональности, исследуемая Brentанистами, по сути, сосредоточена вокруг проблематики интенциональных предметов. Проблема интенциональных предметов является ключевой для всех авторов, чьи взгляды рассмотрены в связи с обсуждаемыми здесь вопросами. Это следует из результатов предпринятого мною сравнительного исследования концепций Brentано и Твардовского, проблематики различения содержания и предмета представления, и спора о беспредметных представлениях. Анализ последнего имеет решающее значение для интенциональности, которое стоит за простым определением предмета и его свойств.

Теория предметов Алексиуса Майнонга, вобравшая в себя эти проблемы и дискуссии, стала своеобразной визитной карточкой всей этой традиции. В ней весьма органично сочетаются влияния Больцано, Brentано и Твардовского. В дополнение к этому Майнонг на основе этих идей сумел создать чёткую содержательную теорию, на которую могло бы опираться дальнейшее философское исследование.

Теория предметов была продуктом сложных по структуре дискуссий в австрийской философии этого периода. При этом основными авторами, обращавшимися к исследованию статуса и свойств предметности, были Твардовский и Майнонг. Твардовский заложил некоторые теоретические основы теории, выделив такое свойство предмета, как быть представленным, а Майнонг осуществил разработку и обоснование теории предметов как всеобщей науки – подобно феноменологии Гуссерля, претендующей на место универсального философского метода.

Актуализируя идеи Майнонга, я могу сказать, что философия XX в., основываясь на логическом анализе языка, тщетно пыталась избавиться от несуществующих или выдуманных сущностей или выбросить их за свои границы. Строгое ограничение философствования только действительными, логически непротиворечивыми сущностями (то, что Майнонг называл «предрассудком в пользу действительного») является большой ошибкой и приводит к неполноте философского анализа.

Сегодня некоторые авторы говорят о тупике, в который зашла аналитическая философия. В своей ориентации на научность отказавшись от рассмотрения многих неразрешённых философских проблем и от *метафизики*, она на сегодняшний момент будто бы исчерпала весь арсенал своих задач. Интенсивность дискуссий, происходящих в ней сегодня, как мне кажется, теперь напрямую зависит от новых результатов научных исследований мозга. Только возвращение к тем метафизическим проблемам, таким, как проблема статуса несуществующих предметов, способно дать новый толчок развитию аналитической мысли.

Так или иначе, как мы увидели в рамках данного исследования, эти идеи были поддержаны в аналитической философии и получили дальнейшее развитие. Теренс Парсонс, Ричард Роутли и Эдвард Залта пытались построить новую майнонгианскую систему, в задачи которой входил бы поиск возможности рассмотрения несуществующих вещей наряду с существующими. Они понимали, что несуществующие вещи являются своеобразной «недостающей массой» эпистемологии и онтологии. Несмотря на общие философские корни, все эти теории по-разному подходят к решению вышеупомянутой задачи. Тем не менее, как мы показали, ни

одна из этих теорий не предлагает удовлетворительного подхода к рассмотрению несуществующих вещей.

Теренс Парсонс предложил адекватный вариант перевода терминологии Майнонга на язык современной философии. Он надеялся, что выведя теорию Майнонга на новый уровень, сумеет разрешить ряд стоящих перед теорией проблем, достойно ответить на аргументы её критиков. Несмотря на то, что часть критики действительно удалось отклонить (в частности, путём введения различия свойств на экстрануклеарные и нуклеарные решить проблему с расселовским выражением о том, что «существующая золотая гора существует»), тем не менее, построить законченную теорию не получилось. Предложенное Парсонсом различие свойств предметов всё же содержит ряд неясностей; в частности, в вопросе свойств несуществующих предметов, использование которых недостаточно прояснено.

Теория абстрактных объектов Залты занимает особое место среди современных майнонгианских теорий, поскольку она выстроена на основе идей ученика Майнонга Эрнста Малли, чья теория в некоторых аспектах расходилась с концепцией его учителя. При этом ему удалось решить проблему свойств несуществующих предметов. Два типа предикации, которые Залта позаимствовал у Малли, послужили решением ряда проблем, возникающих при различении свойств существующих и несуществующих предметов. Особенно стоит отметить его попытку применения своей теории для описания статуса вымышленных предметов. Пожалуй, подходы Э. Залты и Барри Смитак рассмотрению вымышленных предметов можно считать наиболее успешными. Тем не менее, тип предикации, при котором противоречивый или вымышленный объект кодирует свои свойства, остаётся недостаточно прояснённым.

Теория Роутли, как мы показали, является наиболее успешной из майнонгианских теорий. Роутли стремился создать не просто одну из новых интерпретаций учения Майнонга, а выстроить на его основе самостоятельную концепцию. С моей точки зрения, можно утверждать, что теория айтемов является прямым продолжением теории предметов Майнонга в аналитической философии, имея в виду, какие задачи она перед собой ставит и как предполагает их решать. При этом, однако, эта теория является недостаточно проработанной и уязвимой для критики. Особенно это касается выдвинутого Роутлипостулата о характеристике.

Таким образом, на сегодняшний день ни одна из майнонгианских теорий не предлагает удовлетворительного подхода к решению проблемы онтологического статуса несуществующих предметов. Сама по себе теория Майнонга является хорошим фундаментом для построения новых теорий о несуществующих вещах, хотя она и не решает этой проблемы. Необходимо продолжать работать в этом направлении. К сожалению, в последние двадцать лет не было предложено ни одной новой майнонгианской теории. Новые теории, на мой взгляд, должны не просто предлагать некоторую классификацию предметов, новые способы предикации и новые виды свойств, но и конкретные методы для анализа вымышленных предметов в литературе и искусстве, а также для анализа предполагаемых предметов в области науки.

Библиография

1. Анисов А. М. Типы существования // «Вопросы философии», 2001, №7.
2. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. - М., 1978.

3. Бессонов А.В. Теория объектов в логике. Новосибирск, 1987.
4. Блауштайн Л. Учение Гуссерля об акте, содержании и предмете представления // Избранные сочинения. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
5. Блауштайн Л. Имагинативные представления // Избранные сочинения. – М., 2002.
6. Больцано Б. Учение о науке. СПб.: Наука, 2003 г.
7. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
8. Brentano Ф. Избранные работы, М., Дом интеллектуальной книги, 1996.
9. Васюков В.Л. Формальная феноменология. М., 1999.
10. Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967.
11. Воленский Я. Львовско-Варшавская философская школа. – М.: РОССПЭН, 2004 г.
12. Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика. М., 2000.
13. Гладких Ю.Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. М., 2006.
14. Громов Р. А. Brentановский тезис об интенциональности – проблема перевода // Доклад, сделанный на конференции «Проблемы перевода литературы по феноменологии и герменевтике», Москва 22-23 октября 1999 г.
15. Громов Р. Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля. // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
16. Громов Р. А. Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф. Brentано // Логос, № 32. – М. 2002 г.
17. Гуссерль Э. Избранная философская переписка. Т. 1. М.: «Феноменология-Герменевтика», 2004.

18. Гуссерль Э. Интенциональные предметы. // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
19. Драгалина-Черная Е. Г. Онтологии для Абельяра и Элоизы. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
20. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
21. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство Иностранной литературы, 1962.
22. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Кант. И. Сочинения в шести томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1963.
23. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 3. Издательство «Чоро», 1994.
24. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: «Территория будущего», Идея-пресс, 2006.
25. Карпович В.Н. Термины в структуре теории. Новосибирск, 1978.
26. Котарбиньский Т. Радикальный реализм // Котарбиньский Т. Избранные произведения. М., Издательство иностранной литературы, 1963.
27. Куайн У. В. О. О том, что есть // Он же. Слово и объект. М.: Праксис, 2002.
28. Кузнецов В.Г. Фрегевская интерпретация понятия «существование» // Вестник МГУ. 1984, № 6.
29. Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 84-97.
30. Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. Т.70. С. 11-23.

31. ЛатурБ. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология одной двери. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 199-223.
32. Ледников Е.Е. Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // Логос. 2009. № 2. С. 37-43.
33. Ледников Е. Е. Собственные имена и концепция существования // Эпистемология и философия науки. 2012. №2. С. 69–72.
34. Майнонг. А. О теории предметов / Пер. снем. и вступ. статья В. Селивёрстова // Эпистемология и философия науки, 2011, № 1. С. 198-230.
35. Майнонг А. Самоизложение. – М.: ДИК, 2003.
36. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
37. Мамчур Е.А. Проблема соизмеримости теорий. – Физическая теория. Философско-методологический анализ. М., 1981.
38. Мигла А.В. Какие имена можно назвать подлинными собственными именами? // Эпистемология & Философия науки. №2, с. 86-89.
39. Мигла А.В. Подходы к решению проблемы «пустых» имен в аналитической философии // Материалы Всероссийской научной конференции «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России», СПб.: Изд-во филос.ф-та СПбГУ, 2012, с. 170-172.
40. Молчанов В. Две лекции о Brentano // Логос, № 32. – М. 2002.
41. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990.
42. МюнхД. Intentionale Inexistenz уBrentano // Логос, № 32. – М. 2002.
43. Павленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.
44. Патнэм Х. Разум, истина, история. М.: Праксис, 2002.

45. Переписка Бертрانا Рассела и Алексиуса Майнонга / Пер. с нем. и вступ. статья В. Селивёрстова и О. Попик // Эпистемология и философия науки, 2013, №2. С.219-223.
46. Печенкин А.А. Обоснование научной теории: классика и современность. - М., 1991.
47. Райл Г. Феноменология против «Понятия сознания». // Логос, №52, 2006.
48. Райл Г. Мартин Хайдеггер. Бытие и время. // Топос № 3 (17), 2007.
49. Рассел Б. Об обозначении // Он же. Избранные труды. Новосибирск: Сиб. Унив. изд-во, 2007.
50. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Антология реалистической феноменологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
51. Розов М.А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965.
52. Рузавин Г.И. О природе математического знания. М., 1968.
53. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 1987.
54. Смирнов В.А. Формальный вывод и логические исчисления. М., 1972.
55. Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986.
56. Степин В.С. Теоретическое знание. - М., 2000.
57. Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. – М., РОССПЭН, 1997.
58. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
59. Фреге Г. О понятии и предмете. // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов, М.: Аспект Пресс, 2000.

60. Фреге Г. Основоположения арифметики. - Томск: Водолей, 2000.
61. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. - М.: Аспект Пресс, 2000.
62. Хармс. Д. Голубая тетрадь N 10.
http://lib.ru/HARMS/xarms_prose.txt
63. Целищев В.В. Логика существования. М., 2010.
64. Целищев В.В. Существование и пустые термины //Вопросы философии, 1970, № 12.
65. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
66. Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос, №47, 2005.
67. Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
68. Alexius Meinong Ergänzungsband zur Gesamtausgabe. Kolleghefte und Fragmente. Schriften aus dem Nachlaß, ed. by Reinhard Fabian and Rudolf Haller, Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. Suppl. Vol. of Meinong 1968–78. 1978.
69. Der Briefwechsels B.Bolzano's mit F.Exner. Herausgegeben mit Einleitung und Anmerkungen von Eduard Winter. Praha, 1935.
70. Bolzano. Erbauungsreden für Akademiker, Prague: Caspar Widtmann, 1813.
71. Bolzano. Lebensbeschreibung. Sulzbach: J. E. v. Seidel, 1836.
72. Bolzano B. Wissenschaftslehre. Versuch einer ausführlichen und grösstenteils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Bearbeiter. Sulzbach, 1837.
73. Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache //Erkenntnis, II, 1932.

74. Chisholm R.M. Homeless objects // *Revue Internationale de Philosophie* 27, 1973, p.207-223
75. Chisholm R.M. Review: Philosophenbriefe: Aus der Wissenschaftlichen Korrespondenz von Alexius Meinong by Rudolf Kindinger // *The Philosophical Review*, Vol. 77, №3, 1968. P. 372-375.
76. Eames E.R. Russell's Study of Meinong // *Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives*, 1971/2, №4. P. 3-7.
77. Findlay J.N. Meinong's theory of Objects and Values, 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. P. xi-xii.
78. Fine K. Critical Review of Parsons' Nonexistent Objects // *Philosophical Studies*, 45, 1984. P. 95–142.
79. Frege. *Wissenschaftlicher Briefwechsel*, Hamburg 1976, S.105 [Husserl an Frege 10.11.1906].
80. Findlay J. N. Meinong's theory of objects. Oxford. 1963.
81. Gellman J.I. Suter on Russell on Meinong // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 29, №3, 1969. P. 441-445.
82. Griffin N. Russell's "horrible travesty" of Meinong // *Russell: The Journal of the Bertrand Russell Archives*, 1977, № 97. P. 39-51.
83. Hieke A., Zecha G. Ernst Mally // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/mally/>
84. Hintikka. Meinong in a Long Perspective // *Meinong and the theory of objects* / ed. by R. Haller. Amsterdam/Atlanta, GA 1996. XXI.
85. Howell R. Terence Parsons: Nonexistent Objects // *The Journal of Philosophy*. Vol. 85. 1983.
86. Höfler A. "Logik" Unter Mirwirkung von dr.Alexius Meinong. Wien: Tempsky, 1891.
87. Hunter D., Reference and Meinongian Objects // *Grazer Philosophische Studien* № 14. 1981. P. 23-36.
88. Husserl. *Briefwechsel*, Dordrecht 1994.

89. Jacquette D., *Meditations on Meinong's golden mountain // Russell vs. Meinong: The Legacy of "on Denoting" / ed. By N. Griffin & D. Jacquette. Routledge, 2009.*
90. Jacquette D., *Meinongian Logic. The Semantics of Existence and Nonexistence (Perspectives in Analytical Philosophy 11), Berlin–New York: de Gruyter, 1996.*
91. Jacquette D. *Meinong's concept of implexive being and non-being // Grazer philosophische Studien. № 50. 1995.*
92. Jacquette D. *Aussersein of the Pure Object // The School of Alexius Meinong. Aldershot: Ashgate, 2001.*
93. Kerry B. *Über Anschauung und ihre psychische Verarbeitung. Zweiter Artikel. Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie X, 1886,*
94. Korselt A. *Über die Grundlagen der Geometrie. Jahresbericht der Deutschen Mathematiker-Vereinigung (12), 1903.*
95. Künne W. "Die Ernte wird erscheinen...". *Die Geschichte der Bolzano-Rezeption (1849-1939) // Bolzano und die österreichische Geistesgeschichte / Heinrich Ganthaler und Otto Neumaier (Hrsg.). - Sankt Augustin : Academia-Verl., 1997.*
96. Lambert K., «*Meinong and the Principle of Independence. Its Place in Meinong's Theory of Objects and Its Significance in Contemporary Philosophical Logic*», Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
97. Landini G. *Russell's Definite Descriptions de Re // Russell vs. Meinong: The Legacy of "on Denoting" / ed. By N. Griffin & D. Jacquette. Routledge, 2009.*
98. Lask E., "Die Lehre vom Urteil" (1912), *Gesammelte Schriften, Bd.2, Tübingen 1923.*
99. Lewis D. *Noneism or Allism? // Mind. № 99. 1990. P. 23-31.*

100. Lewis D., Truth in Fiction // American Philosophical Quarterly, 1978, 15, p. 37-46
101. Linsky L. Referring. London: Routledge and Kegan Paul, 1967. P. 16
102. Mally E. Gegenstandstheoretische Grundlagen der Logik und Logistik // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1912. № 148.
103. Marek J. Alexius Meinong. <http://plato.stanford.edu/entries/meinong/>
104. Meinong A., Über Annahmen, 2nd ed., Leipzig, 1910.
105. Meinong A. Über emotionale Präsentation // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse, Band [Vol.] 183, Abhandlung [Article] 2, Wien. Separate Edition: Wien: A. Hölder, 1917, 183 pp.
106. Meinong A. Über Gegenstandstheorie // Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie. Leipzig. Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1904.
107. Meinong A. Über Gegenstände höherer Ordnung und deren Verhältnis zur inneren Wahrnehmung. Ebenda. Bd. 1899.
108. Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie. Leipzig: J. A. Barth, 1915.
109. Oliver A. A few more remarks on logical form // Grammar in Early Twentieth-Century Philosophy / ed. by R. Gaskin. London, Routledge, 2001. P. 142-163.
110. Palägyi M. Der Streit der Psychologen und Formalisten in der modernen Logik. Leipzig, 1902.
111. Palägyi M. Kant und Bolzano. Eine kritische Parallele. Halle, 1902.
112. Parsons T. Referring to Nonexistent Objects // Theory and Decision, V. 11, 1979.

113. Parsons T. Are There Nonexistent Objects? // American Philosophical Quarterly, 19, 1982, p. 365–371.
114. Parsons T. Review of Richard Routley's Exploring Meinong's Jungle and Beyond: An Investigation of Noneism and the Theory of Items. Journal of Philosophy (March 1983), 80(3):173-179.
115. Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven: Yale University Press, 1980.
116. Peirce C. S. The New Elements of Mathematics (ed. C.Eisele), The Hague 1976, V.IV.
117. Perszyk K. Nonexistent Objects. Meinong and Contemporary Philosophy. The Hague, 1993.
118. Poli R. The Brentano Puzzle: An Introduction, in Roberto Poli, ed., The Brentano Puzzle, Ashgate, 1998.
119. Poli R. General Theses of the Theory of Objects // The School of Alexius Meinong. Aldershot: Ashgate, 2001.
120. Priest G., «Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality», Oxford University Press, 2005
121. Puglisi M. Franz Brentano: A Biographical Sketch //The American Journal of Psychology, Vol. 35, No. 3. (Jul., 1924).
122. Rapaport W. J. Critical study of Richard Routley's Exploring Meinong's Jungle and Beyond // Philosophy and Phenomenological Research, № 44. 1984. P. 539-552.
123. Reicher M. Nonexistent Objects, <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/>
124. Routley R. Exploring Meinong's jungle and beyond: an investigation of noneism and the theory of items. Australian national university, 1980.
125. Routley R. and Routley V. "Rehabilitating Meinong's theory of objects", Revue internationale de Philosophie, 27, 1973, p. 224-254.

126. Russell B. Meinong's Theory of Complexes and Assumptions // Russell B. Essays in Analysis / ed. by D. Lackley. London: AllenandUnwin, 1973. P. 21-22.
127. Russell B. Non-Euclidean Geometry // The Athenaeum, № 4018, 1904.
128. Russell. B. Principles of mathematics. London: Cambridge University Press, 1903.
129. Russell B. Review:Uber die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften. by A. MeinongReview by: B. Russell // Mind, №63, 1907. P. 436-439.
130. Ryle G. Intentionality Theory and the Nature of Thinking // Revue international de philosophie. 1973. № 27.
131. Sainsbury R. Fiction and Fictionalism. New York, Routledge, 2010.
132. Simons P. «Objects, objectives, dignitatives and desideratives: Meinong on the objects of cognition and affect». Conference «Austrian thought at the turn of the 20th century». The University of Texas at Arlington. November 1-3, 2012.
133. Salice A. Urteile und Sachverhalte. Ein Vergleich zwischen Alexius Meinong und Adolf Reinach. München: Philosophia Verlag, 2009.
134. Smith B. Austrian Philosophy: The Legacy of Franz Brentano, La Salle and Chicago: Open Court, 1994.
135. Smith B. Ingarden vs. Meinong on the Logic of Fiction // Philosophy and Phenomenological Research, 16 (1980), 93–105.
136. Smith B. «Ontology and the Austrian Tradition». Conference «Austrian thought at the turn of the 20th century». The University of Texas at Arlington. November 1-3, 2012.
137. Smith B. The Substitution Theory of Art // Grazer Philosophische Studien, 25/26 (1986), P. 533–557.

138. Smith J. F. The Russell-Meinong Debate // Philosophy and Phenomenological Research. Vol. 45. №3, 1985.
139. Stevens G. Antirealism and the theory of descriptions // Russell vs. Meinong: The Legacy of "on Denoting" / ed. By N. Griffin & D. Jacquette. Routledge, 2009.
140. Suter R. Russell's "Refutation" of Meinong in 'On Denoting // Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 27, №4, 1967. P. 512-516.
141. Twardowski K. Selbstdarstellung // Grazer Philosophischen Studien (39).
142. Van Inwagen P., «Creatures of Fiction», American Philosophical Quarterly, 14, 4, 1977, p.299-308.
143. Van Inwagen P., «Existence, Ontological Commitment and Fictional Entities», In The Oxford Handbook of Metaphysics, ed. Micha
144. W. Windelband, "Die philosophischen Richtungen der Gegenwart", in: E.v.Aster (Hrsg.), Große Denker, Bd.2, Leipzig 1912, S.376.
145. Winter E. Der böhmische Vormärz in Briefen B.Bolzanos an F.Pfihonsky (1824-1848). Beiträge zur deutsch-slawischen Wechselseitigkeit, Berlin, 1956.
146. Witasek S. Grundzuge der allgemeinen A'slhetik. Leipzig: Barth. 1904
147. Woleński J. Twardowski o przedstawieniach bezprzedmiotowych // Szkoła Lwowsko-Warszawska w polemikach. Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, Warszawa, 1997.
148. Woleński J. Essays in the History of Logic and Logical Philosophy, Cracow: Jagiellonian university press, 1999.
149. Yagisawa T. Possible objects, www.plato.stanford.edu/entries/possible-objects/.

150. Zalta E. The Theory of Abstract Objects, <http://mally.stanford.edu/theory.html>.
151. Zalta E. Principia Metaphysica (Draft), Center for the Study of Language and Information, Stanford University, February 1999.
152. Zalta E. Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality. Cambridge: Mass.: The MIT Press, 1988.
153. Zalta E. Referring to Fictional Characters //Dialectica, 57/2 2003, p. 243-254.
154. Zimmermann R. Philosophische Propädeutik für Obergymnasien. Erste Abtheilung: Empirische Psychologie, Wien 1852.
155. Zimmermann R. Philosophische Propädeutik für Obergymnasien. Zweite Abtheilung: Formale Logik, Wien 1853.

